

Николай
БАШМАКОВ

ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ В ЮНОСТИ

сборник прозы

16+

16+

**Николай Борисович Башмаков
Светлана Эрнстовна Неведомская
Всё начиналось в юности**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51266592

SelfPub; 2020

Аннотация

В данный сборник прозы вошли лирические рассказы о любви и верности, рассказы фронтовиков о войне, о взаимоотношениях человека с природой и обществом, юмористические и иронические рассказы, написанные в период с 2010 по 2019 год. Обложку книги оформил пермский художник Альберт Турбин.

Содержание

От автора	4
Глава 1	5
Глава 2	41
Глава 3	71
Глава 4	107
Глава 5	142
Глава 6	176

От автора

"Чеченский порог" – продолжение книги "Деревенский Зорро", вторая книга дилогии "Динозавр из поколения "пепси". Те же герои, закончившие школу и вступившие во взрослую жизнь. Непросто складывается их судьба, но теперь их ведёт по жизни любовь...

Глава 1

– Деда, когда же я вырасту такой большой, как эти дяди?

– Не спеши, внучек, взрослым быть не так уж хорошо, как кажется.

– Да знаю я... взрослая жизнь опасная и скучная...

Поезд торопливо бежал на запад. Вагон, в котором ехали призывники, был прицеплен в конце состава. Его нещадно раскачивало и мотало, но большинство ребят, перезнакомившись и наговорившись вдоволь, не обращали на это внимания. Они крепко спали. Так умеют спать только молодые люди, расслабившись после суматошного дня и отогревшись в тёплом вагоне после нескольких часов ожидания на холодном осеннем ветру.

Не спали только двое парней, которым предстояло дневалить, да Димка Кузнецов. Сон к нему никак не приходил. Он лежал на верхней полке, вспоминал недалёкое прошлое и размышлял. Под стук колёс думалось хорошо. Димка привык к поездкам с детства. Его отец – офицер, и сколько Димка себя помнит, они всегда куда-нибудь ехали: переезжали со старого места службы на новое, ежегодно "убывали в отпуск", частенько, особенно во время заграничных командировок отца, приезжали на побывку к деду с бабушкой. При

тех переездах с ним всегда были родные. На этот раз он едет без родственников, попутчики – совершенно незнакомые пока ребята. Это создавало совсем иной душевный настрой. Прошло всего два дня, как Димка покинул дом, а он уже заскучал. Ему чертовски не хотелось ехать в неизвестность... Ему хотелось домой, в село Большая Гора. Его дом там.

Хотя умом он понимал: делать там сейчас нечего. После того, как село узнало, что под маской Дублёра вытворял проделки выпускник школы Димка Кузнецов, жить ему легче не стало. Односельчане стали относиться к нему настороженно и с недоверием. В русской деревне не очень жалуют людей с "двойным дном", которые способны провести вас, как младенца. Здесь больше признают людей открытых и понятных. Некоторые, особенно пацаны из младших классов, перед ним откровенно заискивали. Остальные просто не знали, как себя с ним вести. С одной стороны, Димка вроде бы остался таким, как и был: добрым, невредным "поэтом". С другой – это гроза местного криминала – Дублёр. И когда он смотрит на тебя, улыбаясь своей ласковой располагающей улыбкой, поди, угадай, что у него в голове. Поэтому лучше держаться от него подальше, соблюдая при встрече все правила приличия.

Даже те, кто был обижен Дублёром и желал свести с ним счёты, делали вид, что зла не держат. После того, как Димка на виду у всей молодёжи села уложил в пыль десантника

Костю Ясноглазова, эти попросту его побаивались.

Но самого Димку не особенно всё это волновало. Чего нельзя было сказать о матери. Он любил мать и перед ней ему было действительно стыдно. Новость о том, что под псевдонимом Дублёр с деревенским криминалом сражался её собственный сынок, подействовала на Екатерину Никифоровну как ушат холодной воды. Конечно, она задала сыну хорошую взбучку, но было видно, как сильно мать испугалась за сына. Испугалась не за прошлое. Испугалась за его будущее. Женским материнским чутьём она почувствовала, сколь непростом может сложиться судьба у младшенького. Коль с молодых лет обнаружилась у него страсть к борьбе за справедливость и проявилась способность быть настолько скрытным, что о его проделках не догадывалась даже родная мать.

Димка почувствовал, как сильно переживает она за него, и его мучила сама мысль, что он доставляет матери огорчения.

Ну, а настоящие его друзья и приятели разъехались. Витка со Светой ещё в сентябре отправились на учёбу в сельхозакадемию. Прочие одноклассники тоже разлетелись. Кто уехал учиться, кто в город – искать работу, а кто, как и он, был призван в армию. Уехала и девчонка, в которую его угораздило влюбиться. Димка слишком часто думал о ней. И чем больше думал, тем сильнее впадал в пессимизм. За два месяца, с момента отъезда, Маринка ни разу не дала о себе знать. Не написала, не позвонила. Он тоже не предпринимал попыток связаться с ней. Зачем? Она учится в МГИМО, и

новая жизнь закрутила её. В том, что у неё новая интересная жизнь, новые друзья, Димка не сомневался. И как, скажите, должна себя вести девчонка по отношению к нему, не сумевшему поступить даже в рядовой институт. Вполне понятно, что она быстро потеряет к нему интерес и забудет его. Так стоит ли простому солдату навязываться девушке, которой предназначено попасть в высшее общество?

Нынешний капитализм разделил людей в России на группы, классы и прочие стада и стаи. И они, как говорится, с Маринкой теперь в разных стаях. И потому, чтобы завоевать её доверие, у него есть только один путь – самому добиться чего-то в этой жизни. Правда, всё это при условии, если и он ей не безразличен.

А пока он на первом этапе самостоятельной жизни. Ему предстоит честно, а иначе в силу своего воспитания он и не сможет, отслужить два года там, куда везёт его поезд.

*

Димка попал в учебную часть. Школу, где из новобранцев готовят младших специалистов инженерных войск. В обиходе все называли её "учебкой". Здесь предстояло учиться шесть месяцев, чтобы изучить азы военной профессии и получить к концу обучения воинское звание "младший сержант". После учебки их должны будут распределить по воинским частям, где собственно и нужно будет отслужить оставшиеся полтора года на должности младшего командира.

Сразу после прибытия молодое пополнение отмыли в ба-

не, переодели и распределили по учебным ротам. С этого момента новобранцы стали именоваться "курсантами".

Дальше потекли серые армейские будни. Сменявшие друг друга дни вчерашним школьникам казались монотонными, однообразными и удивительно длинными. Время от подъёма и до отбоя было расписано по минутам. Личная жизнь для них перестала существовать. Каждый из курсантов постоянно был в поле зрения командиров и своего воинского коллектива, и это угнетало больше, чем физическая усталость. Даже в минуты послеобеденного отдыха и часа личного времени перед вечерней поверкой нет возможности уединиться. Обязательно найдётся сослуживец, которому позарез требуется поговорить.

Только восемь часов сна безраздельно принадлежали каждому из них. При условии, если не было ночной учебной тревоги. Но натопавшимся и набегавшимся за день новобранцам эти часы отдыха казались секундами. Вроде бы только лёг в постель и закрыл глаза, а дневальный уже орёт: "Рота, подъем!!!"

Неудивительно, что курсантам всё время хотелось спать. Особенно клонило в сон во время классных занятий.

А ещё им постоянно хотелось есть. На перемену пищи и большой объем физической нагрузки организм у всех реагировал одинаково. Они набивали в столовой полный желудок, а чувство голода всё равно не исчезало. Курсанты с удивлением смотрели на прослуживших более года сержантов и не

могли взять в толк : как это возможно – не есть суп и нелюбимую кашу "шрапнель", и ограничиваться за обедом котлетой и компотом?

Но были внутренние переживания у новобранцев или их не было, им всё равно с утра до вечера приходилось топтать по плацу, маршировать с песней, преодолевать полосу препятствий, ползать по-пластунски в учебном городке, стрелять и метать гранату на стрельбище, ходить в учебную атаку на тактическом поле, заниматься нелюбимой ещё со времён школы физической подготовкой и делать много такого, чего никогда не придётся выполнять человеку, не служившему в армии.

Для молодых парней, ещё не научившихся ценить приобретённые навыки и всё ещё оценивающих прожитый день с точки зрения полученных развлечений, дни, заполненные непрерывной учёбой и работой, казались потерянными впустую. Это потом, в дальнейшей жизни, придёт к ним осознание того, что пролитый пот, кровавые мозоли и вдолбленные в голову воинские истины не были напрасной тратой сил, времени или "дурацкой задумкой" сержантов и офицеров.

Но осознание это придёт только к тем, кому удастся выжить. А выжить в любой, даже самой маленькой войне больше шансов у того, кто лучше к ней подготовлен.

*

Димка принадлежал к той немногочисленной категории курсантов, которая постигала воинские науки вполне доб-

росовестно. Потому очень скоро в своём взводе он стал одним из лучших. Офицеры и прапорщики часто отмечали его усердие и приводили в пример. Благодаря этому обстоятельству, а так же независимому поведению, иногда граничащему с дерзостью, он быстро нажил себе врагов. Они сформировались из среды сослуживцев-завистников, относящихся к службе как к обузе, и сержантов.

Первые, пытаясь оправдать своё неумение и откровенную тупость на занятиях, хорохорились и прикрывали свою немощь равнодушной маской: "я всё могу, но не хочу..." Они чаще всего и допекали любого, у кого намечались успехи в службе. "Что... тебе больше других надо?", "Брось потеть, всё равно это тебе никогда не пригодится...", "Что ты из кожи лезешь? Выслужиться хочешь?" – вот далеко не полный перечень их доводов, и всё для того, чтобы не обременять себя любимого службой "как надо" и прикрыть отсутствие даже минимальных навыков и качеств, присущих настоящим мужчинам.

Вторые сами совсем недавно прошли всё, что полагается новобранцу, получили воинское звание, а вместе с ним пусть небольшую, но власть над людьми. Сейчас они упивались этой властью и "отыгрывались" за унижения, которые когда-то им пришлось испытать самим. Любая попытка подчинённых проявить независимость и инакомыслие расценивалась ими как "преступление". Виновный должен был быть немедленно наказан, чтобы другим неповадно было, а если

он ещё проявлял и упорство, его нужно было сломать. Собственно в этом и заключается один из законов "дедовщины", привнесённый в армию из уголовной среды.

Воинские уставы, требующие беспрекословного выполнения приказов, для командиров, страдающих отсутствием чести и совести, – прекрасная ширма. За ней почти безнаказанно можно творить беззаконие. Именно поэтому проблема искоренения "дедовщины" лежит не столько в плоскости жёсткого контроля "сверху донизу", сколько в моральном и нравственном здоровье людей, приходящих на службу в армию.

А время бежало вперёд. Остался позади курс молодого бойца. Новобранцы постепенно привыкали к новым условиям. Они научились оценивать приказы и распоряжения командиров и стали понимать, что не все эти приказы обусловлены требованиями службы. Димка одним из первых почувствовал на себе давление и откровенную несправедливость со стороны сержантов роты.

Про неуставные взаимоотношения, в просторечье называемые "дедовщиной", он знал ещё с тех времён, когда пацаном ходил к отцу в часть. Но то, что он увидел в этой учебке, удивило даже его...

В душе он понимал, что сваливать всю вину "за дедовщину" на офицеров могут только невежи и правозащитники-популисты. Армия – это часть общества, и если в обществе держат верх криминальные законы, здоровой армия

быть не может. И всё же от конкретной работы офицерского состава в части и в подразделениях зависело многое.

В девяностые годы, особенно после первой войны в Чечне, у молодых людей сформировался исключительно отрицательный образ современного русского офицера. Но новобранцы быстро подметили разницу между офицерами. Не все среди них были бездельниками и людьми, потерявшими веру в необходимость и полезность ратного труда. Некоторые служили вполне добросовестно. Эти и в военное училище шли сознательно, чтобы, окончив его, служить до старости. Таким офицером был командир соседней роты капитан Тоторин. Выходцу из бедной сельской семьи и в армии жилось непросто. Жена – без работы, двое маленьких детей, попробуй прожить на одну небольшую зарплату, если нет помощи со стороны родных. Молва утверждала, что Тоторин тайком подрабатывает по ночам в частной фирме. Однако двойная нагрузка отражалась на здоровье офицера, но не на его службе. Капитан уверенно командовал ротой, пользовался у подчинённых авторитетом, и в его подразделении был относительный порядок.

Были среди офицеров и иные. Из тех, кого вполне обеспеченные родители отправили в военное училище почти что насильно. Намучившись с отпрыском на гражданке, они тешили себя мыслью: армия перевоспитает, исправит сына и удержит его от дурных привычек.

Эти, окончив училище, отбывали в армии номер. Зар-

плата и щедрая финансовая подпитка со стороны родителей вполне позволяли им бездельничать и прожигать жизнь в своё удовольствие под благородным предлогом служения Отечеству. Однако пользы Отечеству от такого "служения" было мало. Назвать офицерами этих служаков можно было лишь условно. Главная цель у подобных "людей в погонах": дождаться очередного повышения в должности и звании. А для этого порой достаточно уметь держать нос по ветру, вовремя угодить начальству и своевременно пустить ему пыль в глаза, доказывая своё рвение и преданность. Подчинённые, и в первую очередь солдаты, рассматривались ими как неизбежная помеха, способная лишь помешать личной жизни. Поэтому вся работа с подчинёнными сводилась к раздаче указаний, контроль за выполнением которых такие командиры полностью перекладывали на плечи младших командиров.

К таким офицерам относился командир курсантской роты, в которой учился Димка, капитан Фоменко. В службе он не напрягался и попросту отдал подразделение сержантам. Офицеры и прапорщики роты появлялись в казарме лишь во время занятий и проведения каких-либо общих мероприятий. В остальное время хозяином в роте был сержант.

Капитан Герман Фоменко подобрал коллектив сержантов из земляков-москвичей. Подробно раскрывать законы землячества нет нужды. Но о землячестве москвичей нужно сказать особо.

В армии во все времена москвичей недолюбливали. За их заносчивость, высокомерие, снобизм. "Я из столицы. А ты откуда? Из Тмутаракани?" Этому есть вполне логичное объяснение. Мегаполис портит людей с детства. В столице всегда существует более сильное расслоение общества, чем на периферии. Любой ребёнок из простой семьи (а именно из таких семей, прежде всего, идут ребята в армию) с раннего возраста видит высокомерие, заносчивость и презрительное отношение отпрысков элиты к выходцам из низших слоёв. Видит он разницу и в материальном положении. Под воздействием этих наблюдений у него формируется комплекс обид, неудовлетворённость своим положением и озлобленность.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что, попадая в воинский коллектив, многие из москвичей вольно или невольно начинают вести себя по отношению к ребятам из глубинки как к "низшему" сословию. Столичное происхождение рассматривается ими как принадлежность к высшему обществу. В результате комплекс накопленных обид выплёскивается на них в чём не повинных ребят с периферии.

Ещё хуже обстоит дело, если столичный снобизм подкрепляется властью. Любой солдат виноват перед сержантом-москвичом уже тем, что его угораздило родиться за пределами МКАДа. И наоборот, даже если ты полное ничтожество, будешь жить беспечно, если сержант-москвич твой земляк.

В учебной роте капитана Фоменко, в которую неблаго-

склонная фортуна определила нашего героя, верховодили москвичи.

*

С первых дней пребывания в учебке Димка подружился с уральским пареньком Толиком Кашиным.

Курносый, светловолосый, коренастый и крепкий – вот первое Димкино впечатление в момент их знакомства в гарнизонной бане, где им пришлось смывать "гражданскую грязь и цивильные грехи".

Толик оказался физически развитым, расторопным и сообразительным хлопцем, но главная особенность его характера не позволяла ему быть в числе лидеров. Он был на удивление добрым. Добрым по отношению ко всем. Именно про таких говорят: "Он и мухи не обидит".

Его простота, прямота и нежелание с кем-либо конфликтовать истолковывались окружающими как безволие и слабохарактерность. Поэтому на его добрые порывы эгоистичные сослуживцы отвечали чаще всего насмешками и оскорблениями, на которые Толик, казалось, совершенно не обижался. Только познакомившись с ним поближе, Димка увидел, как сильно переживает тот любую несправедливость. Для деревенского паренька, выросшего в доброжелательной среде, был противоестественным сам факт, когда человек на доброту отвечал грубостью и оскорблением.

Но всё это было у парня глубоко в душе. Внешне Толик своего недовольства ничем не проявлял. Наоборот, на

любую грубость он выказывал доброжелательность, а любую конфликтную ситуацию всегда стремился погасить какой-нибудь шуткой или поговоркой. Об этой его особенности нужно сказать особо.

Толик к месту, а иногда и не к месту, сыпал пословицами, прибаутками и поговорками. Подобной "болезнью" страдал учитель труда в их сельской школе. Память у Толика была цепкой, и он не просто перенял весь "репертуар", но и значительно превзошёл своего учителя. Он дословно запомнил любые услышанные или прочитанные поговорки, пословицы, прибаутки, типовые шутки и в подходящей ситуации вставлял их в свою речь.

Всё это способствовало тому, что очень скоро в казарме к Толику стали относиться как к шуту. Его обижали все, он не обижал никого. Ну, разве что намёком или ехидной репликой. Но на шутов за это не обижаются.

Он и прозвище, почти обязательный атрибут в любом мужском коллективе, получил соответствующее. На первом же построении, когда спросили его фамилию, Толик заволновался и заикаясь произнёс: "курсант Ка... Кашин!" За что моментально стал именоваться "Какашиным", а в дальнейшем ещё проще "Какашей".

Только те, кто относился к курсанту Кашину по-доброму, звали его просто по имени.

Димка был один из немногих, кто за доброту платил пареньку добром, но и относился к нему с уважением. Поэтому

очень скоро они стали настоящими друзьями. Ребята учились в одном отделении, спали на соседних койках, у них была общая тумбочка. Они часто беседовали по душам и помогали друг другу. Неудивительно, что первый серьёзный конфликт у Димки произошёл, когда он вступился за Толика.

*

Фактическим вожаком в сержантской "стае" был заместитель командира взвода сержант Рябов.

Крупный, на полголовы выше Димки, рыхловатый и флегматичный он внушал "уважение" новобранцам не столько силой, сколько массой своего тела и злобным характером. Его побаивались все, даже заместители командиров других взводов, которые по рангу были наравне с ним. Рябов – основная опора старшины роты и самого ротного.

Для курсантов Рябов был опасен не только тем, что мог, как и другие сержанты, за любую провинность объявить наряд, заставить шестерить или выполнять дурацкие "приказанья", чтобы посмешить "дедушек". Он мог дать в зубы и даже поколотить так, чтобы после этого не оставалось синяков. Особенно любил он покуражиться в комнате для курения, проще говоря, в курилке. Поиздеваться над "сосунками" на виду у многочисленных зрителей считалось особым шиком. Это подчёркивало: " я в казарме хозяин и никого и ничего не боюсь..."

Когда Толика "пригласили" в курилку, Димка пошёл с другом.

Толика заложил Лизуля. Хиленькому Шурику Лизулину повезло уродиться москвичом, потому он входил в сержантское землячество. Однако природных данных и личных качеств его хватало лишь на то, чтобы шестерить в ротной "элите", да регулярно "закладывать" сослуживцев, "нарушающих" установленный в подразделении порядок.

Допрос и суд над Толиком производился в лучших традициях казарменной дедовщины. Его вполне можно было зафиксировать в форме стенограммы. В роли следователя, прокурора и судьи выступал сержант Рябов.

– Ну, Какаша, расскажи нам, что ты говорил обо мне сегодня в столовой?

Толик делает удивлённое лицо.

– Я?! Про вас, товарищ сержант, я ничего не говорил...

– А про кого говорил? Кого ты обозвал холуём?

– Холуём я никого не называл... Сказал только Лизуле поговорку...

– И что ты сказал? Повтори.

– Ну... сказал: за медный пятак и этак, и так, а уж за полтину – дугою спину...

– А ты знаешь, что Лизуля мой друг?

– Знаю...

– Вот, чтобы ты про моих друзей не распускал язык, прими упор и отожмись двадцать раз... Лизуля, считай.

Толик безропотно принимает упор лёжа и начинает отжиматься. Лизулин считает. Присутствующие хихикают. Дим-

ка смотрит без тени улыбки и ждёт, что будет дальше. Толик заканчивает упражнение, допрос продолжается.

– Ну, а кого ты вчера на проверке назвал ослом? Что ты сказал про старшину?

– Осёл и в Киеве конём не станет..., но это не про старшину... – с робостью выдавливает признание Толик.

– О-о-о! Это оскорбление старшего прапорщика. За это нужно наказывать.

Рябов хватает Толика за грудки, подтягивает к себе и щёлкает "подсудимого" по лбу. Публика снова хихикает.

– Ну, что скажешь, повесели нас ещё какой-нибудь поговоркой.

Толик исподлобья смотрит на мучителя.

– Где умному горе, там глупому веселье...

– Опять ты неправ. Теперь ты оскорбил всех нас. По-твоему получается, что мы все дураки, а ты один – умный.

Рябов ещё раз, уже сильнее, щёлкает Толика по лбу. Эта "игра" его забавляет.

– Ну, а теперь доложи, кого ты обозвал уродом?

– Никого..., я просто так... вообще сказал...

– Ну, и что ты сказал? Повтори.

– Пословицу сказал: "В хорошей природе – не без уroda, а в худой – не без выродка".

– Лизуля, доложи, кого он имел в виду?

– Разговор перед этим шёл о вас, товарищ сержант.

– Слышал? Ты меня сильно обидел, а обиду я никому не

прощаю.

Рябов снова берет Толика за грудки, но вместо щелбана открытой ладонью бьёт его по уху. Звук от удара очень смачный. Ухо Толика на глазах краснеет. Публика ржёт от восторга. Рябов доволен. Он обводит взглядом курилку и натывается на хмурое лицо.

– Кузнецов, а ты что не смеёшься? Тебе невесело?

Смех утихает. Димка отвечает спокойно, лишь желваки слегка его выдают.

– Над тем, что вы делаете, смеяться нельзя.

– Что, жалко Какашу? Тогда плачь... Или тебе для этого тоже нужно по уху врезать?

В курилке раздаётся привычное гы-гы-гы. Димка, сжав губы, молчит, а Рябов, уже без всякой улыбки, переключается на него.

– Ну, объясни, почему над тем, что я делаю, нельзя смеяться?

– Потому, что вы издеваетесь над подчинённым и бьёте его, а за это статья уголовного кодекса предусматривает наказание с лишением свободы... Причём на более длительный срок, чем служба в армии.

Лицо у Рябова вытягивается и сереет.

– Ты что, заложить меня хочешь?

– Во-первых, не заложить, а согласно уставу доложить по команде. А во-вторых, это не обязательно могу сделать я. Свидетелей полная курилка.

Глаза у Рябова загораются, как у японского самурая перед решающей битвой. Он готов голыми руками задушить эту "смятку". Но последняя фраза действует отрезвляюще. Свидетелей и на самом деле с избытком. Сержант делает вид, что успокоился, и оставляет за собой последнее слово.

– Видели, – показывает он пальцем на Димку, – у нас объявился свой доморощенный правозащитник! Трепещите..., не пугайте и даже не чихайте, иначе он тут же "согласно уставу" доложит...

Он обводит всех взглядом и вдруг злобно рявкает:

– Хватит, повеселились, а ну... разошлись!

С этого момента у Димки кроме недругов появился смертельный враг.

*

Лозунг "Армия должна быть вне политики" придуман для вполне конкретной цели. Политически безграмотным человеком легче управлять, с ним можно проделывать любые махинации. Солдат не обязан размышлять и задумываться над тем, что он в данный конкретный момент защищает: Родину, свой народ или богатство нуворишей. Только солдафон, умеющий лишь слепо повиноваться командирам, способен открыть огонь, если перед дулом его автомата родная мать.

Пример омоновцев, избивающих стариков, а ещё более жестоко – молодых ребят, вышедших на демонстрацию протеста против нищеты и несправедливости, как нельзя лучше показывает, какую профессиональную армию мечтают иметь власть

имущие.

Для подготовки безропотного и покорного солдата в Российской армии в девяностые годы вместо института политработников был введён институт воспитателей. Думается, принципиальная разница между этими институтами понятна любому грамотному человеку.

Политработники стремились дать солдату азы политической грамоты, чтобы солдат осознанно защищал Родину и свой народ.

Задача воспитателей противоположна. Их обязанность: деполитизировать прибывающий на воинскую службу контингент, сделать его послушным орудием в руках командиров, чтобы солдат в любой момент был готов защитить интересы той части населения, в чьих руках не только национальные богатства, но и власть.

Однако совсем оставить военнослужащего "вне политики" пока не получалось. Мешали придуманные на Западе "Права человека".

Одним из таких прав являлось право участвовать в выборах. Право это можно считать чисто символическим, так как в условиях Российской армии "Закон о выборах..." работал только в одну сторону. В сторону действующей власти.

Курсантам предстояло участвовать в выборах губернатора области. Кандидатов на этот пост было два. Первый – от партии власти. Второй – от оппозиции.

Димка, как и абсолютное большинство курсантов, прини-

мал участие в выборах впервые. Теоретически он знал, как они должны проходить. На практике всё обстояло по-другому, и день этот закончился новой стычкой с сержантом Рябовым.

Выборный процесс в армии был примитивнее, чем на гражданке. Подготовкой к выборам занимался заместитель начальника школы по воспитательной работе. Он собрал командный состав и тщательно его проинструктировал. Командиры, в свою очередь, разъяснили "требования командования" офицерам и прапорщикам. Офицеры и прапорщики объяснили всё сержантам. В конце "была проведена работа" с курсантами.

На вечерней поверке старшина просто и доходчиво объявил: "Товарищи курсанты, мы все как один, обязаны проголосовать за действующего губернатора. Когда кто-то робко пискнул что-то про демократию, старшина "дал пояснение для дубов": если хоть один человек проголосует за кандидата от оппозиции, увольнения в город всей роте не видать до окончания учебки. Больше "глупых" вопросов никто не задавал.

Когда укладывались спать, Толик тихонько принялся ворчать:

– Зачем тогда выборы проводят? Только деньги зря переводят. Я, может, не хочу голосовать за этого толстячка. Он бедный так исхудал, что поперёк толще.

Действующий губернатор и впрямь отъел лицо, с боль-

шим трудом умещавшееся в стандартный экран телевизора. Видимо, поэтому телевизионщики старались не показывать его крупным планом. А впрочем, может быть, просто не хотели, лишний раз высвечивать его бегающие блудливые глазки.

Димка усмехнулся и нравоучительным тоном поучил товарища уму разуму.

– Толик, голосование тайное. Там будет кабинка..., зайдешь в неё и ставь галочку против кого хочешь.

– Но ведь когда будут считать бюллетени, узнают, что кто-то проголосовал против, и лишат всех увольнения.

Димка поморщился. Его удивляла наивность друга.

– Да блеф всё это. Кроме нас голосуют офицеры, их семьи. Неужели ты думаешь, что они тоже боятся остаться без увольнения?

– Ну, их можно запугать другим способом...

– Даже если и так..., бюллетени будут в одной урне. Поди, разбери, где чей.

Однако, чтобы оценить действительность, жизненного опыта курсанту Кузнецову не хватило. Контроль во время голосования курсантов был на удивление примитивным и потому очень действенным.

К избирательному участку роту привели строем. В помещение входили по отделениям, во главе с сержантом. Перед входом сержант Рябов предупредил:

– В кабинку можете входить, но перед тем, как опустить

бюллетень в урну, показывать его мне!

Димка был изумлён и сделал попытку возразить, но Рябов поднёс к его носу кулак.

– А тебя, Кузнецов, предупреждаю персонально! Поставишь галочку не там, где надо, отделаю так, что мать родная не узнает!

Запахло конфликтом, и Толик постарался погасить его в зародыше.

– Ребята! – дурачась, закричал он так, чтобы слышала вся рота. – Голосуем все за кандидата приятной наружности – семь вёрст в округности!

Курсанты засмеялись. На лице Рябова появилась кривая усмешка.

– То-то же! И попробуйте только проголосовать за худого!

Димка спорить не стал, но его заело. Когда подошла очередь, он громко спросил у женщины, выдававшей бюллетени:

– Скажите, а я имею право зайти в кабинку и проголосовать в ней так, как хочу?

– Конечно, – удивлённо ответила та, – для этого кабинки и поставлены, чтобы каждый мог проголосовать тайно.

Димка зашёл в кабинку. Его примеру никто не последовал. Курсанты торопливо ставили галочки, показывали бюллетень Рябову и опускали в урну. Один из парней разволновался и поставил галочку не там, "где надо". Рябов заставил сделать отметку и против другого кандидата. Бюллетень

с двумя галочками будет признан недействительным, но голоса "против" уже не будет.

Димка пошёл на принцип. Он вышел из кабинки и опустил бюллетень в урну, оставив свой выбор в тайне.

*

Наказание последовало в этот же вечер. Неясно, правда, было, кто кого наказал. Вечерняя поверка прошла спокойно, и курсанты улеглись спать. Димка успел даже заснуть, но его растормошил Лизулин.

– Кузнец! Тебя Рябов в курилку зовёт.

Лизулик сопроводил Димку до комнаты для курения и остался на стрёме. Рябов из прошлой стычки сделал выводы. На этот раз в помещении никого не было. Лишь возле двери, ведущей в умывальник, стоял и курил его лучший друг, сержант Крюков.

Если бы Рябов уродился не в столице, а в русском селе Большая Гора, он, вполне вероятно, поостерегся бы в одиночку наказывать курсанта, совсем недавно считавшегося грозой деревенских преступников. Но сержант ничего не знал о прошлом своих подчинённых. Его в принципе не интересовали эти "амёбы с периферии". В его задачу не входило "воспитывать быдло". Его поставили "смотрящим", и нужно всего-то держать "этих недоумков" в узде, чтобы не нарушали заведённый порядок.

Эта самонадеянность и чувство вседозволенности в этот вечер сыграли с ним дурную шутку.

Рябов не стал терять попусту своё драгоценное время и сразу приступил к делу. Он подошёл вплотную к Димке и злобно прошипел:

– Ну что, сопляк, мои приказания тебе не закон? Решил в армии своим умом жить? Не хочешь подчиняться, буду бить тебя, пока не искалечу!

Он резко ткнул Димку кулаком в грудь. Удар был приличный, курсант отлетел к стене, чудом зацепился за неё и не упал.

Рябов медленно пошёл на него, намереваясь продолжить начатое. Сержант Крюков заёрзал в предвкушении зрелища. Однако избиение быка тореадором не состоялось.

Димка отскочил на середину комнаты и со злостью выкрикнул:

– У тебя нет права даже пальцем трогать подчинённого!

– Ах ты, говнюк! Опять о правах заговорил! У тебя тут только одно право – с утра до вечера исполнять мои приказы!.. – с этими словами Рябов снова с размаху попытался нанести удар по курсанту, однако на этот раз его кулак чиркнул по воздуху.

Димка ловко ушёл от удара и отскочил на безопасное расстояние.

– У меня тоже нет права бить командира, но предупреждаю: ещё раз махнёшь, дам сдачи!..

Изумлению сержанта не было предела.

– Ты, салага, мне угрожаешь?! Ах ты, клоп деревенский,

да я тебя!..

Он снова наскочил на строптивного подчинённого. На этот раз его удар частично достиг цели. Димка удар в плечо удержал, резко ушёл в сторону и сбоку врезал Рябову по уху.

Сержант взбесился до такой степени, что закричал по-звериному:

– Убью!.., – далее последовал каскад слов совершенно нелитературного характера. Он подскочил к сопернику, пару раз ударил воздух правой рукой, ещё раз врезал по воздуху левой... Потом пнул всё тот же воздух ногой... Комната для курения была просторной. Сержант флегматичен и неповоротлив. Его соперник, напротив, обладал прекрасной реакцией. Потому до поры до времени и страдал ни в чем не повинный воздух.

Но долго так продолжаться не могло. И когда один из ударов Рябова снова достиг цели, Димка не стал искушать судьбу и врезал противнику в солнечное сплетение.

Рябов задохнулся от боли и замер в позе чучела птицы с раздвинутыми в стороны руками-крыльями. Его соперник был не намерен играть в благородство, и сбил сержанта одновременным ударом рукой по шее и подножкой. Тот кулём свалился на пол.

Жертва сержантского произвола на глазах превратилась в орудие возмездия. Изумлённый до глубины души сержант Крюков отмер и кинулся на помощь другу. Он довольно сильно пнул ногой Димке в бедро, но восстановить "справед-

ливость" ему не удалось. Жертва от боли тоже озверела и так врезала нападавшему, что тот спиной вперёд отправился в умывальник, где, пролетев через дверь, не совсем благополучно приземлился.

Тем временем Рябов от затеи наказать курсанта не отказался и начал предпринимать попытки, чтобы встать.

– Ну, сволочь, я тебя урою! Я тебе это обещаю!..

Обозлённый Димка схватил его левой рукой за волосы, правой снова ткнул чуть ниже диафрагмы.

– Это я тебе обещаю!.. Ещё раз тронешь кого-нибудь пальцем и вместо дембеля уедешь в тюрьму!

В это время в комнату для курения заскочил дежурный по части. Он обходил подразделения с ночной проверкой. Такое иногда тоже случается, если на дежурстве добросовестный офицер. Услыхав крики, майор не дослушал рапорт дежурного по роте младшего сержанта Ефимова, о том, что "происшествий не случилось", и напрямик ринулся в курилку.

– Прекратить драку!!! Иначе я вас всех сейчас на губу!..

Димка изобразил крайнее удивление:

– А кто дерётся, товарищ майор? Я показывал товарищу сержанту приёмы самбо. У него очень плохо... с приёмами. По физю может двойку получить...

Майор недоверчиво посмотрел на сидящего на полу сержанта.

– Что скажешь, Рябов?

Рябов понимал: как ни крути, скандал не в его пользу.

– Так оно и есть, – глухо пробурчал он, – мы боролись...
– Бороться надо на занятиях, а не ночью в курилке!..
– Я говорил товарищу сержанту, – скромно подпел Димка, – лучше всего сражаться в спортзале, на матах... Но он меня не послушал.

– Марш спать! И если что, всех отправлю на губу! Спортсмены, мать вашу!..

Участники "соревнований" молча побрели к кроватям. Только Рябов негромко сквозь зубы процедил:

– Ну, урод, держись. До дембеля ты не доживёшь. Увезут тебя домой в цинке...

Слова его оказались пророческими.

*

В последующие дни наступило затишье, какое бывает обычно перед бурей. Сержанты никого не трогали. Курсанты ходили на занятия. Теперь их больше обучали по специальности. И к занятиям этим проявляли интерес даже те, для кого воинская служба была лишь обузой.

Димке особенно нравились занятия по минно-взрывному и подрывному делу. Может, сказалось влияние отца, который досконально освоил профессию сапёра. А доверие сына к отцу даже во времена подросткового максимализма было очень высоким. Это не часто встречается в современных семьях. Может, виновницей этому была его страсть к познанию нового. Он с интересом изучал механизмы взрывателей, устройство запалов, противопехотных и противотанко-

вых мин, мин сюрпризов, специальных мин и мин, устанавливаемых дистанционным способом. В него не надо было вколачивать эти знания. Даже в редкие минуты свободного времени брал в руки книгу и старательно изучал материальную базу сапёра. Этим курсант Кузнецов отличался от своих товарищей, которые откровенно посмеивались над ним и посвящали свободное время перекурам, беседам о женщинах, о выпивке, о попсе и прочих недоступных в казарме развлечениях.

Командиры и преподаватели хвалили курсанта Кузнецова теперь не только за усердие, но и за реальные глубокие знания по специальным предметам. Димка в душе даже немного заважничал. Правда, длилось это недолго. До тех пор, пока на его любимом предмете с ним не случился прокол, после которого стало понятно, что его познания выглядят солидно только на фоне полностью безграмотных в военном отношении новобранцев.

Дело было так. После изучения теоретического курса их повели на практические занятия по подрывному делу. Они учились изготавливать зажигательные трубки и здесь же в учебном городке поджигали их. Детонаторы взрывались, как настоящие заряды. И хотя руки у пацанов дрожали от страха, "подрывать самому" было интересно.

В самый разгар занятий на учебную площадку прибыл командир части полковник Матюшин. Матюшин был старшим в части не только по должности, но и по возрасту. Один из

тех, кто прошёл все ступеньки от лейтенанта до полковника не в тиши кабинетов, а на практике. За его плечами была служба в семи военных округах и война в Афганистане.

Несмотря на образование и опыт, Матюшину не удалось выйти в генералы. В генералитете потребны, мягко говоря, люди с характером дипломатов. Предназначение таких, как Матюшин, – тянуть ляжку. И что бы там ни говорили, а костяк любой боеспособной армии составляют такие вот офицеры-практики.

После доклада преподавателя командир изъявил желание побеседовать с курсантами. Цель была проста: выявить уровень их знаний. Полковник начал беседу с традиционного вопроса:

– Ну, как служится, парни?

Кто-то из курсантов пробурчал: "Нормально, товарищ полковник...", а Толик Кашин не мог удержаться, чтобы не выдать очередную "домашнюю заготовку":

– Раз призвали – мы не тужим, честно Родине послужим!..

Командир похвалил его за оптимизм и начал опрос по теме занятий. Курсанты отвечали вполне прилично. Каждый знал, что и в какой последовательности нужно делать, чтобы изготовить зажигательную трубку. Полковник копнул глубже. На вопрос об устройстве капсюля-детонатора сумел ответить лишь Димка. На следующем вопросе: "Чем отличаются и какими свойствами обладают входящие в капсюль-детонатор тэн, тэнерес и азид свинца?" – поплыл и он.

Однако командира заинтересовал сообразительный паренёк. Полковник решил провести на нем показательный урок:

– Вижу, кое-какое понятие вы имеете, но имейте в виду, этот предмет нужно знать только на "отлично", иначе ты не сапёр!

– Сапёр ошибается только один раз! – не мог остаться в стороне Толик Кашин.

– Вот именно, сынок. Будешь плохо знать специальность, ошибёшься раньше, чем рассчитывал...

Командир снова переключил внимание с Толика на Димку и определил ему новое задание:

– Кузнецов, доложи-ка нам меры безопасности при проведении подрывных работ.

Димка напряг память и принялся своими словами пересказывать то, что запомнил. Полковник добросовестно слушал минуты две, после чего остановил его:

– Достаточно!

Он взял у преподавателя "Руководство по подрывному делу" и дал книгу в руки Димке.

– А теперь послушай, как надо докладывать по данному вопросу. Следи по книге, чтобы я не ошибся.

После этого он слово в слово изложил несколько первых параграфов. Когда закончил, снова обратился с вопросом к Димке:

– Ну, Кузнецов, какую оценку ты мне ставишь?

– Оценку "отлично", товарищ полковник, – пробурчал

уязвлённый курсант.

– А какую оценку заслуживаешь ты?

– Двойку! – жизнерадостно изрёк за него лучший друг Толик.

– Правильно. Меры безопасности нужно знать наизусть...

И докладывать без единой запинки.

Димке было неприятно, что предстал перед командиром неучем, но он не мог удержаться от естественного, с точки зрения гражданского человека, вопроса:

– Товарищ полковник, а зачем учить меры безопасности наизусть? Это же не стихи!..

– Вот потому и надо учить, что не стихи. Стихи пишутся Поэтом, а меры безопасности написаны Войной. Пишутся они кровью... Каждое слово, каждая строчка оплачены жизнью людей. Забудешь маленький пунктик – и можешь в столь юном возрасте оказаться в числе покойников.

Полковник обвёл взглядом притихших курсантов.

– Вы должны понять, что я не придираюсь. Дай Бог, чтобы никогда вы не увидели войны. Но если придётся, имейте в виду, сапёр, плохо освоивший свою специальность, на войне долго не живёт!..

После такого заключения командир разрешил преподавателю продолжать занятие и не спеша направился в сторону своего "Узика". Преподаватель объявил перерыв. Курсанты по горячим следам обсудили это посещение и через день другой про него забыли. Все, кроме Димки. Он считал себя

во взводе самым подготовленным, и ему было досадно, что командир выбрал мальчиком для битья именно его. Его самолюбие было ущемлено, и гордый паренёк поставил себе цель: изучить на "отлично" не только меры безопасности, но и всю материально-техническую базу сапёра.

Однако, как сказал бы лучший друг Толик: "Человек предполагает, а Бог располагает!" В процессе обучения у него приключился вынужденный перерыв.

В ночь, когда рота почти в полном составе заступила в наряд, Димке выпало быть дневальным по роте, и сержанты устроили ему тёмную. Во время двухчасового отдыха они накинули на спящего курсанта одеяло и били и пинали его до тех пор, пока он не прекратил сопротивление и не затих. После чего, пригрозив наряду, разбежались по объектам, где несли службу. Однако второй дневальный оказался парнем смелым, угроз не испугался и вызвал дежурного по части. ЧП получило огласку. Димку унесли в санчасть, где вызванный по тревоге врач привёл его в чувство.

*

Димку не повезли в госпиталь, а оставили в санчасти. К счастью, серьёзных повреждений и увечий у него обнаружено не было. Однако сотрясение мозга и сильные ушибы были зафиксированы.

Он пролежал в отдельной палате несколько дней и потихоньку начал поправляться. В глубине души парень был рад, что его не беспокоили, хотя это казалось ему странным. Его

зверски избили, а вокруг тишь и гладь... Врач части относится к нему так, как будто пациент лежит с обычным насморком. Никаких дознавателей, следователей, как показывают в кинофильмах, не было и в помине. Сослуживцев к нему не пускали. Невольно напрашивался вывод: командование факт избиения стремится скрыть. И это было обидно.

Его подозрения подтвердились, когда в палату пожаловал командир роты капитан Фоменко. Он принёс коробку конфет, пакет с фруктами и "привет" от личного состава роты. Лицо капитана излучало доброжелательность.

– Ну, как ты..., оклемался?..

– Всё нормально. На живом всё зарастёт...

Димка отвёл глаза. У него не было желания беседовать с ротным. Его глодала обида.

– Молодец, что не пал духом! Ты это..., Кузнецов..., – как-то не очень уверенно, видимо оттого, что ему никогда не приходилось упрашивать подчинённого, заговорил Фоменко. – Постарайся не делать из этой драки поспешных выводов... Они, в принципе, нормальные парни... Ошиблись..., с кем не бывает по молодости?..

Димка враз разволновался:

– Ошиблись?! Нормальные?! Вы, товарищ капитан, всё время твердите: плох тот солдат, что не может постоять за себя... Я способен постоять за себя! Но когда человек спит, он беззащитен, как младенец. Какие же они нормальные? Только подонки могут избивать толпой беззащитного. Их надо

судить! Чтобы другим неповадно было!

– Я понимаю твоё состояние... Они действительно поступили, как подонки. Но они не преступники! Они такие же солдаты, как и ты. У них есть отцы, матери..., и если ты их посадишь, то испортишь им всю жизнь. Тюрьма никого не исправляет...

– Я посажу?! Это я их должен посадить?! А может, товарищ капитан, это дело командира... отдать их в руки правосудия?

– Конечно, это в моей компетенции, – Фоменко начал злиться и заговорил в обычной своей манере, резко с надменной ноткой, – но от тебя зависит: поднимешь ты шум или нет. Если поднимешь, испортишь парням судьбу. Ты хочешь, чтобы это было на твоей совести?

– Нет, товарищ капитан, это будет на вашей совести! Они почувствуют безнаказанность, окончательно распояшутся и кроме бандитов из них ничего не выйдет!

– Ты как разговариваешь с командиром?! – не выдержал и грубо оборвал его Фоменко. – Ты что, сопляк, учить меня будешь?

– А вам, товарищ капитан, никогда не устраивали тёмную? Очень это болезненная и обидная штука...

– Кузнецов! – взорвался Фоменко, – Хватит болтать! Засунь свой язык в задницу! Предупреждаю, если поднимешь шум, тебе создадут такие условия, что сам в петлю залезешь!

– Вот с этого и надо было начинать, – горько усмехнулся

курсант. – А то... молодец, не пал духом... Не переживайте, я понятливый. Не стану я на них жаловаться, если только они никого больше трогать не будут.

– Вот это другой разговор, – сразу успокоился капитан. – Я с ними сам поговорю. Больше они бить никого не будут... Будут действовать только по уставу.

Димка тяжело вздохнул. Он хорошо знал, как "действуют" сержанты по уставу.

Курсант Кузнецов не стал заявлять на обидчиков. Однако полковник Матюшин это дело без последствий не оставил. Он провёл внутреннее расследование. В результате сержантов, участвовавших в избиении, не стали судить, но разжаловали и рядовыми отправили дослуживать срочную службу в войска. Капитану Фоменко было объявлено служебное несоответствие.

На вопрос сослуживцев, почему не написал заявление в военную прокуратуру и не отдал обидчиков под суд, Димка ответил просто: "Тюрьма никого не исправляет. А жизнь их чему-нибудь да научит!"

Прав он был или не прав, судить сложно. Во всяком случае, жизнь не стала учить теперь уже рядового Рябова. Она просто вычеркнула его из своих списков. В новой части он продолжил внедрять "дедовские" традиции. Внедрял настолько активно, что за месяц до демобилизации его застрелил в карауле не выдержавший издевательств молодой солдат. То, что Рябов пророчил Димке, сбылось в отношении

его самого. Он не дожид до "дембеля" и уехал домой в "цинке".

А в курсантской роте стало спокойнее. Курсанты осваивали воинские науки, готовились к выпуску и гадали: кого куда направят служить дальше.

После вынужденного перерыва быстро втянулся в общий ритм и Димка. Он потихоньку привыкал к армейской жизни. Реже стал тосковать по дому. Не с таким пессимизмом, как осенью, стал думать о Маринке. Письмо ей он так и не написал. Лучший друг, студент сельскохозяйственной академии Витька сообщил, что Маринка звонила и просила Димкин адрес. Димка выжидал и надеялся, что девушка напишет ему первой.

Глава 2

Так же, как армейская служба сходу взяла в оборот новобранца Дмитрия Кузнецова, закружила столичная жизнь и Марину Серову.

Её состояние в точной степени соответствовало пришедшему в наш язык из Греции слову "эйфория". Девушку не покидало приподнятое настроение, состояние беспечности и благодушия, что объективно никак не могло соответствовать миру, в котором она теперь жила.

Происходило это от недостатка опыта и знания законов этого мира, а равно и от её юношеского романтизма, который окрашивает действительность исключительно в розовый цвет. Потому за внешним великолепием, богатством и роскошью она не смогла разглядеть цинизм и жестокость мегаполиса, его полное равнодушие и презрение к людям, не обладающим богатством, властью и славой.

Молодой студентке, прожившей свою короткую жизнь во второразрядной европейской стране и отдалённой российской деревне, столица нравилась всем.

Нравился сам город с его роскошью, универсальностью и обилием объектов практически из любой сферы деятельности человека.

Нравился институт, который давал знания и возможность сделать блестящую карьеру не только в России, а и в самых

передовых и "продвинутых" станах большого человеческого мира. Она была довольна тем, что её обучают умные, опытные, повидавшие этот самый мир специалисты и преподаватели.

Ей чрезвычайно импонировало то, что рядом учатся дети российских знаменитостей. Чьих только отпрысков не собрал в своём чреве престижный МГИМО! Дети дипломатов, режиссеров, космонавтов, артистов, художников, политологов, журналистов, и даже писателей, в первую очередь, тех, кто доказал власти свою преданность и лояльность. Правда, здесь наблюдался отрицательный момент, огорчавший юную студентку. При личном знакомстве потомки знаменитостей, уловив тот факт, что Марина всего лишь дочь третьеразрядного помощника третьеразрядного посла, моментально теряли к ней интерес. У некоторых даже проглядывало откровенное пренебрежение. Но до поры до времени, девушка воспринимала это как должное. В этой среде она была человеком новым, и интерес к себе нужно было еще завоевать.

Ей нравилась их московская квартира, оформленная по всем законам европейского ремонта. У нее была своя, очень уютная комната. Уголок, в котором она чувствовала себя полноправной хозяйкой. В переднем углу стоял телевизор с большим экраном, видео приставкой и проигрывателем для дисков. Комната была обставлена удобной, подобранной по цвету мебелью. Два мягких кресла, шкаф для любимых книг. Просторная кровать и гардероб с разнообразной и модной

одеждой. По этой части шефство над дочерью взяла мать. Марине нравилось одеваться по моде, а возможность одеться красиво в столице была действительно прекрасной.

Конечно же, особый восторг у девушки вызывал большой компьютерный стол, на котором размещался процессор со всеми приставками. Самое настоящее окно в мир. Компьютер позволял беспрепятственно путешествовать в мировой паутине под названием "Интернет".

Нравился Марине и подаренный отцом мобильный телефон "с наворотами". Таких телефонов на периферии в то время было еще мало. У студентов МГИМО "навороченный мобильник" был непременным атрибутом. На любого молодого человека, одевавшегося не по моде и не имевшего "мобильника", здесь смотрели, как на папуаса, вырядившегося в свои национальные одежды.

Надо отдать должное, Марине понравилась не только внешняя форма новой жизни, но и ее содержание. Девушка с удовольствием ходила на лекции и старательно изучала все, что предписывала программа. И происходило это не только потому, что самолюбие не позволяло ей быть хуже других, а юношеский максимализм подталкивал к лидерству. Ей и в самом деле пришлось по душе эта новая для нее область человеческой деятельности. У нее зародилась мечта сделать оглушительную карьеру. Таковую, чтобы о ней узнала не только страна, но и весь мир. А для этого, в чем она была твердо убеждена, нужно стать специалистом высокого клас-

са. И потому, настроившись бежать длинную дистанцию, она с первых же метров рванула так, как бегут на стометровке. А жизнь насыщенная интенсивной работой, как известно, почти не оставляет времени для жизни личной.

Только по вечерам, перед сном, вспоминала она годы, проведенные в селе Большая Гора, и думала о Димке. По тому, как замирало сердце и в душе появлялась тоскливая нотка, можно было предположить: она влюбилась в этого парня. Влюбилась не мимолетно, а всерьез и надолго. Но, даже добыв адрес его воинской части, Марина предпринимать ничего не стала. Она была категорично убеждена: именно парень должен проявлять характер и идти на сближение первым. А он на сближение не шел, и ее все чаще посещала мысль, что так даже лучше. Не стоит торопить события и увязать в личной жизни, пока ни она сама, ни ее избранник "не вышли в люди". Прежде нужно выучиться, получить работу и только потом думать о собственном гнездышке.

Рассуждения Марины были верными, если исходить из постулатов мирной жизни. Но для войны такие логические заключения совершенно не годятся. Во время войны дорога каждая минута. Человек осуществить свои личные планы может попросту не успеть.

А о том, что против России развязана война на уничтожение, девушка пока не догадывалась. Потому как велась эта война иными, отличными от предыдущих войн способами. Захватчики на этот раз не "завоевывали" мир силой, а "пе-

рестраивали" его под себя. Под свои ценности, свою идеологию, свою культуру.

Европа, как бывало не раз, сдалась очередному завоевателю без единого выстрела. И только "самая непокорная страна" – Россия, даже после распада СССР и "внедрения" в нее "идей западной демократии", все еще трепыхалась и пыталась отстоять свой путь. К ней, как к любой непокорной стране, применялся комбинированный метод. Суть которого была проста – разложить и уничтожить непокорных и "перевести" на свои ценности лояльных.

О том, что против России ведется тотальная война на уничтожение, в то время догадывались только самые умные, дальновидные и прозорливые люди. Они делали попытки образумить сограждан. Но страна находилась в состоянии эйфории от изобилия западных товаров, массового нашествия западной идеологии и культуры, и слушать доморощенных пророков никто не желал.

*

Полгода пролетело как один день, и вот уже новое место службы. Курсант Кузнецов закончил учебку "на отлично" и получил сразу воинское звание "сержант". Его направили служить в инженерную бригаду, дислоцированную на Северном Кавказе. Сюда же попали еще с десятков ребят из их роты и среди них младший сержант Кашин. Димка и Толик были определены в саперный батальон и, конечно же, радовались тому, что им предстоит служить в одной части.

Правда, радовались не долго, ибо, в отличие от учебки, их новая часть постоянно выполняла какие-нибудь практические задачи. А это означало одно: ее личный состав не вылезал из командировок.

Потому уже через несколько дней Толик уехал в составе миротворческой роты в Абхазию. А Димку с его прекрасной характеристикой определили в состав подвижной группы разминирования.

Работы у саперов хватало. Им приходилось уничтожать взрывоопасные предметы времен Великой Отечественной войны, очищать от неразорвавшихся боеприпасов полигоны, ликвидировать найденные милицией и гражданским населением "подарки" последней "чеченской" войны, разминировать установленные боевиками-террористами мины, фугасы, уничтожать бандитские схроны и тайники, сопровождать воинские колонны и проверять подозрительные участки на дорогах, мостах и путепроводах. Иначе говоря, саперы и в мирное время делали то, чем иные войска занимаются только во время боевых действий..

Привлекали их и на ликвидацию последствий террористических актов. Это была опасная и неблагодарная работа. Опасная, потому как в любой момент можно было подорваться на оставленной боевиками "растяжке" или заряде, подготовленном для дистанционного подрыва. Неблагодарная, потому что войсковые саперы выполняли самую черную и тяжелую работу, а "лавры" доставались граждан-

скому министерству. На таких объектах, как правило, вело съемку телевидение, и на ребят надевали жилеты с надписью "МЧС". У самого министерства своих сил и средств пока не хватало, и пиар, с помощью которого правили страной "либералы", проявлялся даже в этом. Телевизионщики и журналисты по-прежнему говорили об армии "или ничего или плохо", потому афишировать армейских трудяг было не принято, и делать из них героев никто не собирался.

Одним словом, саперы занимались своей неприметной рутинной работой. Неделю в разъездах, день-два отдыха на зимних квартирах, и на завтра все с начала. Для человека, привыкшего к ежедневному комфорту, уже в самой такой кочевой жизни заложены те самые "тяготы и лишения воинской службы", о которых гласит устав.

Тем не менее, сержанту Кузнецову такая служба даже нравилась. В ней не было убивающего душу однообразия, на которое были обречены парни, что оставались в пункте дислокации для несения наряда по системе "через день на ремень". Кстати сказать, Димка терпеть не мог нести службу в карауле, а уж тем более на КПП или в солдатской столовой.

*

В наше нечестное время у людей, сохранивших совесть, всегда находится куча врагов. Наученный горьким опытом на новом месте Димка "не высывался", не демонстрировал свою независимость и все же приобрел непримиримого недруга. Да еще какого! Против сержанта, ни много, ни ма-

ло, ополчился заместитель командира части по воспитательной работе.

Обыватель "гражданской наружности" во все времена пытался обобщить человека в погонах и приклеить ему ярлычок. Диапазон характеристик и ярлычков, приклеиваемых офицерам, чрезвычайно широк: от "самого главного носителя чести" до "безмозглого болвана", умеющего только слепо выполнять приказы. На самом деле люди в погонах, так же как и другие категории граждан, разные. Среди них есть Офицеры, для которых честь, достоинство и совесть превыше всего. Есть и их противоположности, люди, напялившие на себя форму и погоны из корысти либо по недоразумению. Много и таких, что болтаются между этими крайностями. То самое "ни рыба ни мясо", описывать которое словами нет никакого желания.

К какому " сорту" относился майор Степаненко, пусть читатель определит сам. Несомненным в его характеристике прослеживалось одно: он принадлежал к довольно многочисленной породе людей-лакеев, для которых главный смысл жизни – служение своим хозяевам. При этом им не важно, каков этот хозяин, плохой или хороший, честный или мерзавец... Важно, что он хозяин, и этим сказано все.

Потому применять к майору Степаненко высокие слова о том, что он служил своему Народу и Отечеству, будет не совсем корректно. Он просто служил тем, кто сидел наверху. Наверху в данный конкретный момент была верховная

"демократическая" власть во главе с президентом-пьяницей. Чуть ниже – Министр обороны с генералитетом – одна из силовых опор верховной "демократической" власти. Еще ниже – Командующий округом со своим аппаратом. Последним звеном в цепочке "вышестоящих" был командир части. Правда, к нему майор относился уже не как к хозяину, а как к такому же, как он сам, лакею, только рангом чуть повыше.

Вот этим структурам и служил Степаненко. Его не пугала смена хозяев в высших структурах, потому как в силу своего характера он с молодости понял главный принцип лакейской службы: всегда оставаться лояльным к "вышестоящему", даже если тот какает тебе на голову.

С подобным характером данного "офицера" можно было бы и смириться. Мало ли в России в чиновничьей вертикали холуев. Но беда заключалась в другом. Степаненко жестко требовал подобной же "лояльности" от своих подчиненных, то есть всех, кто располагался на служебной лестнице ниже его. Он со всем своим усердием стремился искоренять любое свободомыслие, инакомыслие и много-много еще чего другого, что, в общем-то и отличает человека от робота. И в этом своем "искоренении" он не гнушался ни какими, даже самыми пакостными и мерзкими, методами и не придерживался самых минимальных моральных норм и правил. С целью проверки лояльности и выявления инакомыслия он любил покопаться не только в душах подчиненных, но и в их личных вещах.

Самым излюбленным занятием у него была проверка содержимого тумбочек, чемоданов и вещмешков солдат и сержантов. При проведении данного "мероприятия" его всегда подогревало желание найти что-нибудь запрещенное. Например, спиртное, порнографию, гашиш или, если повезет, антиправительственную пропаганду. Много интересного о подчиненных можно было узнать и из адресованных им писем.

Если Степаненко что-то "находил", он использовал это с максимальной пользой для себя. Все вышестоящие инстанции немедленно оповещались о том, что командир подразделения, в котором "обнаружен факт", "не узнал", "не выявил", "не предотвратил"... И только благодаря высочайшей бдительности майора Степаненко в части предотвращено очередное ЧП.

Во время очередной проверки личных вещей майору Степаненко крупно повезло. Равно как абсолютно не повезло сержанту Дмитрию Кузнецову. Заместитель командира части "нашел" толстую тетрадь, исписанную "политически-ми стишками экстремистского содержания". А из Димкиной тумбочки исчез сборник его любимых "рифмушек".

По приезду из очередной командировки сержант был немедленно вызван к майору Степаненко.

*

Димка догадывался, зачем его вызвал "главный воспитатель" части. Молва о методах работы майора давно перешаг-

нула пределы и батальона, и бригады. Он ожидал, что Степаненко сразу перейдет на крик, но разговор начался в спокойном тоне. Майор выложил тетрадь с "рифмушками" на стол и спросил:

– Кузнецов, это твоя тетрадь?

– Так точно, товарищ майор, моя. А как она у вас оказалась?

Степаненко проигнорировал вопрос и задал свой.

– Ты что же пытаешься писать стихи?

– Да нет..., это не стихи. Я их называю "рифмушки". Сочиняю, чтобы мозги раньше времени не засохли.

– Чтобы мозги не засохли, нужно учить уставы и материальную часть. А то, чем занимаешься ты, называется графоманство!..

– Графомания...

– Что?!

– Правильно нужно говорить "графомания".

– Ты что считаешь себя грамотным, а меня дураком?

– Нет, что вы... У вас высшее образование, а у меня только одиннадцать классов.

– Ну, раз ты это понимаешь, дам тебе совет: брось это бумагомарание, пока не поздно. Иначе наживешь себе и всем нам кучу неприятностей.

– А почему? У нас же демократия. Тем более пишу я для себя. Нигде свои "рифмушки" не публикую. На концертах с ними не выступаю.

– Демократия – это для тех, кто на гражданке. В армии никакой демократии быть не может! А твои стишки не просто плохи, они вредны, потому как ты пытаешься заниматься политиканством!

– Чем?

– Не строй из себя дурачка. Ты суешь нос в политику, хотя понятия о ней не имеешь. А армия должна быть вне политики.

– Товарищ майор, человек живет в обществе и не может быть "вне политики"... Иначе он не человек, а животное... или даже растение.

– Что ты сказал?!

– Это не я..., это Аристотель сказал.

– Кузнецов, прекрати повторять враждебную пропаганду!

В армии существуют уставы и приказы. Всё, что ты должен, это беспрекословно их выполнять!

– Я с этим и не спорю. Но ведь я не робот. Должен же я хоть чем-то отличаться от машины?

– Работа из тебя никто и не делает. У нас есть чем заняться. Смотри телевизор, читай газеты, книги, на худой конец... А писать пародии я тебе запрещаю! У тебя нет образования, нет таланта, нет политических знаний, так что перестань переводить понапрасну бумагу.

Димка понял бессмысленность этого спора и совсем было собрался уступить майору, но последняя фраза задела его самолюбие. Он растопырил колючки и принялся копать для

майора небольшую ямку.

– Вот у вас есть образование и знания, так покажите мне, как надо писать настоящие стихи.

– Кузнецов, у меня нет к этому призвания, поэтому я стихов не пишу. Это не мое дело, и я в него не лезу.

– Тогда почему вы пытаетесь оценивать творчество других?

Степаненко с трудом, но сообразил, что попал в ловушку. На его лице промелькнула растерянность. Он попросту не знал, что ответить этому нахалу, и, чтобы скрыть свою растерянность, повысил голос.

– Мне это положено по должности! Если бы ты писал про цветочки или там любовь-морковь, я с тобой бы не беседовал. А ты пишешь экстремистские стишки, и я обязан принять меры!

Димка тоже раскипятился.

– А что в моих "рифмушках" противозаконного? Там чистая правда, и я имею право о ней писать. Это мое личное, и вы не имеете права лезть в мою личную жизнь!

– Ах, вот как?! Ты, я вижу, так ничего и не понял? И еще пытаешься права качать! А ну, пошли к командиру!

Степаненко схватил тетрадь и потянул Димку в канцелярию комбата.

*

Командир отдельного инженерно-саперного батальона Смирнов был со своим заместителем в одном звании, а по

возрасту на четыре года старше. Ему давно пришла пора ходить в подполковниках, должность позволяла, но как-то все не складывалось.

Нет, служил он хорошо. Смирнов был офицером-практиком. Командиром слыл основательным и надежным. На самые сложные задания командование всегда нацеливало его, потому как была уверенность: он выполнит любую работу.

Из-за этой добросовестной работы с личным продвижением по службе ему и не везло. И в этом не было никакого противоречия. Так уж в нашей армии повелось (да и не только в армии): того, кто хорошо тянет воз, отпускать на повышение не спешат.

Командиры бригады менялись часто. На эту должность приходили для того, чтобы получить "полковника". Как только очередной комбриг это звание получал, он почти сразу уходил на более "теплое" место. Вполне естественно, командиры-временщики не горели желанием отпускать офицеров-трудяг, которые обеспечивали им благополучие.

Виноват, отчасти, был и характер комбата. Смирнов по натуре слыл человеком смелым и, если чувствовал свою правоту, мог высказать правду-матку в глаза любому начальнику. А это не нравилось начальникам во все времена, что уж говорить о времени нынешнем, когда лицемерие стало нормой жизни не только в армии, а во всей мировой пирамиде под названием "глобальный мир".

Не способствовало продвижению по служебной лестнице

и фатальное невезение, преследовавшее майора Смирнова. Как-то так получалось, чуть дело доходило до подписания представления на звание, как начинались "чудеса в решете". То солдат сбежит с поста вместе с оружием. То его людей поймают пьяными в самоволке. То ЧП с гибелью военнослужащих.

Добавлял масла в огонь и заместитель по воспитательной работе, страстно любивший "устраивать раскопки" в собственной части и вытаскивать этот мусор на всеобщее обозрение. Ему-то что, устроил звон на всю округу, зафиксировал "свою работу" и посиживай, жди поощрения. А отдувается за все командир. Именно поэтому, да еще за чрезмерное двуличие Смирнов, мягко сказать, недолюбливал своего заместителя.

Однако комбат был настоящим мужчиной, обладал хорошей выдержкой и понимал: конфронтация ни к чему хорошему не приведет. Тем более, Степаненко прекрасно спелся с заместителем комбрига и откровенно наушничал на своего командира. Потому Смирнов держал своего заместителя на расстоянии и за пределы служебных отношений никогда не переходил.

Сержант Кузнецов прибыл в часть недавно, и комбат знал о нем только из докладов его командиров. Командир роты капитан Бирюков и взводный старший лейтенант Марусев характеризовали сержанта положительно. Поэтому, когда Степаненко буквально втащил сержанта за руку и сооб-

шил, что привел "экстремиста", Смирнов откровенно удивился и притормозил не в меру распалившегося зама.

– Давайте-ка, товарищ майор, без эмоций, доложите по существу.

– Да что тут докладывать, командир, вы почитайте, что он пишет, и все станет понятно. Самые настоящие "экстремистские" стишки!

Степаненко раскрыл тетрадь и протянул ее комбату. Смирнов мельком взглянул на текст и спокойно спросил.

– Ты что, Кузнецов, сочиняешь стихи?

– Да нет, товарищ майор, это просто сатирические "рифмушки". Загадки на "отцов русской демократии".

Смирнов посмотрел на сержанта с интересом.

– Вот даже как. Лавры Ильфа и Петрова спать не дают. Ну, прочитай что-нибудь...

Он протянул тетрадь Димке. Тот посмотрел на открытую страницу и положил тетрадь на стол.

– Я могу и без тетради.

– Читай.

Димка совсем успокоился и уверенно, хотя и без должного выражения, прочитал "загадку".

При "перестройке" скучно жил

Цветами торговал.

Никто ЕГО тогда не знал,

Никто в расчет не брал.

*Но вот, наверно, Сатана
На нас наслал злой рок.
ЕМУ доверили делить
Общественный пирог.*

*Чтобы никто – ни стар, ни мал,
ЕМУ в дележке не мешал,
ОН без разбору, всем подряд
По чеку-ваучеру дал.
Пока народ кричал: "УРА!!!"
И от восторга пировал,
Он всю Россию тихой сапой
Своим подельникам раздал!*

Димка закончил читать, и красный, как рак, Степаненко разразился гневной тирадой.

– Вот видите! Это черт знает что! Он обливает грязью человека, который находится в руководстве государством!

Смирнов откровенно улыбался.

– Степаненко, значит, вы разгадали эту загадку?

– Конечно, разгадал. Он лжет на одного из тех, благодаря которым в стране воцарилась свобода и демократия.

– Но раз вы узнали конкретного демократа, значит, написано недалеко от истины?

Смирнов повернулся к Димке.

– Ну, а сам-то ты как оцениваешь свое творчество?

Командир батальона говорил спокойно. В его глазах бежали веселые искорки, и Димка решил пооткровенничать.

– Загадка слабая, раз даже товарищ майор, – кивнул он на Степаненко, – отгадал ее...

– Кузнецов, не хаами! – мгновенно отреагировал "главный воспитатель".

Димка будто бы и не слышал реплику майора и продолжал разглагольствовать.

– Никакой лжи с моей стороны здесь нет. Лгал как раз тот, о ком я написал. Вам ведь обещали "две Волги на ваучер"? Они у вас есть? Зато все полезные ископаемые прибрали к рукам "ребяты-демократы". Разве это неправда?

Смирнов усмехнулся. Паренек этот явно отличался от пацанов своего поколения, озабоченных лишь тем, как, не потея, получить "сладкий сникерс" и легко и просто пожить на райском "чудо-острове".

– Насчет "Волги" это не один ты подметил, а вот оценивать приватизацию тебе рановато. Помнишь, как Чапаев говорил: "для этого сначала подучиться надо".

– Да что его тут убеждать! – на высокой ноте встрял Степаненко. – Ладно, с этими "Волгами"... вы посмотрите, что он дальше пишет!..

– Ну, давай, Кузнецов, почитай еще, раз начальство просит.

– Есть почитать! – ответил Димка и, как добросовестный

пионер, отрапортовал очередную "рифмушку" – загадку.

*Гайдар Аркадий нас учил,
Как надо честно жить.
Как уважать простой народ
И Родину любить.
Его героев знают все:
И старец и мальши,
Любимцем общим был Тимур
И мальчик Кибальчиш.*

*А вот теперь "кумир" – Плохиш,
Предавший свой народ.
Живёт под маской мудреца,
С телеэкрана врёт.
За доллары и ветчину
Продал и Тайну, и Страну.
А наш доверчивый народ
Бездумно молится ЕМУ.*

Он ещё не закончил читать, а Степаненко уже завершал:
– Это же намёк на кого угодно! Даже на президента!
Смирнов удивленно посмотрел на заместителя.

– Вы что, всерьёз считаете, что наш президент обладает качествами Мальчиша-Плохиша?

Степаненко стушевался.

– Конечно, нет! Но ведь люди могут подумать!

– Если то, что он пишет, неправда, то не подумают.

– Командир, он же самый настоящий "лимоновец". Кто у тебя отец, – обратился он к Димке, – коммунист?

Димка демонстративно повернулся к Смирнову и на последний вопрос ответил комбату.

– В организации Лимонова не состою. А отец у меня офицер. Такой же, как вы, сапёр, только теперь он на пенсии.

Смирнов уже не улыбался и заговорил серьёзно.

– Да, Кузнецов, шаржи у тебя едкие... С ними неприятностей не оберёшься. Давай, сделаем так: пока ты служишь в армии, про свои "рифмушки" забудь. А тетрадь...

– А тетрадь я отправлю в прокуратуру, – закончил за комбата не желавший идти на уступки Степаненко, – оставлять безнаказанно агитацию против власти нельзя!

Смирнов смерил заместителя взглядом. Доброго в этом взгляде было мало.

– Иди-ка, сержант, в коридор и подожди. Я тебя ещё вызову.

Как только Димка вышел, Степаненко перешёл в атаку.

– Не смотри на меня так, командир, я замять это дело не дам. Этот экстремист должен получить по заслугам.

Смирнов скорчил презрительную физиономию и вопреки установившемуся порядку тоже обратился к Степаненко на "ты".

– Да мне в принципе без разницы... Взысканием больше,

взысканием меньше. А вот как быть с тобой?

– А при чём здесь я? Я раскопал это дело и доведу его до конца.

– Да при том... Тебя рассматривают на повышение. Я должен представить характеристику. И что мне писать? Что ты завалил в части идеологическую работу?

– Да при чём тут я?! – едва ли не закричал Степаненко. – Я выявил этот факт!

– Да при том, – невозмутимо гнул свое Смирнов, – почитай, что написано у тебя в обязанностях. За идеологическую работу, в том числе и за профилактику, отвечаешь как раз ты!..

До Степаненко с трудом начало доходить: если он этот случай раздует в "дело", крайним сделают не командира, а его самого.

– Так что же делать? – растерянно спросил он.

– Искать компромисс... Кузнецов паренёк умный. Думаю, поймет с первого раза. Поэтому шум поднимать пока рано.

– Да, да, – закивал Степаненко, – а тетрадь его надо сжечь!

– Вот и хорошо. На том и порешим, – Смирнов снова перешел на официальный язык. – Вы идите и работайте по своему плану, а я ещё раз с ним побеседую. Скажите, пусть зайдет.

Степаненко вышел, и почти сразу же зашел Димка. Смирнов грубовато оборвал его попытку отрапортовать.

– Ты сам-то, поэт хренов, понял, на что ты наступил?

– А что я такого сделал? – попытался храбриться сержант. – У нас, товарищ майор, вроде бы как свобода слова...

– Дурак ты еще, – оборвал его комбат. – Не было никогда в России свободы и, наверно, ещё долго не будет. У нас свободны делать, что вздумается, только те, у кого деньги. И вот еще что, парень ты разумный, поэтому выбрось из головы эти убудочные словечки "как бы", "вроде как", "типа того". Жить надо жизнью настоящей, а она не терпит неопределенности. В реальной жизни поступать всегда приходится конкретно.

Димка сник, но все же сделал попытку оправдаться.

– Товарищ майор, я ведь не занимался никакой агитацией. Я эти "рифмушки" написал еще в школе.

– Значит так, – отчеканил комбат, – пока служишь в моей части, все это из головы выбрось! У нас хватает серьезных дел и без этого. Иначе найдется доброхот, состряпает на тебя дело, и вместо дембеля попадешь в тюрьму.

– В тюрьму за шаржи?

– Не перебивай! У нас садят и не за такое. Тетрадь свою сегодня же отправь домой, а майору скажешь, что сжег. Все. И помни: я делаю это только из уважения к твоему отцу-офицеру. У меня самого двое таких оглоедов растет.

*

Комбат Смирнов сказал истину. Серьезных дел у саперов было с избытком. Они не вылезали из командировок, и заниматься сочинением "рифмушек" у Димки теперь не бы-

ло ни сил, ни возможностей. Поубавилось у него и желания. Любому мало-мальски творческому человеку важно, чтобы хоть кто-то положительно оценивал его творчество. Димке его сочинения приносили одни неприятности. А раз не было удовлетворения, то в голову все чаще лезла мысль: все эти "детские забавы" пора кончать. Тем более, что в профессиональном плане он делал успехи.

Командир взвода старший лейтенант Марусев оценил старание паренька. Он все чаще стал доверять ему задания, которые ранее обычно исполнял флегматичный и инертный замкомвзвода Ландышев. А после случая, произошедшего в одном из небольших городков Дагестана, сержанта Кузнецова взводный по-настоящему зауважал.

В этом городе им пришлось разминировать сарай, подготовленный к взрыву. Его обнаружил местный житель, ветеран Великой Отечественной войны. Старый солдат не побоялся тех, кто подготовил этот "склад", и сообщил о "находке" в милицию.

Ветхий сарай находился на частной территории и внешней дощатой стеной выходил прямо на улицу, в этом же месте примыкавшую к главной площади. На площади обычно проводились митинги и праздничные торжества. В сарае были аккуратно уложены в единый заряд снаряды, мины, тротиловые шашки и несколько мешков с аммиачной селитрой. Подрыв заряда во время скопления людей мог вызвать большое количество жертв.

Учитывая важность задания, вместе с группой разминирования Марусева на место выехал сам командир бригады. Он вместе с главой города и представителем МЧС вошел в оперативную группу. Руководил операцией генерал ФСБ.

К приезду саперов район был оцеплен, а из ближайших домов выселены все жители. Группа с ходу приступила к работе.

Марусев оставил подчиненных за жилым домом и зашел в сарай один. Подождал, пока глаза привыкнут к освещению, и осмотрелся. На видном месте, поверх уложенных рядом снарядов, было пристроено самодельное взрывное устройство с радиотелефоном. От него шли два проводка к электродетонатору, заделанному в пластик.

Марусев аккуратно вынул электродетонатор и перерезал оба провода. После этого снял взрывное устройство и вышел к группе.

– Все, бойцы. Жало я вынул. Приступаем к погрузке. Наше дело загрузить груз в автомобили. Уничтожить его будут саперы МЧС за городом. Берем по одному снаряду, переносим и аккуратно укладываем в кузов на песочек. Работаем рассредоточено, согласно прежней схеме. Первый в сарае, последний у машины.

После краткого инструктажа три сапера и Марусев вошли в сарай.

– Сначала осмотритесь! – скомандовал взводный. – Напоминаю, брать только по одному боеприпасу. Ходить медлен-

но, не паниковать и не запинаться. Понятно?

– Понятно, товарищ старший лейтенант, не в первый раз, – ответил за всех любивший похорохориться ефрейтор Вася Шутов.

Он первым подошел к заряду.

– Ох, сколько они всего натащили! Даже противотанковую мину где-то откопали... С нее и начнем!..

– Стой! Не трогай мину! – вдруг громко закричал Димка.

Все, включая Марусева, удивленно посмотрели на сержанта. Раньше тот никогда так не паниковал.

– Ты что, Кузнец, так перепугался? – нарочито хихикнул Шутов, – Она же беззубая... без взрывателя.

Вместо ответа Димка подошел к mine и присел возле нее на корточки.

– Товарищ старший лейтенант, – подозвал он взводного, – под противотанковой спрятана мина-сюрприз.

Марусев подошел к нему и тоже присел. Сбоку было хорошо видно: боевая противотанковая мина ТМ-62 лежала на небольшой пластмассовой mine коричневого цвета. По всем приметам специальная мина МС-3.

– Да, Кузнецов, похоже ты прав. Этот "сюрприз" приготовлен для нас с вами. Как ты догадался?

– Отец о таком случае рассказывал. Это один из способов установки мин на неизвлекаемость. Противотанковая мина давит своей тяжестью на шток мины-сюрприз и, если убрать груз, шток разгружается, освобождается ударник и... взрыв.

Марусев посмотрел на притихшего ефрейтора.

– Ну, Шутов, какую картину рисует твое воображение?

– Детонировал бы основной заряд, товарищ старший лейтенант, и нас собирали бы по кусочкам...

– Нечего бы было собирать, – невесело ухмыльнулся Марусев. – Это впредь нам наука, внимательнее надо быть. Ладно, об этом после... Что будем делать?

Взводный развернулся к Димке.

– Не знаю, – честно признался тот, – вынести мины из сарая можно, а везти в машине нельзя.

– Да... можно взорвать в саду, но тогда вылетят все стекла в домах, и я получу на всю катушку.

– Да что вы, товарищ старший лейтенант, – вмешался в разговор жизнерадостный Шутов, – тут столько начальства... Насчет стекол пусть решают они!.. Нам, главное, мины оттащить от заряда!

– Что бы я без тебя, Шутов, делал... Значит так: Шутов с Серебряковым в конце сада быстро копают яму, метр на метр, глубиной шестьдесят сантиметров. Кузнецов, остаешься со мной. Будешь страховать.

Бойцы отправились выполнять приказ взводного, Марусев взял в руки зазвонивший радиотелефон. Комбриг требовал доклада.

– Ну, что там у вас, Марусев? Почему не докладываете?

– Обезвредили взрывное устройство, товарищ полковник... теперь занимаемся другим.

– Сколько их там?

– Пока обнаружили только два. Чтобы все проверить, нужно время.

– Хорошо. Не спешите, осмотрите все внимательно. О любых изменениях докладывайте немедленно.

Когда подошел Шутов и доложил, что яма готова, Марусев передал трубку ему.

– Ефрейтор, будет звонить комбриг, докладывай, что я обезвреживаю взрывное устройство. И следи, чтобы никто не высовывался из укрытия.

– Есть, товарищ старший лейтенант, будет исполнено в лучшем виде!

Шутов убежал, а Марусев с Димкой приступили к выполнению задуманного. Взводный стал потихоньку просовывать руку под нижнюю мину МС-3.

– Кузнецов, я сейчас захвачу мины снизу и сверху и в таком положении их понесу. Открой дверь и следи, чтобы я обо что-нибудь не запнулся. В случае чего подстрахуешь.

Марусев захватил мины, плотно прижимая друг к другу, приподнял их на уровень груди, прижал локти к туловищу и медленно пошел к выходу. Димка открыл дверь и тихонько топал рядом, подсказывая, где на пути препятствия и куда и как нужно ставить ноги.

Они вышли из сарая, отошли метров на десять. и от чрезмерного напряжения у взводного затряслись руки. Он остановился.

– Кузнецов, накрой мои руки своими и как следует придави... Мне нужно передохнуть.

Димка исполнил приказание. Марусев расслабил руки. Они постояли несколько минут, после чего взводный пошел дальше. Теперь он двигался еще медленнее. Руки его занемели, ноги дрожали от напряжения, но он все же без остановки достиг желанной цели. Следуя указаниям "поводыря" аккуратно опустил в яму сначала одну ногу, затем другую, присел и, не разжимая рук, опустил мины на землю. После чего тихонько скомандовал.

– Теперь я буду освобождать нижнюю руку, а ты слегка придавливай сверху и следи, чтобы МС-ка случайно не выскочила из-под ТМ-ки.

Они удачно выполнили последнюю операцию. Марусев присел возле ямы и вытер пот.

– Все. Пойду звонить начальству, а ты стой рядом и карауль, чтобы никто случайно не сдвинул мины.

– Да кто к ним подойдет? – попытался воспротивиться Димка, но взводный вдруг громко рявкнул на него:

– Я сказал – охранять! Все остальное мы сделаем без тебя.

Дальше все пошло без осложнений. Группа аккуратно сложила боеприпасы в кузов двух автомобилей. Автомобили с саперами МЧС в сопровождении милиции, с мигалками и сиренами поехали за город. Туда же снимать взрывы и брать на этом фоне интервью помчалось телевидение.

А армейские саперы доделали свое дело и подвели итог

работы. Начальство приняло решение – взорвать мины на месте. Марусев из укрытия сдернул противотанковую мину кошкой, так что взорвалась только мина МС-3. Взрыв был не сильный, но стекла в ближайших домах все-таки вылетели.

Марусев подробно доложил о выполнении задания лично командиру бригады. Он особо подчеркнул: спас группу и предотвратил взрыв подготовленного заряда сержант Кузнецов. Комбриг въедливо и досконально отчитал взводного за невнимательность и несоблюдение мер безопасности, что могло привести к гибели людей. В конце похвалил за умелые действия сержанта Кузнецова, объявил всей группе благодарности и приказал возвращаться в пункт постоянной дислокации. После чего укатил туда, где тусовалось начальство.

А население страны из телевизионных новостей узнало в этот день о том, что благодаря блестяще проведенной операции ФСБ и героическим действиям МЧС был спасен от разрушения город Н, жителей которого собирались уничтожить "террористы", представляющие "главную опасность" для России и всего мира.

О скромном фронтовике-пенсionере, обнаружившем заряд, и тем более об армейских саперах не было сказано ни слова.

В таких вот "операциях" и заключается высший пилотаж руководства с помощью пиара и манипулирования сознанием людей. Человек, регулярно заглядывающий в телящик, не только привыкает к мысли, что в стране "кипит работа",

но и главными героями "этой работы" считает тех, на кого ему указывают СМИ.

И только те, кто еще сохранил способность самостоятельно мыслить, способны уловить разницу между симуляцией событий и их реальным содержанием. Но их в наше время никто не слушает. Ведь сказано же уже: "Нет Пророка в своем Отечестве".

Глава 3

В непрерывных командировках, занятиях, несении караульной службы, хозяйственных работах пролетело лето, а за ним осень и зима.

Честным отношением к службе и порядочностью Димка завоевал авторитет не только в своем батальоне, но и в бригаде. Его уважали сослуживцы. Особенно солдаты младших сроков службы. Сержант Кузнецов хорошо запомнил уроки "дедовщины", пройденные в учебке но не для того, чтобы "отыгрываться" на новобранцах. Его интеллект был выше Рябова и ему подобных, и по отношению к младшим он был более справедливым.

Хотя, если говорить откровенно, быть с ними все время добрым и объективным ему не всегда удавалось. Беда армии неразрывна с бедой народа, и в нее теперь все чаще попадали негодяи, уже на гражданке превратившиеся в озлобленных волчат. Таким солдатам было наплевать на все. Заставить их еле-еле шевелиться можно было только приказом. И то шевелились они ровно столько, сколько над ними стоял начальник. Работать в русле нормальных отношений с "пофигистами" было практически невозможно. Они реагировали на приказ, если только он подкреплялся страхом. Это и заставляло сержантов все теми же методами "дедовщины", с помощью угроз, держать "пофигистов" в относительном по-

виновении.

Эта категория солдат Димкину человечность и порядочность воспринимала как слабость, часто вообще игнорировала его как младшего командира. Порой они доводили его до такого состояния, что ему хотелось забыть все требования уставов и от всей души врезать негоднику по ребрам. Но отец не зря учил его воспитывать в себе силу воли. Ему хватало сил себя сдерживать.

Среди старослужащих солдат встречались и те, кто стремился поддерживать в части "дедовские" традиции. Однако "деды" в этой части действовали не так нагло и цинично, как в учебке. Среди этой категории у Димки были откровенные неприятели, но они предпочитали с ним не связываться. По части физической подготовки сержант Кузнецов приобрел непререкаемый авторитет.

Как ни загружена была бригада служебными заданиями и хозяйственными работами, в ней периодически проводились соревнования по гимнастике, рукопашному бою, кроссу, марш-броску, преодолению полосы препятствий. И тут Димка показывал себя во всей красе. Его универсальная подготовка и физические данные позволяли не только участвовать во всех этих соревнованиях, но и довольно часто побеждать в них.

Одним словом служба его протекала напряженно и интересно. И только одно обстоятельство угнетало. Несмотря на старание и успехи его практически не поощряли. Вернее по-

ощряли, но не так, как хочется любому солдату. За период длиною почти в год он заработал около трех десятков благодарностей. И все... Его одногодки получали грамоты, значки отличия, ценные подарки, отпуск с выездом на родину. Даже Толик Кашин по прибытии из Абхазии съездил домой. Димку все это обходило стороной.

Он утешал себя: не это главное в жизни..., но все же не мог скрыть обиду и досаду, наблюдая, как раз за разом его обходят. А в отпуск, ох, как хотелось!..

Причина "невнимания" к его персоне со стороны командования скрывалась в майоре Степаненко. Майор не забыл о случае с рифмушками. С того самого дня злопамятный замполит целеустремленно и настойчиво вычеркивал "инакомыслящего" из всех списков на поощрение и раз за разом вписывал в одну и ту же графу – "благодарность". Свои действия майор оправдывал так: "Буду делать это и впредь, пока не выбью из соплика политическую дурь".

Возможно Димкина служба протекала бы так до самого увольнения, но к счастью, он в очередной раз попал на глаза комбригу.

В конце марта в бригаде проводился марш-бросок с полной выкладкой. Бежали поротно. Следует сказать, при совершении марш-броска проверяется не только физическая готовность офицеров, сержантов и солдат, но и сплоченность подразделений. Иными словами насколько полно претворяется в подразделении девиз: "один за всех, и все за одного".

Рота должна прибыть в намеченный пункт без единого оставшего со всем оружием и снаряжением. Потому для достижения лучшего результата помощь слабым здесь не только разрешается, но и поощряется.

Все роты батальона пробежали неплохо. А Димкина рота, возглавляемая старшим лейтенантом Марусевым (ротный ушел в отпуск), показала лучшее время. Наблюдавший за финишем подразделений комбриг обратил внимание на бежавшего в конце роты сержанта. Увешанный противогазами, с двумя вещмешками, Димка буквально на буксире тащил самого слабого в роте рядового Мишина.

Комбриг подозвал комбата.

– Молодец, Смирнов! Твои сегодня отличились. А скажи-ка мне, как служит этот сержант, что у Марусева в роли паровоза?

– Сержант Кузнецов? Хорошо служит, товарищ полковник, очень толковый сапер.

– А почему я его фамилии ни разу не видел в приказе на поощрение?

Смирнов замялся.

– Мы награждаем его... своей властью.

– Что ты мямлишь, как красна девица? Говори прямо. Он что у тебя в нарушителях ходит?

Смирнов выдохнул воздух и смело взглянул комбригу в глаза.

– Да знаете вы, товарищ полковник, все лучше меня. При-

чина все та же. Я вот тоже служу нормально и в нарушителях не числюсь, а седьмой год в майорах хожу.

Комбригу ответ подчиненного не понравился.

– Ну, в отношении тебя предоставь мне решать... А я спрашиваю: почему ты проявляешь безразличие к подчиненным?

Смирнов не испугался начальственного тона и глаз не отвел

– Товарищ полковник, уберите от меня Степаненко!

Полковник осуждающе посмотрел на Смирнова.

– Да-а-а, Смирнов. Ты боевой офицер, военное училище закончил, а справиться с институтским болтуном не можешь.

– Справился бы, если бы его сверху не прикрывали. Да речь не обо мне. Я-то потерплю. Он личный состав калечит и ломает. Тот же Кузнецов, прекрасный сапер, умный парень, не хуже офицера дело знает, а вот невзлюбил его Степаненко и давит, и давит...

– Никакой начальник не любит, если подчиненный умнее его. А ты-то что интриг испугался, когда дела касается вроде бы смелый?

– Так я же сапер, товарищ полковник... А сапер всегда идет с опаской и под ноги смотрит... Чтобы на мину не наступить... или в дерьмо.

Комбриг засмеялся.

– А вот без этого, Смирнов, наша служба редко обходит-

ся. Только на мину сапер наступает один раз, а в говно приходится частенько. Чистенькими остаются только мерзавцы да бездельники.

– Я всё понимаю, товарищ полковник, но поймите и вы, батальон так и будет постоянно в дерьме, если не уберете Степаненко.

Комбриг повысил голос.

– Ох, и упрямый ты, майор. Заладил: Степаненко да Степаненко... Я тебе толкую: командовать надо уверенней! Бояться никого не надо, в том числе и вышестоящих начальников! Понятно?!

Смирнов опустил голову.

– Понятно, товарищ полковник...

Полковник уловил перемену в настроении подчиненного и заговорил спокойно.

– Вот и хорошо, раз понятно. А со Степаненко я что-нибудь придумаю.

Комбриг слово сдержал. В апреле Степаненко отправили на повышение, и в саперном батальоне произошли перемены. Пришел долгожданный приказ на присвоение комбату Смирнову воинского звания "подполковник". Ушел на повышение в соседний батальон ротный. Командиром роты назначили старшего лейтенанта Марусева. Димку тоже повысили. Он стал заместителем командира взвода. Получил он и долгожданный отпуск и в канун Первомая ехал домой в приподнятом настроении. До окончания службы оставалось

всего шесть месяцев.

*

Марина Серова спешила в билетную кассу. Накануне позвонила Света и сообщила: Димка едет в отпуск. Она немедленно засобиралась в Большую Гору. Мать с отцом пытались отговорить ее от поездки перед сессией, но ей удалось настоять на своем. Электропоезд метро укачивал и настраивал на размышления. Марина принялась выстраивать планы на поездку, а потом незаметно переключилась на воспоминания.

К концу второго года обучения в МГИМО эйфория от столичной жизни полностью прошла. Среди богатства и роскоши Марина разглядела бедность и даже нищету огромного числа людей, населяющих мегаполис. И все-таки главное разочарование было в другом. Она поняла: благополучная и процветающая часть общества живет неправильно. Не покидало ощущение, что вокруг нее "пир во время чумы", и это ощущение предсказывало близкий кризис.

Наглядным подтверждением неблагополучия в обществе являлось поведение ее сверстников. Отпрыски преуспевающих родителей были пресыщены богатством. В их жизни преобладал только один интерес – развлечения. Вся энергия "золотой молодежи" уходила на поиски все новых забав и получение все более острых и неизведанных до сей поры ощущений и удовольствий. Осознание того, что все в жизни, включая то же богатство, достигается трудом, было близким к нулю.

И это не было ее фантазией или преувеличением. Чем больше подробностей узнавала она о жизни своих однокурсников, тем более подтверждался ее вывод. Последняя вечеринка у сына известного московского банкира – лучший тому пример.

На вечеринку ее привез Стасик. Стас учился с Мариной в одной группе и запал на нее с первого курса. Пареньком он был совершенно невыразительным, но его папа занимал высокий пост в МИДе, и со Стасиком "дружили". Числился в приятелях он и у банкирского сыночка Альбертика.

Марина принимала ухаживания Стасика, но держала его на расстоянии. В данном случае она поступала рационально. "Дружить" все равно с кем-то надо, чтобы не прослыть "дремучей девой" и отвадить других, более неприятных и назойливых поклонников. Иными словами Стасику она отвела роль громоотвода.

Его приятель Альбертик числился их однокурсником и был единственным наследником банкира. Невысокого роста, худенький с лисьей мордочкой Альбертик слыл нагленьким и злобным мальчиком. Из тех, кто, увидев под ногами маленького беззащитного лягушонка, обязательно раздавит его.

Сынок являл собой полную противоположность отцу. Особенно этот контраст был заметен по отношению к труду. Отец работал с раннего детства и обладал всеми качествами, без которых невозможно добиться какого-либо успеха в со-

временном крупном бизнесе. Его капитал, который он сколотил во время развала страны, был нажит хоть и несправедливым, но упорным трудом.

Сыну все эти качества были не нужны. Зачем учиться, а потом вкалывать, если на двадцатилетие тебе дарят сверхдорогой спортивный "Ягуар" и у тебя есть абсолютно все.

Банкир, как и многие внезапно разбогатевшие люди, наивно полагал: пройдет время, сын возьмется за ум и по праву унаследует от отца и его состояние, и его дело. А сын знал точно: работать он не будет, даже если у отца совсем кончатся деньги. А этой зелени у предка хватит на десяток жизней. Потому вся жизнь сына состояла из моментов чередующихся приятностей.

Марина и Стасик приехали в дом на Рублевке с однокурсникомлевой и его подружкой Лерочкой. Марину поразило этот огромный дворец с холлом, многочисленными комнатами, туалетами, ванными, саунами и даже бассейном. Когда входили, она встретила взглядом с пожилым усатым охранником. Тот, как показалось, посмотрел на нее с сочувствием.

Компания подобралась многочисленная и разнообразная. Кроме них было еще около двух десятков человек. Родители Альбертика были на городской квартире, и дворец находился в полном распоряжении молодежи.

После разогрева крепкой выпивкой, папуасскими плясками и танцами возникло предложение искупаться в бассейне

и попотеть в сауне. Компания разбилась по группам и расползлась "по интересам". Два парня и две девицы разделись до гола и прыгнули в бассейн.

Марина от участия в мероприятии отказалась и попросила у Альбертика разрешения осмотреть дом. Она не видела вблизи таких дворцов, и все ей было в диковинку.

Альбертик многозначительно перемигнулся со Стасиком и ехидненько захихикал:

– Идите, идите... Стасик все покажет... Главное, не забудьте осмотреть как следует спальню...

Стасик так и сделал. Он осмелел от выпивки до такой степени, что завел Марину в какую-то спальню и сделал попытку затащить ее в постель. Марина вежливо отказала ему и, когда он решился применить силу, так толкнула его, что кавалер не удержался на ногах и свалился на кровать. Лицо его выражало смертельную обиду.

Марина вполне миролюбиво попыталась успокоить уха-жера:

– Стас, ты же говорил, что у тебя самые серьезные намерения... Так давай будем решать такие вопросы в трезвом виде.

Стасик начал было успокаиваться, но на беду в комнату ввалился пьяный Альбертик. По-видимому, он подслушивал за дверью. Этот давно привык к тому, что ему никто и никогда ни в чем не отказывал и повел себя иначе.

– Что, ломается? Недотрогу из себя корчит?! Ладно, Стас,

я сам ее трахну!.. А ты постой и посмотри!..

Он оскалил свои крысиные зубки и противненько захихикал. Марина посмотрела на Стаса, как тот отреагирует. Кавалер встал с кровати и, опустив голову, пошел к двери. Она мгновенно вспомнила случай произошедший в селе Большая Гора. Ситуация повторялась. Тогда ее пытались изнасиловать двое пьяных бандитов. Ее кавалер, Костя Ясноглазов, трусливо удрал. Она тогда сильно испугалась. Выручил ее Дублер. Как потом оказалось, ее одноклассник Димка. Вот тот не стал бы стоять истуканом и сейчас. Но сегодня страха у нее не было. Те были настоящими отморозками. Эти, несмотря на весь их цинизм и пресыщенность сладкой жизнью, не дотянули даже до средней руки хулиганов. Хотя кроме мерзавцев из них уже ничего "не вырастет".

Тем не менее, Альбертик состроил злобную гримасу и грубо скомандовал:

– Чего уставилась?! Раздевайся! Иначе порву на куски твою одежонку и голый в Африку пущу!

Марина ответила на удивление спокойно.

– А ты подойди и раздень меня сам... Женщинам нравится, когда их раздевают...

Альбертик расплылся в улыбке. К такому повороту событий он привык.

– Вот так бы сразу... Не бойсь, опыт в этом деле у меня есть... А ты Стас, двигай в конец очереди...

Он снова противно захихикал, подошел к Марине и лов-

ко повалил ее на кровать. Та не сопротивлялась, и пока Альбертик терзал пуговики на ее блузке, краем глаза следила за Стасиком. Тот понуро стоял и смотрел на них.

"Похоже, этот "защитничек" и впрямь собрался ждать своей очереди", – подумалось ей. Вся эта возня ей вдруг враз надоела. В отличие от своего "кавалера" с такими, как Альбертик, она знала, что делать.

– Все! Хватит, побаловали, – вдруг выкрикнула она, схватила с туалетного столика какую-то хрустальную вещь и врезала сыну банкира по голове.

Альбертик сполз с кровати, обхватил руками голову, из которой немедленно потекла кровь, и завыл:

– Ой, больно..., больно... Гадина, ты проломилла мне черепушку... Я расскажу все отцу, он тебя со света сживет!..

– Только попробуй, хлюст прыщавый! Сделаешь какую-нибудь пакость или еще раз сунешься ко мне, вообще убью!..

Она выскочила из комнаты и спустилась к охраннику.

– Пожалуйста, я вас очень прошу, выпустите меня из этого гадюшника!

Усатый дядька посмотрел на нее с пониманием и тихо произнес:

– Значит, я в тебе не ошибся. Держись подальше от таких домов, дочка...

*

Неприятные воспоминания оторвали Марину от действи-

тельности. Она выбралась из метро и двигалась по тротуару "на автопилоте". И эта потеря бдительности едва не стоила ей жизни.

На перекрестке, как только загорелся зеленый свет, она машинально двинулась за пожилой женщиной по переходу. Внезапно услышала визг тормозов, резко повернула голову направо и увидела летевший на нее красный "Ягуар".

Очнулась Марина только в больнице. Ее спасло то, что удар пришелся по касательной, и машина отбросила девушку в сторону. Женщина, которая шла впереди, погибла.

Некоторое время спустя в больницу приехали мать с отцом. Потом прибыл следователь. Он подробно расспросил о происшествии. Марина рассказала все, что запомнила и высказала свою версию случившегося. У ее однокурсника такая же машина. Возможно, это он захотел отомстить ей и привел свою угрозу в действие. В доказательство своих слов она выложила все подробности случая произошедшего в доме банкира.

Следователь внимательно ее выслушал, а потом откровенно высмеял.

– С вашей версии, Марина Батьковна, можно писать очередной низкосортный детектив. На деле все банальней и проще. Таких, как ваш Альбертик, в Москве сейчас пруд пруди. Им море по колено, особенно, если хорошо выпьют или примут дозу наркоты... Ваш "крестник" через два квартала врезался во встречный грузовик и лежит сейчас в реанимации.

Его подружка погибла. Личности их установлены, и, уверяю вас, никакого отношения к вам и даже к МГИМО они не имеют.

Марине стало стыдно за свои подозрения и излишнюю болтливость. Следователь подметил это. Он напомнил, что она будет проходить по делу как пострадавшая, пожелал скорейшего выздоровления и ушел.

Марина осталась со своими думами наедине. Она не была фаталисткой, но в голову постоянно лез один и тот же вопрос: неужели судьбе угодно, чтобы она так и не встретилась с Димкой?

*

Чем ближе подъезжал Димка к дому, тем сильнее приходил в возбуждение. Душа его ждала встречи с родными и друзьями. Однако в райцентре пришлось задержаться, чтобы в военкомате встать на учет. Оставшуюся часть пути проделал на автобусе, обозревая окрестности.

Внешний вид этого небольшого городка заметно изменился. Здесь, как и в прочих городах России, были отстроены дворцы-магазины. Их повсеместно именовали на иностранный манер "супермаркетами". В последние годы, как грибы после благодатного дождя, начали расти объекты государственной надстройки и офисы крупного бизнеса. На общем фоне старых домов резко выделялись сложенные из красного кирпича, с разноцветными крышами из стали и пластика здания суда, прокуратуры, милиции, налоговой инспекции,

энергосбыта и сбербанка. В центре возвышался "офис" Газпрома.

На фоне устаревших от времени, крытых однообразным серым шифером зданий советской постройки эти новые объекты выглядели подобно красавице "Мисс Россия", помещенной в коллектив сельских доярок.

На окраине городка, в самой красивой и зеленой части, вырос поселок из коттеджей. Здесь обустроили себе дома-убежища местные чиновники и руководители не только действующих, но и обанкротившихся предприятий. Своими размерами, разнообразием архитектуры и дорогой отделкой коттеджи подчеркивали разницу в доходах их владельцев. А по отношению к домам старой постройки – разницу в уровне жизни между современными хозяевами жизни и остальным населением.

За городом побежал сельский пейзаж. На всем протяжении пути были заметны результаты тех самых реформ, о которых с утра до вечера твердили средства массовой информации. Если сказать точнее, видны были не результаты реформ, а последствия мифов, аккуратно и систематически вдалбливаемых в голову населения страны. Результаты эти вдохновляли далеко не каждого. Заметно сократилась площадь обрабатываемых полей и количество техники, работающей на них. Многие колхозы были обанкрочены как неэффективные предприятия, а у оставшихся попросту изъяли всю "лишнюю" землю, которой совсем недавно этим же хо-

зьяствам катастрофически не хватало. Результатов работы индивидуальных фермеров, которые должны были принять эстафету от коллективных хозяйств и "накормить страну", не было видно вовсе.

Большая Гора в сравнении с райцентром по части реформ явно отставала. Здесь было построено всего два магазина и несколько частных домов начальников местного уровня. Из этих построек особо выделялся коттедж последнего председателя колхоза "Рассвет" Дедушкина. Этот избранный в результате долгих споров руководитель за два года благополучно довел хозяйство до банкротства и как современный "эффективный собственник" устроил дело так, что в накладе остались все, кроме него.

Заметно меньше стало в селе молодежи. Из-за систематического сокращения рабочих мест и застывшей ниже прожиточного минимума зарплаты молодые любыми путями и тропками перебирались в город. Из Димкиных одноклассников не осталось почти никого. Потому после бурной и радостной встречи с родными отпуск его протекал довольно буднично, если не сказать скучно. Исключение составили два праздничных дня: восьмое и девятое мая. Первомай как праздник весны и труда селяне уже не воспринимали. Сказывалась целенаправленная работа по искоренению из жизни страны советских праздников. На День Победы ему довелось участвовать в чествовании ветеранов Великой Отечественной войны и встретиться с одноклассниками, приехав-

шими из города.

*

В День Победы глава большегоринской администрации пригласил Кузнецовых, как представителей современной армии, принять участие в чествовании ветеранов.

Ветеранов великой войны становилось все меньше. Они жили и уходили из жизни не так, как когда-то мечталось. По большому счету, властям до людей, отстоявших страну в годы самой кровопролитной войны, попросту не было дела. О них вспоминали лишь по большим праздникам. Еще точнее, в День Победы да в изобретенный в соответствии с новыми веяниями праздник – День пожилых людей. В эти дни ветеранов баловали "всеобщим почетом и уважением". В остальные дни дело обстояло иначе.

Неважно было с материальным обеспечением. Пенсия российских пенсионеров была на порядок ниже в сравнении с теми, кого они победили. Побежденные имели возможность поправлять здоровье на лучших курортах Европы. Пределом мечтаний победителей было попасть на лечение в старый, обшарпанный областной госпиталь или выбить из чиновников от медицины льготу на приобретение нужных, но дорогих лекарств.

Они, так же как и остальная армия пенсионеров, повсеместно встречались с хамством, равнодушием, издевательством со стороны государства и общества, потерявших всякие нравственные ориентиры.

Тем не менее, совсем игнорировать ветеранов войны и труда было нельзя. Это было бы чревато для тех, кто приватизировал созданную ими страну. И потому ежегодно в дни празднования Дня Победы в дело вступал пиар. Цель пиара – показать: "никто не забыт, ничто не забыто". В эти дни показывались фильмы о войне, убиралась с телеэкранов назойливая реклама, проводились парады, митинги, обеды в честь победителей. Говорились красивые торжественные речи.

И плохого в этом ничего бы не было. Но как раз в эти дни из телевидения, кинофильмов и торжественных речей ветераны узнавали много такого, что приводило их в изумление и растерянность.

Из всего увиденного и услышанного как-то получалось, что поколение, отстроившее и отстоявшее страну, прожило жизнь "напрасную" и "неправильную". Оказалось, никакого героизма на войне они не проявляли. Ну, разве что за исключением тех, кто воевал в штрафбате. Остальные же герои есть не что иное, как выдумка советской пропаганды. Так же как осмеиваемые постоянно лозунги, с которыми солдаты Великой Отечественной шли на смертный бой. Мало того, оказалось, что стойко держали оборону да и наступали они исключительно из чувства страха. Потому как сзади них "постоянно находились" заградотряды из бойцов НКВД. И это было не все. В речах руководителей даже самого высокого уровня ни слова не упоминалось о Верховном Главнокомандующем. В силу того, что он, якобы, не руководил страной,

а "занимался лишь репрессиями". Оказалось: совершенно бездарными были и переигравшие гудерианов и паулюсов советские полководцы. Именно они, а не сверхмощная военная машина "тысячелетнего" рейха, "повинны" в тяжелых потерях, которые понесла Советская армия. Одним словом, доблестные наследники тех, кто "наблюдал бой со стороны", историю излагали исключительно по своим понятиям.

Потому и получилось, что к настоящей истории имел отношение лишь главный вопрос, который задавали себе ветераны. Если Верховный и полководцы руководили плохо, не было массового героизма, веры в советский строй и победу, то как же они умудрились сокрушить столь мощную машину вермахта, на которую работала почти вся Европа?

Все это приводило ветеранов в растерянность. Получалось так, что историю переписывали прямо на их глазах. А им пытались внушить, что они прожили жизнь напрасно, воевали и работали зря. Они терпели лишения и работали от зари до зари ради главной цели: построить Светлое будущее для всего народа. При этом понимали: такое строительство не может быть делом одного дня, делом одного поколения. Поэтому готовились передать эстафету молодым. Но молодое поколение эстафету не приняло. Оно "приватизировало" результаты их труда и в кратчайшие сроки склотило Светлое настоящее для избранных.

И чем меньше оставалось в живых ветеранов войны, тем сильнее рос процент тех, кто под воздействием телевидения

примирился с таким положением дел: "что мы, немощные, теперь сможем поделаться"? Однако оставались и такие, кто принципиально не мог принять выстраиваемую архитекторами несправедливого общества ложь.

Одним из них был Андрей Иванович Корчагин. По возрасту он был самым старым из большегоринских ветеранов. Последний, кто провоевал с первого до последнего дня на передовой, не считая времени, проведенного на излечении в госпитале. Природа наградила его отменной силой и здоровьем. Он пережил своих сверстников и даже многих из тех, кто был его моложе. И самое важное, не впал в маразм, сохранил ясность ума, твердость духа и уверенность воина-победителя.

Вот с этим ветераном и пришлось Кузнецову старшему вступить в полемику, которая закончилась скандалом.

*

К десяти часам отец с сыном направились на митинг. Оба были в военной форме. Николай Федорович – в парадной цвета морской волны форме офицера Советской армии. Димка – в форме сержанта современной Российской армии.

После митинга ветеранов и гостей пригласили в столовую на торжественный праздничный обед.

Непосредственных участников боевых действий Великой Отечественной в Большой Горе осталось всего пять человек. Четверо мужчин и одна женщина, служившая медсестрой в полевом госпитале. Ветеранов тыла было побольше. В основ-

ном это были те, кто работал во время войны, будучи подростком. Они по возрасту не попали на фронт и знали о боевых действиях только понаслышке.

В столовой были заблаговременно накрыты столы. По традиции "чаепитие" проходило с выпивкой. Во главе стола сели глава администрации села Невзоров, представитель администрации района Каблуков и председатель местного совета ветеранов Кусков.

Чтобы не пустить торжественное мероприятие на самотек, в определенной последовательности говорились краткие речи, которые собственно и являлись тостом и давали право на то, чтобы ветераны могли поднять очередную стопку.

Первым выступил представитель районной администрации. Он рассказал о заботе, которую неустанно проявляет администрация и партия власти (у нее опять сменилось название) о ветеранах, и какой огромный вклад в это дело вносит лично глава администрации района. После этого он зачитал приветствие от этого светила местного значения и пожелал ветеранам долгих лет жизни.

После него речь держал глава администрации села. Он похвалился своей деятельностью. Особо подчеркнул, как успешно он обеспечил ветеранов в зимний период дровами, и поблагодарил районное начальство за неустанную заботу, которую то проявляет о селе.

Председателю совета ветеранов хвалиться было нечем, поэтому он благодарил всех и вся и в особенности главу рай-

онной администрации за то, что вокруг ветеранов создана атмосфера почета, любви и уважения.

После того, как высказалось начальство, подошла очередь Кузнецовых. Младшего пропустили вперед. Димка никогда не был на подобных мероприятиях и заметно волновался, но речь сказал короткую и ясную. Поблагодарил ветеранов за победу в войне и заверил, что опыт и традиции, добытые их кровью и потом, используются в армии и по сей день. Ветеранам его тост понравился. Они одобрительно зашумели и заставили "молодого сокола" выпить стаканчик вина до дна.

Кузнецов старший подобные речи произносил не единожды, потому начал говорить без всякого волнения. Однако сказать успел немного. Едва он произнес вступление о том, что поколение фронтовиков не только победило в войне, но и восстановило страну и вывело ее на передовые позиции в мире, как Андрей Иванович Корчагин, уже принявший фронтовую норму, резко и бесцеремонно его прервал:

– Мы-то вот Родину защитили и отстроили... А вы сдали ее без боя!.. Вам не стыдно?!

В столовой мгновенно повисла тишина. И только сосед Корчагина Павел Белов, предчувствуя скандал, попытался сдержать товарища:

– Ты что, Андрей? Это ведь не Горбачев... Чего ты обвиняешь человека?!

Но Корчагина заело сильно. В нем искала выход неудовлетворенность жизнью.

– Вот пусть и ответит... Почему пустили во власть таких, как Горбачев, и позволили им развалить страну?

Увидев, что дело принимает скандальный оборот Корчагина попытался одернуть глава администрации Невзоров.

– Андрей Иванович, не надо скандалить! Не цепляйся к человеку!

– Я не с тобой разговариваю! – грубо отмахнулся от главы ветеран и тяжелым испытующим взглядом смерил резко выделяющегося своей нарядной формой подполковника.

Николай Федорович выдержал этот взгляд. Лицо его помрачнело, и он, как всегда в таких случаях, тихо заговорил:

– Я отвечу... Но сначала задам вопрос Вам, Андрей Иванович. У вас медаль "За отвагу"... Вы получили ее за оборону Сталинграда. Какой приказ вы выполняли, когда защищали город?

Корчагин, подражая ульяновскому Жукову из киноэпопеи "Освобождение", твердо, подчеркивая каждое слово, отчетливо:

– Мы выполняли приказ Верховного Главнокомандующего: "ни шагу назад!" И выполнили его!.. И сломали фашистам хребет!

– Тогда я спрошу Вас еще раз. А что бы вы делали, если бы вам отдали приказ сдать город без боя, а при попытке его защищать вас обвинили бы в измене?

Снова повисла тишина. Несмотря на выпитую водку, аудитория пыталась осмыслить сказанное. А Николай Федо-

рович продолжал:

– Вот примерно в такой ситуации оказались мы в девяносто первом... Все, кто не желал развала Союза. Нас обвинили в измене, попытке организовать путч. Нас обозвали "хунтой", приклеили ярлык "красно-коричневые", а в дальнейшем попросту повыгоняли с государственной службы. Много вреда может принести солдат, предавший однополчан... Стократ сильнее урон, если армию предает полководец... Но если по пути предательства идут руководители государства – это ведет к краху страны!.. В истории тому примеров много...

Подполковник Кузнецов замолчал. Кто-то из ветеранов с ним негромко согласился. Остальные молчали. Попросту не знали, как реагировать на его слова в присутствии районного начальства. И только Корчагина доводы офицера не убедили.

– Вот я и говорю: вы оказались слабаками, раз не смогли уберечь государство и поставить к стенке всю эту инородную шушеру!

На эту реплику ветерана возразил державшийся, как и подобает сановнику районного уровня, Каблуков:

– Тут вы гражданин Корчагин заблуждаетесь! Наш народ сам не захотел жить при советах!.. Большинство жителей страны поддержало демократические реформы...

Но Корчагин разошелся не на шутку. Холодно-презрительный тон чиновника, официальное, применяемое право-

охранительными органами по отношению к потенциальным преступникам "гражданин" еще больше распалили его.

– Только не надо говорить от имени всего народа! Лучшая часть народа полегла от Волги до Эльбы! Или умерла от ран после войны! А те, кого ты сегодня называешь народом, как стадо баранов, которое вдоволь накормили сеном и ведут на бойню! И они покорно идут! Блеют от страха, но идут!

– Ну, это кто как себя поставил, – злорадно ухмыльнулся Каблуков. – Я вот себя, к примеру, бараном не считаю!..

– А такие как ты и не бараны! Вы козлы-загонщики, которые ведут стадо. Им за это оставляют жизнь, а вам платят тридцать сребреников!..

Каблуков побагровел от злости. На помощь районному начальнику поспешил председатель совета ветеранов Кусков.

– Андрей Иванович, прекрати бузу! Ты испортишь нам весь праздник!

Лучше бы он промолчал. У Кускова давно побаливало сердце, и стрессы ему были противопоказаны. Корчагин вошел в раж и отбивался, как лось, окруженный стаей волков.

– А ты вообще молчи! Не воевал на передовой ни одного дня, а ходишь в председателях! Только и можешь, что задницу начальству лизать!

Кусков побледнел, начал хватать ртом воздух и осел на стул. А Корчагин ткнул пальцем в представителей администрации.

– А праздник нам портят вот эти господа! Пусть они попробуют нормально прожить на нашу пенсию!

– Вам-то грех обижаться, – быстроотреагировал Невзоров. – У вас, фронтовиков, пенсия в два раза больше, чем у обычного пенсионера!

– А ты нас не с ними сравнивай, а с теми, кого мы победили! В Европе пенсия в десять раз выше, хотя у них нет столько нефти, золота и алмазов! Захапали все, что мы построили, а нам в "благодарность" жалкий гривенник кинули!

– Корчагин, прекрати! – не выдержал и перешел на крик Невзоров. – Иначе я вызову милицию и выведу тебя вон!

– Да я сам уйду! Срать я хотел на вашу подачку! Заботу они о ветеранах проявляют...

Корчагин отшвырнул стул и, несмотря на возраст и выпитое, твердой походкой направился к выходу. На его груди позвякивали заслуженные в бою и в труде ордена и медали. Единственное, что у него в ходе реформ не "приватизировали".

Ветераны слушали эту перебранку с интересом, но не поддержали ни ту, ни другую сторону. И хотя кое-кто засобирился: "пожалуй пора и мне...", большинство осталось за столом: "не оставлять же недопитое..."

Председателю совета ветеранов Кускову стало плохо. Обвинение в лизоблудстве он воспринял как величайшую несправедливость. Всю свою жизнь он добросовестно выполнял любые указания начальников. Делал это сознатель-

но, без всякой задней мысли. Как порядочный и честный человек был убежден: не может вышестоящий начальник быть плохим человеком. Иначе кто бы его назначил на эту должность? И вдруг за эту преданность его обвиняют в подхалимстве.

Кускова вывели на воздух. Вышедший следом Каблуков сделал попытку его успокоить.

– Не переживайте так сильно, Семен Игнатьевич! Скоро эти коммуняки все перемрут... и заживем спокойно и хорошо...

Кусков бросил на молодого чиновника гневный взгляд, хотел возразить, но рабская привычка не перечить начальству взяла верх, и он ограничился только одной фразой.

– Вы и сейчас уже неплохо живете!

Кузнецовы возвращались с праздника в полном молчании. Перед самым домом Димка не выдержал и спросил:

– Папа, почему ты молчишь? Так сильно обиделся на этого Корчагина?

– Да нет, сын. Обиды на этого прямого и честного человека у меня нет. Плохо то, что по большому счету он прав, а мы ничего не можем изменить.

– А мне кажется, изменить можно все, было бы желание!..

Отец улыбнулся.

– Ты еще молод. На то она и молодость, чтобы верить в лучшее будущее. На деле, чтобы изменить мир в лучшую сторону, одного только нашего с тобой желания маловато.

*

Накануне праздника в село приехали Витька со Светой и еще несколько парней и девчонок из числа одноклассников. Сразу после праздничных мероприятий ребята собрались вместе и отправились на озеро Мраморное.

В эти праздники на его берегу было пустынно. То ли нынешние выпускники предпочитали ходить в "поход" в другое место. То ли сказалось отсутствие в школе любимой всеми учительницы. Евдокия Федотовна серьезно болела и вынуждена была уйти из школы. Ребята перед походом зашли к ней домой. Болезнь сильно изменила ее, но она оставалась все такой же отзывчивой, доброй и хотела знать о своих учениках буквально все. Поэтому в доме Серовых они пробыли довольно долго.

На озеро прибыли позже, чем рассчитывали, и на пустынном берегу по началу даже немного загрустили. Но молодость есть молодость. Постепенно развеселились. Немного выпили, потанцевали и даже попели. По традиции развели костер и, когда притомились, уселись вокруг него и принялись за воспоминания. Попутно перемыли косточки всем отсутствующим.

Почти все девчонки перебрались в город. Многие продолжили учебу. Кто в институте, кто в колледже, кто на курсах. Парни, за небольшим исключением, ушли служить в армию. Даже те, кто категорически этого не хотел. Деревенским ребятам труднее получить отсрочку от призыва. А чтобы "за-

косить", требовались деньги, которых у большинства попросту не было.

Игорь Сомов добился своего и поступил в военное училище. Он учился уже на втором курсе, и в июле будущий танкист должен был приехать в очередной отпуск.

Митька Оглоблин под видом слабого здоровья отвертелся от армии и поступил учиться на повара. Но проучился не долго. Пристрастился к наркотикам и его быстренько отчислили. Сейчас болтается где-то в городе.

Костя Шлягер подписал контракт и служит в своих родных десантных войсках. Флюгер получил условно-досрочное освобождение из тюрьмы и, по слухам, прибился в райцентре к местным бандюкам.

Одним словом, встреча одноклассников удалась, хотя парней было всего четыре человека. Они, и в их числе Димка, были в центре внимания. Заводилой был оптимист Витька. Острослов и пересмешник, он изрядно поднаторел на студенческих вечеринках и выдавал все, на что был способен. И потому девчонки с ним не церемонились. Димку они щадили. Все присутствующие, "по большому секрету", знали о его непростых взаимоотношениях с Маринкой и видели: радость от встречи у него неполная.

Он действительно ждал встречи с ней, а она не приехала. Мало того, Димка очень рассчитывал на эту встречу. Еще ранней весной он все-таки собрался с духом и написал ей письмо. Письмо получилось формальное и скучное. Живу

нормально, служу как надо, свободного времени совсем нет. О чем еще может писать солдат? В ответ получил аналогичное послание. Учусь, очень интересно, завалена работой, часто вспоминаю Большую Гору. Все у них сводилось к такому состоянию, о котором очень удачно сказал поэт: "Увидеться, это б здорово! А писем он не любил...".

Оба они рассчитывали, что встреча в Большой Горе даст толчок их чувствам, они выйдут на ту духовную близость, которая в первую очередь и объединяет любящие сердца. Но накануне Света привезла отвратительную весть: Маринка попала под машину и лежит в больнице. И потому Димка задавал себе тот же самый вопрос, что мучил и Маринку. Неужели им не удастся встретиться?

*

Однако судьба давала ему шанс. Билетов на прямой поезд до города, где была расквартирована часть, не было. И он поехал через Москву.

Димка уезжал из родительского дома с двояким чувством. С одной стороны – удовлетворение от встречи с родными и друзьями. С другой – неудовольствие оттого, что "изменения к лучшему", о которых с утра до вечера трещало телевидение, в село, ставшее ему родным, приходиться не торопились. И это чувство не было навеяно какой бы то ни было пропагандой. Несмотря на юный возраст, он сам без подсказки впервые ощутимо уловил, как деградирует и вымирает русская деревня. У людей отсутствовала нормальная, при-

носящая хороший доход работа. Народ даже в праздничные дни перестал петь песни и ударился в повальное, угрюмое от безысходности пьянство.

Из-за отсутствия личного опыта и знаний он пока только инстинктивно почувствовал несправедливость нового порядка. Россия продолжала жить по законам города Глупово, которые хорошо описал Салтыков-Щедрин. Со сменой власти все перевернулось из одной крайности в другую. Иначе говоря, свобода одних была заменена несвободой других. Те, кто при прежних порядках считал себя униженным и оскорбленным, мстительно торжествовали. Те же, кто полагал себя человеком свободным и равноправным прежде, теперь были унижены и оскорблены.

Этот отпуск послужил для молодого паренька своеобразным толчком. Он и раньше подмечал отдельные моменты несправедливости в жизни. Сейчас он принялся осмысливать их всерьез.

По прибытии в Москву ему повезло. Удалось сразу же купить билет до конечной станции. До отхода поезда оставалось пять часов, и он начал действовать. Для начала поехал на квартиру, где жили Серовы. По счастливой случайности мать Марины оказалась дома.

– Так вы и есть тот самый Дима? Марина рассказывала мне о вас, – примерно такими словами встретила она свалившегося, как снег на голову, солдата.

Елена Григорьевна напоила его чаем и постаралась выве-

дать о нем максимум сведений. Димка коротко рассказал о себе и попросил адрес больницы, в которой лежала Маринка. Елена Григорьевна попыталась отговорить его, мотивируя тем, что в больнице не приемные часы, но он настаивал, и она пустила в ход более весомые аргументы.

– Я, конечно, понимаю, у вас с Мариной чувства, но Дима, имейте ввиду, думать о личном счастье ей пока рано. Сначала нужно окончить институт...

Димка не сдавался.

– Елена Григорьевна, я все это понимаю... Я ведь и сам после армии собираюсь учиться... Но сейчас мне просто необходимо встретиться с ней! Поддержать ее!..

И мать, пытавшаяся оградить дочь от нежелательных (с ее точки зрения) знакомств, заколебалась. В конце-концов до той поры, когда дочери невтерпеж захочется замуж, еще есть время. А за это время, как говаривал обещавший шаху научить осла разговаривать Ходжа Насреддин, или шах умрет, или осел сдохнет.

Димка заметил ее колебание и бросил на весы последний аргумент.

– Вы не волнуйтесь. Я заехал совсем ненадолго. У меня через три часа поезд.

– Хорошо, – приняла решение Елена Григорьевна, – едем в больницу. Чтобы снять препятствия со стороны главврача, я сама вас провожу...

В больнице их провели в комнату посетителей, где,

несмотря на не приемные часы, уже сидели три женщины и мужчина. Маринка вылетела к ним взволнованная и растрепанная и немедля затараторила:

– Привет, мам! Ох, Димка, ну не можешь ты без сюрпризов! Почему не позвонил?! Почему не предупредил?!

Димка слегка растерялся. Он хотел обнять девушку, но в присутствии посторонних не решился этого сделать и лишь протянул ей руку.

– Это у тебя сюрпризы. Пообещала, что приедешь в село, а вместо этого прыгнула под машину!

Присутствующие в комнате прервали свой разговор и с интересом принялись разглядывать солдата и девушку. А Маринка обхватила его руку и уставилась синими глазами на своего "Динозавра". Она сравнивала его с тем одноклассником, с которым рассталась более полутора лет назад, отмечала произошедшие в его облике перемены, а в голову ей лезли какие-то совершенно не нужные в данный момент слова.

– Я мечтала об этой поездке... Мне Большая Гора до сих пор снится, но... судьба-злодейка!..

Он так же, не отрываясь, смотрел на нее. Несмотря на больничную бледность, она стала еще симпатичнее и привлекательнее. Отвечал ей тоже малозначительными фразами.

– Мы были на Мраморном. Вспоминали школьные годы, жаль, что тебя не было...

Под строгим взглядом матери и любопытными взглядами

посторонних они стояли друг против друга, крепко взявшись за руки. Как герои фильма "Семнадцать мгновений весны", многозначительно смотрели друг на друга, не раскрывая своих подлинных чувств, и говорили какие-то пустяки для окружающих. Говорили совсем не то, о чем думали, что переживали. Они подпитывали друг друга своей энергией, своей любовью, одновременно, с помощью словесной шелухи, отгоняя от себя любопытные и назойливые взгляды посторонних. Такая странная беседа совсем незаметно для них затянулась на полчаса. Наконец подошел момент, когда оба почти одновременно поняли: пришла пора расставаться.

– Мне пора... Иначе я опоздаю на поезд, – с виноватой интонацией в голосе сказал он.

– Да, да... – закивала она, – ты только не забывай меня... пиши и звони при первой же возможности. И обязательно сообщи дату твоей демобилизации...

– Сообщу, – улыбнулся он своей скромной улыбкой, – служить осталось шесть месяцев...

Он в последний раз сжал ее руку. Поцеловать девушку в присутствии матери и посторонних он так и не решился. После этого повернул лицо в сторону Елены Григорьевны, как-то стандартно, по военному отчеканил: "до свидания!", резко повернулся и твердой походкой уверенного в себе человека направился к выходу.

После его ухода у матери с дочерью состоялся непростой разговор. Елена Григорьевна повторила то, что перед этим

внушала Димке.

– Дочь, ты не замуж ли собралась? В любовные игры тебе играть еще рано. Сначала ты должна окончить институт и стать независимым самостоятельным человеком.

Марина все еще находилась под впечатлением встречи. Сегодня она впервые почувствовала, что от ее избранника исходит сильная мужская энергия. Она первый раз восприняла его не как робкого и скрытного одноклассника, а как сильную личность. Поэтому она не пошла на соглашательство с матерью.

– Влюбляться, мама, в моем возрасте не рано. Вспомни себя и папу...

Елена Григорьевна, все это время анализируя Маринкину и Димкину "болтовню", на дерзкий ответ дочери разразилась целой проповедью.

– Да, мы с папой познакомились студентами, но поженились только после окончания института. В то время были нормальные нравы. А вы сейчас чуть не с пеленок торопитесь в постель. Без образования... Без работы... А расхлебывают родители. И потом, мы с папой были людьми одного круга. А тебе с этим деревенским парнем через полгода совместной жизни даже не о чем будет разговаривать! Не говоря уже о том, что он загубит твою карьеру.

Марина выдержала атаку матери и дала твердый отпор.

– Мама, я уже взрослая. Позволь мне в этой жизни кое-что решать самой! А тебе я обещаю: сидеть на вашей шее я

не стану!

После этого разговора делиться с матерью секретами она перестала.

А Димка вовремя успел сесть на поезд. Он ехал под впечатлением встречи и обдумывал планы после демобилизации. Но поговорку: "Человек предполагает, а Господь располагает..." – люди придумали не зря. Впереди сержанта Кузнецова ждала "маленькая победоносная война", которую уже задумали те, кто "рулил" Россией, той самой Родиной, которой Димка присягнул на верность.

Как и всякая другая, эта война принесет кому-то высокий рейтинг, престиж или просто большие деньги. А кому-то причинит только горе. Кто-то после ее окончания ощутит радость победы. В ком-то останется горечь поражения и жажда реванша. А для некоторых молодых ребят из поколения "пепси" она станет войной самой первой... и последней...

Глава 4

О второй чеченской войне сказано и написано немало. Аналитики всех мастей исписали гору бумаги и стерли языки, разглагольствуя об ее причинах. Что только не приводится в доказательство того, что война была неизбежной.

Одни твердят о сепаратизме чеченцев, их "исторической" или даже "генной" ненависти к русским. Другие делают упор на геноциде, устроенном в Чечне по отношению к славянским народам, "склонности" чеченцев к терроризму. Третьи все сводят к "русскому шовинизму" и стремлению великороссов душиить любое "национально-освободительное" движение.

Неискушенному человеку разобраться во всем этом не просто. Однако, если исходить из обычного в таких случаях вопроса: кому эта война была выгодна? – все более или менее становится на свои места. И вот здесь выясняется: война эта была выгодна и Западу, и российской власти, которую именуют обычно "Кремлем".

Официальная точка зрения Кремля, а, значит, и всей российской пропаганды, подчеркивает: война была своеобразной защитой от экспансии Запада. Запад во все времена не оставлял попыток разрушить Государство Российское до самого его основания. Уж слишком большие богатства хранятся в недрах Евразийского континента, всю северо-восточ-

ную часть которого контролирует Россия. И если вспомнить историю, все самые кровопролитные войны страны Западной Европы затевали именно с Россией. Затевали и неизменно проигрывали. И вот, наконец, победа в холодной войне и стремительное крушение государства СССР...

Ястребы Запада вдруг почувствовали запах полной и окончательной победы над "инакомыслящими" славянами. От эйфории у них закружилась голова. Почудилось: еще нажим, и развалится на части сама основа славянской цивилизации – Российская Федерация.

Лучшим фитилем для того, чтобы взорвать федерацию изнутри, на тот момент была Чечня. В случае ее отделения и получения полной независимости примеру мятежной республики могли последовать другие народы. Чтобы выжить, Россия должна была защищаться и задавить сепаратизм в самом зародыше. Такова главная официальная версия возникновения второй войны, версия для народа.

Но за высоким патриотичным фасадом этой версии были скрыты причины глубинные, внутренние. Эти причины лежали в сфере интересов тех людей, которые во время развала Советского Союза сумели "приватизировать" главные богатства страны. Войну затеяли воры высшего порядка, но не потому, что планировали нажиться на войне, а потому, что они испугались перспективы в одночасье потерять все, что им удалось хапнуть. Война им была нужна, чтобы спасти свою власть.

Новые хозяева кладовых природы почувствовали угрозу с двух сторон. Первая – внешняя. Распад России означал для них потерю контроля над богатствами, равных которым нет ни в одной стране мира. Не приходилось сомневаться: в слабой стране эти богатства очень быстро приберут к рукам акулы Запада. Значит, допускать распад страны было нельзя. Но одновременно нельзя было слишком усиливать государство и развивать в нем демократию по типу западной. В этом случае на волне народного недовольства, путем мирных выборов, к власти могла придти оппозиция.

Это была вторая угроза – внутренняя. Допустить победу ни правой, ни левой оппозиции силы, в руках которых находились реальная власть и богатства, не могли. При победе правой оппозиции неизбежно начался бы передел собственности. При победе оппозиции левой природные богатства снова могли отойти в собственность государства.

Внутренняя опасность была более реальной. На выборах девяносто шестого года население в большинстве своем проголосовало против действующей власти. С большим трудом, при помощи различных уловок и откровенных фальсификаций властям удалось "сделать" перевес голосов в пользу старого и немощного президента, но испуг остался. На повестку дня встал вопрос: как сохранить власть в руках кланов, поделивших Россию, и хорошенько приструнить оппозицию?

И серые кардиналы нашли красивый пиар-ход. Не дожидаясь очередных выборов передать власть в стране моло-

дому энергичному преемнику, который бы стал гарантом "порядка", сложившегося в стране. А чтобы народ поверил преемнику и поддержал его, в ход был пущен старый, как мир, способ: сделать преемника героем небольшой победоносной войны. А так как неудовлетворенность исходом первой войны в Чечне ощущалась повсеместно, то нет ничего удивительного в том, что противником России и на этот раз стал "международный терроризм" в лице чеченских "боевиков-террористов". Те по-прежнему мечтали "отделить Ичкеррию от империи" и потому лозунг преемника: "Замочим бандитов в сортире" – быстро приобрел популярность.

Народ поверил в молодого руководителя. Поверила в него и армия: "Этот даст наконец-то возможность добить бандитов в их логове".

Подлили масла в огонь и усиленно внедряемые в сознание людей призывы к толерантности (терпимости). В основе толерантности лежит принцип взаимного признания и уважения между людьми, способность их жить вместе и вести диалог. Принцип вроде бы хорош. Но в российской действительности все правила и системы запретов, направленные на поддержание толерантности, приняли одностороннее толкование.

К примеру, ты можешь сколько угодно ругать олигархов, можешь критиковать их жадность, называть их при этом "новыми русскими", никто на тебя и пальцем не покажет. Но если ты огласишь отличную от русского национальность оли-

гарха, тотчас станешь "русским фашистом", экстремистом, тебя обвинят в разжигании межнациональной розни. Ино-родцы, которых Россия пригрела в своей лубяной избушке, успешно использовали эти односторонние запреты. А коренной народ почувствовал свою уязвимость. Это породило у людей неудовлетворенность, которая частично нашла выход в войне с "кавказцами".

И все же главная причина перевешивала все прочие. Война была нужна как способ спасения обанкротившейся власти.

*

Непосредственным поводом к войне стало летнее вторжение чеченских боевиков в Дагестан и осенние взрывы жилых домов в Москве и других городах России.

Откуда толкали боевиков на провокацию в Дагестане из Кремля ли, как утверждал Запад, или с Запада, как утверждал Кремль, гадать нет смысла. Как бессмысленно и небезопасно искать виновных во взрывах жилых домов. Суть в другом. И Западу и российским властям эти провокации сыграли на руку. Каждая сторона стремилась к российско-чеченскому конфликту, чтобы достичь своих целей.

Достигать цели, поставленные российской стороной, должна была оплеванная правозащитниками и журналистами армия. Те самые нищие офицеры и прапорщики, которым уж какой год обещали достойную жизнь и зарплату. Да еще молодые ребята из поколения "пепси", только вчера

вставшие под ружье.

Чтобы создать боеспособную группировку, командный состав и пригодные для ведения боя подразделения собирали по всей стране. К счастью, офицеров, имеющих боевой опыт, к тому времени из армии уволили не всех. Хуже обстояло дело с солдатами. Для того, чтобы воевать с опытными боевиками, нужен был опытный солдат. Его не было. Контрактников – кот наплакал. А те, кто служил срочную, из-за отсутствия средств знали о боевой подготовке только понаслышке.

Группировку войск приходилось собирать со всех военных округов по крупицам. В первую очередь на войну были отправлены части и подразделения постоянной боевой готовности.

Инженерно-саперная бригада, в которой служил Димка, входила в состав Северокавказского военного округа, и обойти ее война никак не могла. Война вошла в сознание всех, кто служил в бригаде раньше, чем начались боевые действия. В часть приехал начальник инженерных войск округа генерал-майор Красин. Бригада была построена для строевого смотра, и солдатская молва тут же разнесла негласную весть: предстоит марш на границу с Чечней, а значит – впереди новая война.

На войну отправляли солдат, прослуживших не менее года. Демобилизация тех, у кого осенью заканчивался срок службы, откладывалась на неопределенное время.

На строевом смотре Димка впервые увидел генерала Красина вблизи. Даже ответил на заданные генералом вопросы. Впечатления на него генерал не произвел. Может, оттого, что фамилия его была в чем-то созвучна с фамилией недоброй памяти предпринимателя Краснова. Может, не произвел впечатления внешний вид генерала.

Коренастый, среднего роста, пытливый взгляд и какой-то негромкий некомандный голос. Речь с преобладанием южнорусского говора, в котором только при отдаче приказа появляются категоричность и металлические нотки. И, что самое главное, генерал совершенно не выпячивал своего генеральского достоинства.

По какому-то интуитивному представлению, ну и по современным телефильмам, конечно, Димка считал: генералы должны быть высокими и надменными небожителями, к которым на простой козе въезд строго запрещен. А этот вполне миролюбиво разговаривал с офицерами и солдатами. Задавал вопросы и сам без всякой напыщенности и спеси отвечал, если задавали вопросы ему.

В силу своей молодости и отсутствия опыта Димка не мог пока знать, что генералы тоже бывают разные. И действуют на войне они по-разному. Есть рабочие генералы. Они собственно и организуют бой и операцию. А есть и те, которые "руководят" войсками не снимая белых перчаток. Эти – снимают пенки, если война идет успешно, и усиленно ищут козлов отпущения, если войска постигла неудача.

Предстоящая война не являлась исключением. Генерал Красин был типичным "рабочим" генералом. И этому генералу предстояло сыграть в судьбе юноши определенную роль.

*

В начале октября, чуть менее чем за три месяца до последнего года второго тысячелетия, российские войска вошли в Чечню. Начались боевые действия, и все споры о том, кто и зачем устроил провокации в Дагестане и взрывы жилых домов затихли. Нет, политики в столице по-прежнему толкли воду в ступе и продолжали вести дебаты о необходимости войны и ее вероятном исходе. Но тем, кто воевал, заниматься бесплодными дискуссиями стало некогда. Нужно было выполнять приказ.

Все время, пока войска продвигались к Грозному, война носила партизанский характер. Краткие стычки с противником происходили постоянно. Боевики чаще всего действовали из засад и нападали внезапно. Они учли опыт предыдущей войны и, чтобы отвести удар от мирного населения, редко занимали оборону в населенных пунктах. После стычек старались быстро отойти, чтобы перегруппироваться и атаковать на новом месте.

Все изменилось, когда война прикатила в Грозный. Здесь пришлось воевать лицом к лицу. Город был заблаговременно подготовлен к круговой обороне. Группировка боевиков под командой Басаева поклялась оборонять столицу Чечни

до последнего солдата.

Периметр обороны был разбит на секторы. Эти участки самолюбивые чеченцы называли "фронтами". Командиры отрядов стали именоваться "командующими". Здесь окружившие город федеральные войска вступили в постоянный огневой контакт с противником и боевые действия приобрели черты "настоящей" войны, суть которой прописана в Боевом уставе, точнее в его разделе "Бой в городе".

Федералы тоже учли опыт прошлой войны и воевали более грамотно. Шапкозакидательских настроений не было и в помине. Не было лихих атак "с шашкой на броне". Теперь любой, от генерала до солдата, понимал: противник не просто загнанный в угол фанатик, а опытный, по азиатски хитрый и коварный враг. Поэтому воевать с ним нужно "на полном серьезе".

Грозный был окружен внешним кольцом войск. Внутри этого кольца была создана группировка, непосредственно штурмовавшая город. В ней, на острие войск, действовали отряды и группы штурма и разграбления. В состав этих групп входили представители родов войск и специальных войск. Задача групп штурма – очищать квартал за кварталом и сжимать внутреннее кольцо до полной капитуляции противника.

Все это было хорошо спланировано в штабе группировки федеральных войск в Ханкале. Однако легко начертить все на бумаге. На практике дело обстояло хуже. Войска штурмо-

вали город день за днем, а продвижения вперед почти не было. Обороняющиеся то и дело контратаковали и восстанавливали утраченные накануне позиции.

Почему это происходило? Причин неудач в таких случаях всегда много. Отсутствие должного опыта у наступавших, плохое взаимодействие и знание местности, деморализация психологически слабо подготовленного личного состава. Особенно от больших потерь, которые неизбежно несут в таких случаях наступающие. Не последнюю роль сыграло упорство и остервенение, с которым оборонялся противник, хорошо подготовивший город к обороне.

В результате штурм города затянулся на несколько месяцев.

*

Димка снова оказался в одной роте с Толиком Кашиным. Саперные батальоны и роты, отправлявшиеся на войну, формировались практически заново. Из них убрали всех молодых солдат и пополнили личным составом из других частей и подразделений. Дополнили до полного штата офицеров и прапорщиков. В роте старшего лейтенанта Марусева тоже произошли изменения. На должность командира взвода, которым временно командовал Димка, был назначен лейтенант Тягунов, только-только окончивший военно-инженерное училище.

Офицеры части в основе своей были настроены на войну решительно. Сказались неудовлетворенность исходом пер-

вой войны и обещания командования. В случае окончательного разгрома "боевиков-террористов" офицеры как герои-победители должны были получить многое. Награды, очередные должности и воинские звания, жилье и, конечно же, долгожданное повышение денежного содержания.

Солдаты, в отличие от офицеров, относились к войне по-разному. Некоторые, и таких было немало, считали войну ненужной и не хотели "умирать не понятно за что".

Другие, их тоже было много, прониклись чувством патриотизма и напускали на себя браваду: "именно нам предстоит замочить террористов в сортире".

К последним относился и Толик Кашин. За время службы он заметно изменился. Толик, как это свойственно слабохарактерным парням, попавшим в мужской коллектив, хохорился и пыжился, пытаясь показать себя в армейской среде более весомым. Свою природную доброту пытался прикрыть грубоватыми манерами, шутками и совершенно несвойственным ему цинизмом. Теперь он не соглашался, как ранее, со всеми подряд, а пытался спорить и доказывать свою правоту. Правда, лишь с теми, кого не опасался.

Когда известие о том, что их отправляют в Чечню было объявлено официально, Димка поругался со своим другом чуть не до драки.

– Вот и хорошо, – искренне радовался Толик, – не добились бандитов в прошлую войну, добьем сейчас!

Димка не понимал, как можно радоваться войне. Он был

убежден: конфликт можно было разрешить политическим путем, без войны, и попытался притушить не мотивированную радость друга.

– Дурак ты, Толик! Войной с этим народом ничего не решить. В прошлом веке уже пробовали.

– Не было бы дураков, не по кому было бы умных равнять! – как обычно отъелся Толик. – А раз ты умный, должен знать: горцы признают только силу. И чтоб притихли, им надо капитально расквасить морду!

– Так мы не на кулачную драку идем, а на войну. Нам придется убивать их, а они будут убивать нас. Так что мы можем не дожить до того времени, пока они поумнеют и притихнут.

– Ну и что? – нагло улыбался в ответ Толик. – Родина нас не забудет! Лучше умереть героем, чем от наркотиков и водки в деревне!

– Можно и не спиваться, все от тебя самого зависит. А вопрос с Чечней можно решить мирно. Для них изоляция от России – гибель. Куда они с общей упряжки денутся?!

– Вот и надо перебить у них всех, кто воду мутит. А то будем воевать с ними весь двадцать первый век.

– Тогда получается: надо перебить и тех, кто мутит воду у нас! Ведь жили же пятьдесят лет без конфликтов. А как пришла к власти всякая шушера, так война за войной! Только умирать-то на войне будут не они, а мы с тобой!

– О-о-о, Кузнец, да ты испугался! В штаны наклал! А корчил из себя Рембо!

– А-а-а! – махнул рукой Димка, – тебе самому надо морду расквасить... , чтобы поумнел.

На этом их перепалка заглохла. Они не разговаривали потом почти неделю.

Та часть мальчишек поколения "пепси", которая провела детство в достатке и воспринимала изобилие товаров и вседозволенность, именуемую "свободой", как нечто само собой разумеющееся, столкнувшись с войной, с ее несправедливостью, непредсказуемостью и жестокостью (обывателю все это кажется бардаком и неразберихой), вдруг начала переосмысливать жизнь. Переосмысление это напрямую зависело от количества интеллекта, заложенного в голове у каждого. Однако одно поняли практически все: реальная война была далека от той, что показывало телевидение и рисовало отформатированное пропагандой воображение. Опыт, приобретаемый ими во время стычек с противником, не шел ни в какое сравнение с опытом, приобретенным в мирной жизни.

Димка хорошо запомнил первое столкновение. Их колонну внезапно обстреляли из засады. Пять человек погибли сразу, не успев сделать в этой войне ни единого выстрела. Остальные спрыгнули с техники, попадали кто куда и принялись беспорядочно палить в сторону боевиков. Те отступили и скрылись, но ни одного убитого потом не нашли. Не было даже признаков того, что кто-то из нападавших был ранен.

Димка и сам не помнил, как расстрелял целый магазин.

Вся приобретенная на стрельбище наука забылась в одну секунду. Тщательно целиться и стрелять короткими очередями он начал только после третьей или четвертой стычки.

А под обстрел саперы попадали часто. Войска медленно двигались к Грозному, и противник не только устраивал засады, но и минировал местность. В этот период рота старшего лейтенанта Марусева занималась разминированием дорог и проделыванием проходов в заграждениях. Саперы постоянно оказывались впереди основной колонны и становились добычей чеченских снайперов. В роте были уже и погибшие, и раненые.

Под Грозным задачи изменились. Саперный батальон подполковника Смирнова не попал в число подразделений, штурмовавших город. Роты батальона устанавливали заграждения перед позициями войск внешнего кольца и на стыках частей и подразделений.

Задача эта только на первый взгляд казалась простой. Саперы почти постоянно работали под обстрелом. Им приходилось часами ползать по остывшей земле, ковырять неподатливую землю, на холоде голыми руками устанавливать мины и взрыватели, растягивать колючую проволоку и заграждения МЗП (малозаметное препятствие из тонкой сталистой проволоки). Особенно болезненной была установка заграждений "Егоза" из специальной колючей проволоки, прозванной саперами "резункой". При малейшей неосторожности "резунка" впивалась в руки даже через толстые рукавицы. У

всех, кто ее устанавливал, руки были в царапинах и порезах.

Работа перед передним краем под постоянным обстрелом изматывала. А после этого вместо отдыха приходилось оборудовать позиции. Саперы возводили командно-наблюдательные пункты, отрывали окопы для техники, строили укрытия и убежища, строили объекты тыла.

Батальон нес потери, оставшиеся в строю валялись с ног. За неполный месяц саперная рота Марусева потеряла почти половину личного состава убитыми, ранеными, около десятка человек были госпитализированы с воспалением легких и другими болезнями.

И все же эти условия не шли в сравнение с теми, которые выпали на долю подразделений, воевавших в самом городе. Канонада там не прекращалась ни днем, ни ночью. Эту бойню не без основания называли "мясорубкой". Раненых и убитых из города везли постоянно. Так же регулярно в город направляли резервы. Штурм города затягивался, и войска внешнего кольца, закончив оборудование позиций, получили кратковременную передышку.

*

Марина Серова, как и многие москвичи, была далека от войны, пока в самой столице не принялись взлетать в воздух жилые дома. До этих взрывов обывателя мегаполиса война на Кавказе не интересовала. После взрывов ему стало неуютно и страшно. "Международный терроризм", которым его постоянно пугали, из далекого и мифического превратился

в реальность, и общественное мнение дружно качнулось в сторону войны. Живущее мелкими личными интересами население быстро пришло к выводу, к которому его и подталкивали: пока в Чечне не будут добиты бандиты-террористы, спокойной жизни не жди.

Но вот война была объявлена. Взрывы в городах России прекратились и гремели теперь только в мятежной Ичкерии. Московское общество быстро успокоилось. Молодому премьер-министру, пообещавшему добить бандитов, поверили не только военные.

Теперь пришел черед потерять покой близким и родственникам тех, кто воевал. Марина была в их числе. Она узнала, что Димка в Чечне, и тревога в ее душе получила постоянную прописку. Эта тревога побуждала к действию. Девушка хотела найти поддержку, сочувствие со стороны других людей, а видела лишь безразличие и холод.

Шла война, убивали людей. Убивали мальчишек ее поколения, а огромный мегаполис смотрел на эту войну безучастно и равнодушно. Люди занимались обыденными текущими делами, среди которых преобладало главное: как получить деньги, и побольше... и побольше...

Ее тревога искала выход и находила его в неприязни к окружающему миру. Война послужила для нее толчком к переосмыслению жизни.

У нее появилось чувство отвращения к телевидению за постоянное вранье и нескончаемые развлекательные теле-

шоу в тяжелый для страны час. За то, что новости о военных действиях были лишь способом привлечь людей к телеящику, средством для поднятия рейтинга телепередач.

Она возненавидела телерекламу, без конца рекламировавшую нахлынувшую на страну беду. Только бедой этой была не война на Кавказе, а пресловутые перхоть и кариес.

Девушка отказывалась понимать сверстников-студентов за их полнейшее равнодушие ко всему, что происходило вне Москвы. Однокурсники были заняты только собой, о войне говорили мельком, невзначай, как будто событие это происходило на другом конце планеты, в далеком никому не известном племени. А ведь это учащиеся не какого-то кулинарного техникума. Это будущие профессионалы, которым предстояло отстаивать интересы страны, интересы своей Родины.

Неприятной для Марины стала и сама Москва. Девушка уже знала: в столице крутятся основные деньги. Эти деньги не расходовались, как ранее, на нужды всего общества. Они оседали в карманах небольшой кучки сверхбогатых граждан. Но кое-какие "крошки" перепадали и элитному жителю столицы. И эти "крошки" были намного жирнее тех, что доставались людям на периферии.

В погоне за "легкими" деньгами в Москву, как когда-то в Клондайк, устремились миллионы людей. Столица становилась чужой. Она напоминала большую интернациональную гостиницу. Москвичи попросту растворялись в массе вновь

прибывших.

И всей этой публике было наплевать на тех мальчишек, которые воевали за ее интересы. Тех, кто не был виноват в развязывании войны, но честно выполнял свой долг и призыву. Эти ребята жили настоящей мужской жизнью, полной лишений и опасностей. Они совершали реальные дела и подвиги, сражались и умирали, как настоящие мужчины.

Их смерть даже близко нельзя сравнить со смертью какого-нибудь бандюгана из солнцевской группировки, скудившего свою жизнь наркомана или спившегося от полного отсутствия воли маменькиного сыночка.

И ее Димка был там, среди этих парней. Маринка заочно уважала этих ребят, любила и жалела их всех. И все же больше всего страшилась мысли, что потеряет на этой войне своего любимого и единственного.

*

Начальник инженерных войск Северокавказского военного округа генерал-майор Красин летел в Ханкалу и гадал: зачем так срочно его вызвал командующий?

Больше месяца он со своими войсками претворял в жизнь идею, согласно которой граница Чечни с Грузией должна быть закрыта так, "чтобы мышь не проскочила". Именно через эту границу и с Запада и с Востока поступала боевикам помощь от сил, заинтересованных в разжигании конфликта на Кавказе. Задача – прикрыть наглухо границу, конечно, архиважная, но выполнимая ли? Сказать, "чтобы мышь не

проскочила", легко. Попробуй сделать это на практике. На огромном по протяженности участке, в горах, где активно действуют отряды Хаттаба. Поэтому дело продвигалось туго. Во всяком случае, хуже, чем в группировке, штурмующей Грозный. Там все понятно. Противник окружен, лишен помощи извне, и его капитуляция – дело времени. И вдруг внезапный приказ: передать руководство инженерными войсками, действующими в горах, заместителю, а самому прибыть в штаб.

Красин давно привык к тому, что его всегда посылали на самые трудные и ответственные участки. Кто тянет воз, на того больше и грузят. Командующий доверял ему, был уверен в нем и знал, что генерал выполнит самую трудную, для любого другого непосильную задачу. А Красин как человек честный и добросовестный стремился оправдать это доверие. Однако сейчас ему было не совсем понятно, почему его оторвали от выполнения задания, поставленного самим Исполняющим Обязанности Президента. Не иначе, как произошло что-то неординарное.

В Ханкале его без всякой передышки пригласили в штаб федеральной группировки войск. Совещание проходило в узком кругу. Кроме командующего и начальника штаба присутствовали командующий Грозненской группировкой со своим начальником штаба и начальник разведки.

Командующий выслушал доклад Красина, пригласил всех к карте и сразу перешел к делу.

– Похоже, осада города принесла свои плоды. У боевиков кончаются боеприпасы, продовольствие, они измотаны боями. Но капитулировать и сдаваться не хотят. По данным нашей разведки готовятся идти на прорыв из города, чтобы уйти в горы на соединение с отрядами Хаттаба. Они активно ищут слабые места в нашей обороне. Если найдут – прорвутся. Поэтому наша задача: укрепить оборону так, чтобы ни один из них не ушел из города живым. Я утвердил план перегруппировки войск. На бумаге все бреши перекрыты, слабые участки усилены. Но это только на бумаге. Вам предстоит претворить этот план в жизнь.

Командующий сделал многозначительную паузу и остановил свой взгляд на начальнике инженерных войск.

– Особенно сложная задача, Красин, у вас. Я вызвал вас затем, чтобы вы лично организовали прикрытие участков обороны инженерными заграждениями. В этом вопросе опытнее вас у нас никого нет. В штабе составлен план заграждений. Вам предстоит провести рекогносцировку, уточнить этот план и организовать его выполнение. Особое внимание обратите на прикрытие минными полями стыков между частями и подразделениями и участков обороны, слабо прикрытых огневыми средствами. На все про все четверо суток... Вам понятна задача?

Красин с ответом чуть замешкался. Задачу командующий поставил, как всегда, в общем. Вопросов было много. Но задавать их все сейчас не имело смысла. Начальство не любит,

когда задают слишком много вопросов, а еще чаще просто не знает, как на них отвечать. Потому придется уточнять самое главное.

– Задача понятна, товарищ командующий, но времени и сил для ее выполнения недостаточно.

– Другого времени, генерал, Басаев нам не предоставит! Боюсь, как бы они не начали исход раньше, чем мы ожидаем. А вот с силами и средствами поможем. На этот период разрешаю вам снять саперов со всех второстепенных участков. С подвозом средств инженерного вооружения вопрос решен. Необходимый транспорт начальник тыла уже выделил. Так что действуйте. Вопросы?

– Один вопрос, товарищ командующий. Какие возможные направления прорыва боевиков командование считает главными?

– Вот тут я вам четких рекомендаций дать не могу. У Басаева сто дорог, и все их надо закрыть. Но, в первую очередь, прикройте южное направление и западное. На восток и на север они вряд ли пойдут. Там степь, и их легко настигнет авиация. Повторяю, они, скорее всего, будут прорываться в горы. Так что, генерал, уточните с командующим Грозненской группировки все детали и приступайте к работе.

С этого момента краткая передышка в саперном батальоне подполковника Смирнова закончилась.

*

Димка сгорал от стыда. Ему было невыносимо разговари-

вать с сослуживцами, он не мог ни о чем думать и даже перестал нормально соображать. У него опустились руки, он потерял веру в себя. Паренек пришел к неутешительному для себя выводу: все черты, которые он пытался в себе воспитывать: сила воли, смелость, мужество – на деле оказались показухой и блефом. Потому что он элементарно струсил. Струсил в бою.

В этой короткой стычке погиб его сослуживец Паша Сеницын и был тяжело ранен командир взвода лейтенант Тягунов.

Их рота устанавливала противопехотное минное поле на стыке двух мотострелковых полков. Взвод лейтенанта Тягунова ставил мины на левом склоне небольшого оврага, который, собственно, и разделял позиции соседних полков. Овраг требовалось хорошенько "закрыть". Он мог быть использован боевиками, потому как имел мертвые зоны. Зоны, которые с позиций мотострелков не простреливались.

Работа для саперов была привычной. Каждое отделение имело свою конкретную задачу. Димка с Пашей Сеницыным и Колей Коноплевым устанавливали строго по схеме противопехотные осколочные и фугасные мины. Они заканчивали минировать очередной квадрат, когда их внезапно обстреляли. Огонь велся из двух автоматов с небольшого пригорка, расположенного на их склоне со стороны города.

Паша Сеницын сразу споткнулся, выпрямился во весь рост и медленно повалился на спину. Димка увидел широко

открытые изумленные глаза товарища, и его сознание пронзила мысль: "Пашку убили... , сейчас и меня!.." Он плюхнулся в какую-то неглубокую канаву и вжался в землю. Услышал, как вскрикнул Коля. Видимо, зацепило и его.

Димка лежал без движения и слушал, как посвистывают пули. Он уже не раз был под обстрелом, но так и не смог привыкнуть и спокойно переносить их жужжание. Не смог привыкнуть и к визгу летящего снаряда или мины. Так и кажется: летит точно в тебя.

Выстрелы грянули внезапно, и Димка не был готов к бою ни морально, ни физически. В его сознании застряла на переднем плане фотография широко открытых глаз убитого Паши. Его уши непрерывно поставляли информацию о неприятно повизгивающих над головой, несущих смерть и вселяющих в душу страх маленьких кусочках свинца. Этот пронизавший все существо страх полностью парализовал его волю. Он лежал, плотно прижавшись к земле, и находился в том состоянии, когда секунды кажутся вечностью. И даже тогда, когда перестала повизгивать над головой коса Смерти, он так продолжал лежать и потому не увидел, как скоротечно протекал этот бой.

Не видел, как по боевикам открыли огонь ребята из боевого охранения. Не видел, как на помощь к своим солдатам зигзагами рванул лейтенант Тягунов. Боевики перенесли на него огонь. Лейтенант упал и, раненый, принялся стрелять по ним, не позволяя бандитам вести огонь по бойцам свое-

го взвода. Не видел, как подросла во главе с ротным группа саперов. Боевики не выдержали, выскочили из укрытия, и это стоило им жизни.

Димка начал воспринимать действительность, когда подбежал ротный. Марусев увидел живого и невредимого сержанта и обложил его на всю катушку.

– Ты что... твою мать... разлегся?!.. Мог бы из своей канавы хоть сраненькую очередь дать, чтобы взводного прикрыть! Все еще не понял, что на войне?! Тут, если ты не убьешь, убьют тебя!

Это прозвучало прямым укором, и Димка начал сознавать, во что обошлась его минутная слабость. Если бы он прикрыл огнем взводного, когда тот бежал к ним, лейтенант остался бы невредим. Тем более, "бандиты" оказались неопытными. Обыкновенные чеченские пацаны в гражданской одежде. Потому и проникли так близко к позициям. Их послали на разведку, но нервы молодых горцев не выдержали, и они решились начать войну с "неверными", не дожидаясь приказа своего командира.

По всему получалось: Димка подвел товарищей в бою. Поэтому и сгорал он от стыда. В голову его лез один и тот же вопрос: "Как жить дальше?" Командир взвода Тягунов старше всего на два года, не струсил. Не струсил ребята, которые вели огонь по нападавшим. Не струсил, наконец, эти чеченские подростки, наверняка понимавшие, что живыми им из этой перестрелки не уйти.

С этого момента Димка жил и действовал механически, как лунатик во сне. Прощание с убитым Пашей Сеницыным, ранеными Колей Коноплевым и лейтенантом Тягуновым не оставили в его сознании отпечатка. Он был занят собой и своими переживаниями. Ему казалось: все смотрят на него с упреком и осуждением.

На самом деле это было не так. Сослуживцы на его душевное состояние не обратили никакого внимания. Они находились под впечатлением боя и понесенных в нем потерь. Да и не было времени оценивать чьи-то душевные переживания. Нужно было выполнять поставленную задачу дальше. Только опытный ротный заметил, что сержант Кузнецов ест себя поедом. Чтобы как-то встряхнуть сержанта и немного загладить грубость, с которой он обрушился на него в конце боя, ротный отозвал подчиненного в сторону.

– Кузнецов, хватит расстраиваться и киснуть. Ну, отмастерил я тебя..., извини, в бою всякое бывает...

– Я не обижаюсь, товарищ старший лейтенант. Вы отругали меня справедливо..., за дело, – механическим голосом отозвался Димка.

– Ну и хорошо, что сам понимаешь. Учти на будущее, и выше нос. Расстраиваться сейчас некогда. Ты остался за взводного, придется выполнять его обязанности. Формуляр минного поля составлять умеешь?

– В учебке делал, а сейчас, боюсь, забыл. А вот, как делают привязку, помню.

– И то хорошо. Сделаешь привязку, а формуляр составить я помогу.

– Товарищ старший лейтенант, а зачем сейчас заниматься этими бумажками? Я и так помню, где и что мы поставили.

– Ты Кузнецов вроде умный, а дурак. Тут война... Мы сейчас с тобой есть, а через секунду нас нет! И каково будет тому, кто станет разминировать это поле? В общем лекции мне тебе читать некогда. Буссоли у меня нет. Бери компас, бинокль и с песнями вперед... Да ориентиры бери постоянные. Не вздумай указать "пеструю корову на лугу" или "отдельно летущий вертолет".

На Димкином лице появилось подобие улыбки. На душе стало немножко легче. Несмотря ни на что ротный доверяет ему, значит надо жить и воевать дальше. Воевать так, чтобы не было проколов.

*

Генерал Красин снова прибыл к командующему. По хмурому лицу генерал-полковника начальник инженерных войск безошибочно определил: приятных новостей не жди. Так и получилось. Они были вдвоем, и разговор получился предельно откровенным.

Командующий кивнул на лежавшую на столе карту.

– На, полюбуйся, разведка добыла карту боевиков. На ней вся твоя работа...

Красин внимательно всмотрелся в нанесенную противником обстановку. На карте были отмечены все установленные

минные поля. Причем в точном соответствии со штабной картой федеральных войск.

– Продали, – констатировал он. – Оперативно работают, предатели...

– Да, да, – отозвался командующий и ругнулся, – все продают: планы и сроки операций, маршруты колонн, планы перегруппировок... А эти, из контрразведки, ловят солдат-дезертиров да путаются под ногами, когда не надо... Но я тебя вызвал не для этого. Тут нам теперь уже ничего не исправить. Сегодня в ночь ожидается исход боевиков из Грозного. Ты за последние дни облазил весь фронт, где, по-твоему, они пойдут?

– Товарищ командующий, на сегодняшний день мы хорошо укрепили южное направление и западное. Басаев имеет схемы наших позиций и минных полей и вряд ли рискнет прорываться через них с боем. Тут ему не избежать крупных потерь. На севере и востоке прикрытие слабее. Считаю, они пойдут на восток.

– Обоснуй. За каким чертом они полезут на равнину? Они же понимают: там мы их легко достанем.

– Согласен, товарищ командующий, если они пойдут на север. Рассредоточиться и скрыться там им будет сложно. Потому они обязательно пойдут на восток. Для них сейчас главное – выйти из города и преодолеть наше внешнее кольцо. А потом у них путь на все четыре стороны. Самый кратчайший и удобный в – направлении Ведено, где обосновался

Хаттаб. Считаю, пойдут они вдоль Сунжи. Здесь пересеченная местность. Направление слабо прикрыто войсками и заграждениями. Ночи сейчас длинные и темные. За ночь они в состоянии проскочить мимо наших позиций. К утру разделятся на мелкие группы и в дальнейшем просочатся в горы.

– Хм... Убедительно. А сколько нужно времени, чтобы закрыть проход вдоль реки минными полями?

– Если пойдут сегодня в ночь, ничего сделать не успею. На установку обычных минных полей нужно время, а его не осталось.

– Ну и зачем тогда мы сотрясаем воздух? Ты предложить что-нибудь можешь?

Красин подошел к карте командующего.

– У меня есть одна задумка. Если Басаев пойдет вдоль реки, мы можем устроить ему мышеловку. Вот здесь, в районе моста, есть удобная излучина между нашими позициями. Узкое горлышко, через которое они вынуждены будут пройти. Когда их главные силы втянутся в это горлышко, мы можем перекрыть его в начале и в конце минными полями, установленными дистанционным способом. Закроем их в этой излучине. Боевикам придется либо прорываться через наши позиции, то есть атаковать по голой пойме господствующие высоты. Либо бежать по минному полю в степь. И если даже они захотят вернуться в город, то и в этом случае им придется возвращаться по минам.

Командующий обдумывал предложенный план недолго.

– Задумка хорошая. Если, конечно, они выберут именно этот путь.

– Выберут, товарищ командующий. Их разведка наверняка уже нашла эту лазейку. Они рассчитывают на темную ночь, а мы превратим ее в свою союзницу. И фактор внезапности должен сыграть свою роль.

– А если, как у нас это часто бывает, план не сработает. Ты представляешь, какие могут быть последствия? На этих минах могут подорваться наши же люди. Потом, если о дистанционном минировании узнают на Западе, поднимется такая вонь, что на нас с тобой отыграются все кому не лень.

– И все же это единственное, что мы можем успеть сделать. Иначе боевики организованно уйдут в горы, и нам придется гоняться за ними годы.

– Возможно ты прав, но рисковать я не могу. Тут два соображения. Если отдам приказ, об этом плане узнают многие и от твоей внезапности останется пшик. А потом, подписывая приказ, я нарушу международные договоренности, и политики нам снова могут помешать. Но тебе связывать руки не буду. Делай, как задумал. Я, как могу, тебя прикрою, но держи свой план в тайне. Ни один человек в штабе не должен знать об операции. Привлеки самых надежных людей, которым доверяешь, как себе. Я сейчас вызову командующего грозненской группировкой, организуешь с ним взаимодействие, чтобы в нужный момент осветили излучину и поддержали огнем. Но полностью в план операции не посвя-

щай и его. Все ясно?

– Так точно, товарищ командующий!

– Ну, с Богом, генерал. И помни, если все пройдет, как наметил, станешь героем. Победителей не судят. Если нет – останешься крайним и, самое малое, лишишься должности.

*

Генерал Красин выслушал доклад заместителя командира инженерно-саперной бригады и осмотрел строй минеров. Внезапно его взгляд наткнулся на сержанта. Генерал повернулся в сторону замкомбрига.

– Подполковник, я приказал привлечь к выполнению задания только старших офицеров и, как исключение, самых опытных саперов из числа командиров рот. Почему в строю сержант срочной службы?

Замкомбрига побледнел и принялся торопливо оправдываться.

– Товарищ генерал, у нас не хватает офицеров, которые работали с переносными комплектами минирования... А за этого сержанта я ручаюсь. Он знает комплект лучше, чем некоторые офицеры.

Красин подошел к сержанту.

– Кто его непосредственный командир?

– Я, старший лейтенант Марусев, – ответил стоявший рядом ротный.

– Что скажешь, старший лейтенант?

– Сержант Кузнецов не подведет, товарищ генерал. Опыт-

ный сапер, сын офицера инженерных войск.

Генерал внимательно всмотрелся в Димку.

– Как зовут твоего отца?

– Подполковник запаса Кузнецов Николай Федорович, товарищ генерал.

– Да... Мир тесен. Знаю твоего отца, воевали с ним в Афганистане. Боевой офицер... Где он сейчас?

– Живет в селе Большая Гора, – Димка назвал область и торопливо добавил. – Товарищ генерал, разрешите участвовать в выполнении задания, я не подведу!..

Красин пристально посмотрел в глаза юноши. Димка выдержал его взгляд и глаз не отвел.

– Ты действительно знаешь комплект дистанционного минирования?

– Так точно! Неоднократно работал с ним во время учений и на показательных занятиях. Правда, мины были учебные...

– Хорошо. Раз твои командиры в тебе так уверены, остаешься в строю. Но смотри, не подкачай. Мины на этот раз боевые, и пули у боевиков настоящие.

– Не подкачаю, товарищ генерал, – твердо заверил Димка, а в голове его застучало: "я докажу... я всем докажу!"

– Ладно, будешь писать письмо, передай от меня привет отцу.

– Обязательно передам, товарищ генерал... Спасибо, товарищ генерал, – уже совсем не по-военному ответил сержант.

А старший лейтенант Марусев стоял рядом и был собой доволен. Не зря он порекомендовал, а затем отстаивал перед комбригом кандидатуру сержанта Кузнецова. После того случая, когда их обстреляли чеченские пацаны, его лучший замкомвзвода совсем упал духом. И вот сейчас апатия у парня прошла, и в его глазах загорелся огонек.

*

Во второй половине ночи начался исход боевиков из Грозного. Оборонять город больше не было смысла. Главная цель, которую преследовал Запад, была достигнута. Россия предстала перед мировым сообществом агрессором против своего народа.

Не было и сил, способных и дальше оборонять столицу Чечни. Российская армия воевала активнее и грамотнее, чем в первую войну, и так зажала и обескровила окруженную группировку, что у обороняющихся оставалось только два выхода: либо сдаться, либо с боем прорываться из города.

Генерал Красин отслеживал обстановку с командно-наблюдательного пункта, оборудованного на высоте, господствовавшей над участком реки, которому суждено было стать "мышеловкой".

Генерал волновался. Он правильно разгадал план Басаева. Боевики "нашли" незакрытый проход вдоль Сунжи. Но как сложится бой и захлопнется ли капкан, одному Богу известно.

Чтобы обмануть федералов, боевики имитировали ата-

ку на другом направлении. Когда эта атака была отбита, и взбудораженные ночным боем войска начали успокаиваться, главные силы скрытно направились в восточном направлении. Басаев пошел в западню.

Наблюдательные посты докладывали о продвижении басаевской разведки, его главных сил и арьергарда. Когда разведка противника благополучно проскользнула мимо позиций федеральных войск и главные силы боевиков втянулись в "горловину", Красин подал условный сигнал мотострелкам. Те открыли отвлекающий минометный огонь, под шум которого минеры приступили к работе.

Первая группа забросала минами пойму и перекрыла боевикам выход в степь. Вторая заминировала коридор сразу после того, как по нему прошел арьергард, и отрезала боевиков от города.

Саперы минировали местность с помощью переносных комплектов дистанционного минирования. Комплект в виде трубы выстреливал кассету с минами. Кассета раскрывалась в воздухе и пластиковые мины, похожие на увеличенное семечко клена, подобно конфетти рассыпались по полю. Минирование было непродолжительным. Каждый из саперов произвел всего по два выстрела. Но площадь поля была относительно небольшой и плотность мин в "минном ковре" получилась высокой.

Бок о бок с лучшими офицерами инженерных войск "стрелял минами" и сержант Кузнецов, поставивший цель

доказать всем, что его минутная слабость в предыдущем бою была всего лишь досадной случайностью.

Минирование было успешно завершено, и генерал Красин отдал команду прекратить отвлекающий огонь. Боевики, залегшие и притаившиеся во время обстрела, ускоренным шагом двинулись вперед. Басаев посчитал этот обстрел случайным. Разведка доложила ему: впереди чисто, и до выхода из кольца федеральных войск оставались считанные сотни метров.

Для боевиков всё пошло прахом, когда идущие в авангарде бойцы начали подрываться на минах. Передняя часть колонны остановилась. Задние напирали. Никто ничего не мог понять. Откуда на их пути мины? Ведь совсем недавно здесь прошли разведчики.

В этот момент в воздух взлетели осветительные ракеты, и с позиций федералов по боевикам ударили пулеметы.

Началась паника. Кто-то упал на землю, кто-то побежал. Басаев мгновенно сообразил: его заманили в ловушку. Главваря охватила бессильная злоба. Он позволил обмануть себя, а расплачиваться за это должны воины, которые верили ему и шли за ним. Он понял, что погиб. Погиб, как командующий, погиб, как герой Чечни. Погибла вера в него, погиб его авторитет.

Осознание того, что его перехитрили, настолько разъярило командира, что он перестал соображать и контролировать бой. Не оценив обстановки, отдал приказ прорываться через

минное поле и первым побежал в сторону спасительной степи. За ним побежали его лучшие воины. Передние подрывались и падали. Задние, чтобы не подорваться, бежали по павшим. А пулеметы и автоматы федералов поливали свинцом эту бегущую толпу.

Басаев бежал впереди, увлекая на прорыв попавших в огневой мешок бойцов, пока и под его ногами не рванула мина. Ему разворотило ступню. Оставшиеся в живых гвардейцы подхватили командира и понесли на руках. Под их ногами тоже гремели взрывы, но вместо павшего тут же вставал другой, и бег продолжался. Они бежали колонной и подобно минному тралу проделывали собой проход, в который устремились оставшиеся в живых боевики. И так продолжалось, пока остатки группировки не вырвались в степь.

Они вынесли своего раненого командира, но свыше полутора тысяч боевиков остались лежать на берегу реки Сунжи, теряя кровь, застывая и умирая от ран.

Как и предполагало командование федеральных сил, остатки группировки рассредоточились и скрылись. Некоторым группам удалось добраться до гор. Остальные были настолько деморализованы, что прекратили сопротивление и попрятались.

Таков был конец басаевской группировки, так упорно длительное время оборонявшей Грозный.

Глава 5

Приказ очистить поле от убитых боевиков и невзорвавшихся мин поступил только на четвертый день. К этому времени в минах должны были сработать самоликвидаторы. Но это в теории. На практике, как всегда, все оказалось сложнее. Задача осложнялась тем, что невзорвавшиеся мины было сложно найти. Поле перемешали взрывы, и обнаружить в этом месиве маленькую мину было непросто. Индукционные миноискатели для поиска пластиковых мин не годились, а загнать танки с тралами не позволяла местность.

В полном соответствии с негласным армейским законом: кто заварил кашу, тот ее и расхлебывает – эту непростую и опасную работу поручили тем, кто и устанавливал минное поле. Но едва батальон Смирнова приступил к выполнению боевой задачи, как на mine подорвался сержант срочной службы.

Генерал Красин приказал приостановить разминирование и поехал к командующему. Командующий принял решение: оградить поле, выставить охрану и отложить разминирование до лучших времен.

Подорвавшимся на mine сержантом оказался не кто иной, как Димкин друг Толик Кашин. Толик остался жив, но ступню его правой ноги раздробило полностью.

Димка прибежал, когда Толику уже оказали первую по-

мощь. Болевой шок у него сняли, и паренек был в сознании. Увидев друга, Толик, преодолевая боль, попытался улыбнуться.

– Все, Кузнец, я отвоевал... Говорят: жить буду, только без своей родной ноги...

Димка во все глаза смотрел на искаженное болью лицо товарища, и жалость сжимала ему сердце. Он обхватил руку Толика и торопливо и неумело принялся оказывать ему моральную поддержку.

– Толик, ты, главное, не паникуй. Важно, что остался жив. А нога?.. Тысячи людей живут с протезами и ничего... Вспомни летчика Маресьева. Главное, быстрее поправляйся.

Толик слушал друга, и по лицу его потекли слезы. Он начал всхлипывать и, в конце концов, заплакал, как маленький ребенок.

– Нет, Димка, ты же знаешь, все не так... Инвалиды сейчас никому не нужны. Ни одна девчонка не захочет стать женой инвалида..., а работу и здоровые найти не могут. Лучше бы я подорвался сразу насмерть...

– А я говорю, держись, не сдавайся! От тебя самого все зависит! От иных инвалидов в десять раз больше толку, чем от некоторых здоровых...

Толик притих. Молча слушал товарища, а слезы из его глаз продолжали течь. Когда Димка выговорился, он пересилил очередной приступ боли и произнес совсем тихо и обреченно:

– Дурак я был..., а ты был прав. Война никому не приносит радости. От нее только смерть и горе...

Их прощание прервал подошедший военврач. Он увидел заплаканное лицо раненого и хрипловатым баритоном отсчитал его.

– Ну, что распустил нюни, защитник Родины? Жить надо вопреки всем обстоятельствам, а не слезы лить! Некоторые мужики не из таких передраг вылезали...

Толика увезли в Моздок. В душе у Димки образовалась пустота. Не было отныне рядом простого и доброго, сыпавшего незатейливыми пословицами и поговорками друга. Единственного из товарищей, кому мог довериться он в самом сокровенном.

*

После взятия Грозного в федеральной группировке войск произошли изменения. Какие-то части остались в составе войск гарнизона. Они, совместно с войсками МВД, участвовали в "зачистках" и ликвидации последствий боевых действий. Ведь на то же самое разминирование и очистку местности от невзорвавшихся боеприпасов требовалось немало сил и времени.

Наиболее мобильные части были нацелены на юг для поиска и уничтожения бежавших от федералов отрядов. Войска, скрежеща гусеницами и взрывая ревущими от натуги двигателями первозданную тишину, поползли в горы. Вместе с ними двигался на юг и саперный батальон подполков-

ника Смирнова.

Батальон был теперь в числе особо отличившихся. Тот ночной бой, в котором главную роль сыграли офицеры инженерных войск, командование представило как детально разработанную штабом федеральных войск операцию. Поэтому в списках награжденных оказались многие. От командующего до непосредственных участников боя. Не обошли и саперов. Всех участников ночного минирования представили к правительственным наградам. Ушло представление к награждению орденом и на сержанта Кузнецова Дмитрия Николаевича.

Но все это уже кануло в лету. Впереди саперов ждали новые стычки с боевиками в горах, где тактика партизанской войны противника имела, по сравнению с равниной, немалые преимущества.

Войска двигались медленно. Подолгу стояли. Во время одной из таких остановок произошла неожиданная встреча. Обгоняя саперный батальон, шла воздушно-десантная часть. Где-то впереди возник затор, и колонна десантников остановилась.

– Кузнецов?! Здорово, земляк! – вдруг услышал Димка знакомый голос.

Он оглянулся на крик и едва узнал в подбежавшем к нему рослом десантнике своего односельчанина Костю Ясноглазова. На удивленном лице Кости сияла радостная и искренняя улыбка. Он подбежал, широко раскинул руки и обнял

Димку, как обнимают самых близких и родных людей.

– Вот не думал, что встречу тебя на войне! Ну, как воюется? В каких войсках служишь?

Димка был ошарашен неожиданной встречей, но недоверие, с которым он встретил своего бывшего соперника, после объятий как-то само собой растаяло. И он, волнуясь, и немного невпопад, принялся отвечать на заданные вопросы.

– Здорово, Костя! Я тоже никак не ожидал тебя встретить. Служу сапером. Вот ползем в горы добивать Хаттаба...

Костя, явно рисуясь перед наблюдавшими за встречей саперами и десантниками, снисходительно похлопал Димку по плечу.

– Молодец! По стопам отца пошел. На войне без саперов никуда. У нас тоже ваши коллеги есть.

Димка, чтобы выдержать марку, нацепил на лицо усмешку и заговорил в предложенном Костей тоне.

– А ты тоже не промах. Последний раз я видел тебя сержантом, а сейчас ты уже прапорщик. Растешь, как на дрожжах...

– Да. Решил остаться в кадрах. Буду служить, пока ноги носят. А как у тебя дела с Маринкой?

Димка отвел глаза. Костя заметил это и хохотнул.

– Да ты не бойсь... Я теперь тебе не соперник. Меня одна псковитянка так зацепила, что о других я и думать забыл. Приеду с войны, сразу женюсь. Приезжай на свадьбу.

– Если сообщишь, приеду. А с Маринкой у меня все нор-

мально. Может быть, приедем вместе.

В это время колонна десантников тронулась.

– Ну, ладно. Надеюсь, встретимся. Давай, земляк, – Костя снова обнял Димку. – Главное, желаю остаться в живых.

– Тебе того же. Мы идем за вами. Встретимся еще не раз.

Костя вскочил на броню и уже на ходу прокричал:

– Мы в горы, добивать "душманов"! Добьем, будь уверен!
Видел моих орлов?! Запомни, о шестой роте ты еще услышишь!

Десантники на фоне мотострелков и саперов и в самом деле смотрелись орлами. Рослые, крепкие русские парни. Именно с такими Суворов когда-то шел десятью тысячами против сотысячного турецкого войска и побеждал.

Ни Димка, ни Костя не могли знать, что эта их встреча окажется последней. Во время одного из эпизодов войны Хаттаб будет выводить из-под удара федеральных сил трехтысячный отряд боевиков. Отряд пойдет по "выкупленному" у "московских кардиналов" проходу.

Шестая рота, ничего не знавшая о предательстве "верхов", преградит путь этому отряду. Девятнадцать часов будет длиться неравный бой. И в течение девятнадцати часов на помощь роте так никто и не придет. Из девятиста десантников в живых останется только шестеро. Вся страна узнает о преданной "неизвестно кем" шестой роте. И сильно поредевший отряд Хаттаба уйдет-таки через этот "выкупленный" проход.

А молодые, крепкие парни, цвет русской нации, уйдут в безвременье, не оставив после себя потомков. Уйдет вместе с ними и простой паренек из села Большая Гора, только-только нашедший свое место в жизни и свою настоящую любовь, Костя Ясноглазов, прозванный в родном селе "Костей-шлягером".

*

Салман Ходжаев, полевой командир изрядно потрепанного в последних стычках отряда, спешил. Его бойцы валились с ног, а он все торопил и торопил, не давая возможности отдохнуть на привалах лишние пять минут. Как старый стреляный волк, чувствующий приближение охотников всем существом своим, всей шкурой, он понимал: спасение только в этом быстром марше по уже покрытым зеленкой горам. Тем более цель, к которой стремился отряд, близка. Оставалось совсем немного до заветного перевала. Его, во чтобы-то ни стало, нужно перемахнуть на заходе солнца, уйти в густой лес на северном склоне и под покровом ночи оторваться от преследователей.

Федералы, пытаясь отрезать их от границы, обложили долину со всех сторон. Перекрыли все дороги, и даже козьи тропки. По следу отряда, как гончие псы, шли спецназовцы. Эти шакалы ждали, что его отряд полезет напролом через их заслоны и заставы к границе. А он обхитрил их. Сбил гончих со следа и повернул туда, где его меньше всего ждали. На север, в тыл их группировке. Все главные силы неверных

сейчас здесь, в долине. В тылу одни блокпосты. И там есть совсем глухие места, где войск нет вообще. Вот туда и стремится его отряд, чтобы отдохнуть, пополнить вооружение и снова атаковать захватчиков, пока чеченская земля не загорит у них под ногами.

Салмана переполняла злорадство. Он знал историю своего народа. Едва ли не со времен Тамерлана его народ жил за счет набегов на равнинные территории. С самых давних времен эти неверные были рабами воинов Ислама.

И вот в начале девятнадцатого века рабы решили покорить его гордый, воинственный народ. Русский царь пришел на Кавказ с войной. Народы Кавказа объявили неверным священную войну – Газават. Война длилась более сорока пяти лет и заглохла только после пленения имама Шамиля. Неверные присоединили к своему царству Кавказ, но не сломили гордый дух воинов-джигитов. Русская армия потеряла тогда двадцать пять тысяч убитыми, а сто двадцать тысяч их умерло от ран и болезней.

Свободолюбивый дух его народа не смогли сломить ни жестокость царских жандармов, ни дружба народов, провозглашенная во времена СССР. Хотя на первых порах горцы положительно восприняли Советскую власть. Но обида, нанесенная в годы Отечественной войны, вновь зажгла ненависть к неверным. Ну и что, что некоторые встречали немцев как освободителей? Вся Европа встречала Гитлера с цветами, но ведь за это ни один европейский народ не репрессировали.

А чеченцев отправили из родных мест в ссылку. Такая обида не забывается. И потому, как только в империи неверных начался бардак и хаос, его народ поднялся на священную войну – Джихад. Не может свободный джигит подчиняться неверным.

Русские были рабами и будут ими всегда. Этот народ слишком мягкий и слабый, чтобы быть хозяином. Настоящий воин никогда не станет проявлять по отношению к врагу доброту. Он обязан истреблять врага. Будь на месте русских англичане или турки, они давно бы вырезали малочисленных горцев подчистую. Как это сделали с индейцами в Америке. А эти воюют с милосердием. Ну, какие они воины? Все их преимущество в том, что расплодилось, как саранча. Так они и это преимущество не могут использовать. Салман знает, что творится в самой России. Неверные уничтожают друг друга. Их власть уничтожает свой собственный народ. Они сами признают, что вымирают. И вымрут, придет время.

Нет, русские плохие воины. Хотя по части вооружения они много чего напридумывали. Тут у них есть чему поучиться. Тем более во времена безбожной власти эти придурки бесплатно учили горцев. Сами жили в нищете, а малым народам предоставляли преимущества.

В восьмидесятых Салман тоже поступил в военное училище. Его приняли даже с двойкой за сочинение. Но выучиться на офицера не удалось. Во время увольнения в город какой-то студент обозвал его "чуркой в погонах". Салман, как и

положено мужчине, наказал обидчика. Три месяца тот провалялся в больнице. Салмана не судили, но из училища отчислили. Ему припомнили все. И драку с сержантом, который заставлял его есть свиное сало. И нож (что за джигит без ножа?), который нашли в его тумбочке.

Если бы не тот случай, Салман был бы сейчас не командиром полевого отряда, а большим начальником. Как генерал Дудаев или полковник Масхадов.

Но он, Салман, свое слово еще скажет. Русские не воины. Имея такое превосходство, они давно могли, как американцы, сравнять с землей все города и аулы Чечни. Но эти слюнтяи проявляют милосердие и гуманность на войне... За что и гибнут тысячами. И по-прежнему не понимают: пока жив хоть один чеченец, войну им не выиграть.

Так будет и сейчас. Отряд Салмана вырвется из окружения. Осталось пройти совсем немного. Разведчики доложили: дорогу, идущую через перевал, прикрывает застава из девяти человек с одним БТРом. Отряд сметет этот заслон и уйдет за перевал. А там они снова будут мстить..., мстить..., мстить...

Салмана Ходжаева распирала злоба. После войны, в девяносто четвертом, все складывалось как нельзя лучше. Появилась надежда на то, что Чечня станет самостоятельной республикой. В аулах появились рабы из числа неверных. И вдруг русские пришли снова. И теперь, как затравленного зверя, гоняют его по родным горам.

Так же, как командир, были измучены и до предела озлоблены бойцы отряда. Эта злоба искала выход. Она была нацелена на девятерых бойцов Российской армии, которым поручили охранять эту тыловую дорогу, ведущую через невысокий перевал в северную часть Чечни.

*

Уже почти неделю Димка и сапёр из его взвода рядовой Вася Азанов "загорали" с отделением мотострелков на безымянном перевале.

Их группа из девяти человек именовалась заслоном. Задача: не пропускать через перевал мелкие группы боевиков и тщательно проверять местных жителей, следующих по дороге, ведущей в небольшой горный аул. Саперов мотострелкам придали на усиление, для помощи в инженерном оборудовании позиции и установки перед позицией инженерных заграждений.

Мотострелки встретили их с некоторым высокомерием, но за неделю, проведенную вместе, все перезнакомились и сдружились. В полевых условиях человек познается быстро. Спустя всего пять дней Димке уже казалось: он знает этих ребят не первый год. Теперь каждому из них он мог дать почти безошибочную характеристику.

Командир заслона лейтенант Новиков. Простой, довольно посредственный парень, год назад на троечки окончивший военное училище. Несмотря на учебу в ВУЗе, как многие современные пацаны, легкомысленный и малоинициа-

тивный. Боевого опыта почти нет. Его и направили на этот перевал, расположенный в стороне от главных путей, потому, что бандформирований в этом районе попросту не было.

Димка, как мог, пытался расшевелить лейтенанта. Пробовал доказать, что нужно отрыть для БТРа окоп. Новиков согласился, но когда начали ковырять каменистый грунт, оказалось тяжело, и лейтенант махнул рукой: "Так сойдет". На Димкино предложение разрыхлить грунт взрывчаткой тоже отмахнулся: "Оставь взрывчатку для боевиков". Единственное, на что его хватило, заставил подчиненных отрыть окопы для стрельбы лежа. Хорошо, хоть при установке мин не стал связывать Димкину инициативу. Было видно: он в этом деле профан и, как многие несведущие люди, побаивался иметь дело с минами.

Разными и по характеру и по районам, из которых призывались, были и бойцы отделения.

Командир отделения Веня Звягинцев из Мурома, имел прозвище "Компьютерный гений". О чем бы он ни говорил, в конце обязательно переключался на компьютер и Интернет. Надо отдать должное, равных в отделении ему не было. Потому он работал и за командира отделения, и за пулеметчика, и за радиста.

Стрелок-наводчик Паша Бондаренко из Воронежа. Старательный, исполнительный хлопец с подхалимскими замашками. Он даже разговаривал то и дело заглядывая собеседнику в глаза, как бы пытаясь угадать, доволен тот его отве-

том или нет.

Механик-водитель Миша Гвоздев. Тихий, спокойный парень из сибирской деревни, по уши влюбленный в свой БТР. Любовь к технике ему привили дед и отец – сельские механизаторы.

Гранатометчик Федя Чернов с Урала. Хвастун и ухарь, прожужжавший всем уши о своих победах над представительницами слабого пола. Про таких с иронией говорят: "все знает, везде побывал". На деле – посредственный парень с обычными способностями и навыками.

Ваня Стародубцев, синеглазый блондин из Брянской области, заядлый рыбак и мотоциклист. Вот такие действительно нравятся девчонкам, причем сами не прилагают для этого никаких усилий.

И, наконец, Митя Федоров, который с первого знакомства пришелся Димке по душе. Стеснительный, умный паренек из Самары. Перворазрядник по шахматам. Неизменный участник и призер школьных олимпиад областного и даже всероссийского масштаба.

У ребят, так же как и у их командира, боевого опыта не было. Война для них прошла почти без стычек с противником. Они сопровождали колонны да несли дежурство в караулах и боевом охранении.

Димкин помощник Вася Азанов ангелом тоже не был. Флегматичный, туповатый, любитель подольше поспать и побольше поесть, Вася с самого младого возраста на сто де-

сять процентов уверовал: любая инициатива наказуема. Он мог работать вполне сносно, но секрет его трудолюбия был прост. Вася выполнял любую работу лишь с одной целью: как можно быстрее эту работу спихнуть. Черта для сапера, где аккуратность играет наиважнейшую роль, довольно скверная.

Тем не менее, они практически вдвоем "оградили" их заставу минно-взрывными заграждениями.

Место для заставы было выбрано очень удобное. Единственная дорога здесь поднималась по узкому, около сотни метров шириной, косогору, справа и слева от которого глубокие ямы с обрывистыми труднопреодолимыми склонами. Наверху, где косогор заканчивался, дорога выравнивалась и почти горизонтально тянулась между двух поросших кустарником холмов, после чего ныряла вниз и по заросшему густым лесом северному склону уходила в соседнюю долину.

В том месте, где косогор упирался в холмы, образовалась небольшая естественная площадка. На ней и оборудовала свою позицию застава. Дорога и косогор были как на ладони, и полностью простреливались. Атаковать заставу можно было только в лоб. Пойти в обход через ямы и почти отвесные склоны холмов мог только сумасшедший.

В первый же день Димка обдумал, как прикрыть позицию минами. Он доложил свой план лейтенанту. Новиков вник только в общий замысел и дал саперу полную волю: "Делай, как знаешь, смотри только, чтобы свои не подорвались".

Вдвоем с Васей они принялись за работу. Никто их не торопил, потому делали все не спеша и капитально. Васины попытки поскорее свалить работу, Димка пресек в корне, и тот хоть и ворчал, но дело делал. Они закопали мины в грунт, тщательно замаскировали растяжки и провода управления, и получилось неплохо.

Поначалу Димка расстроился. Ему совсем не выдали противопехотных фугасных мин. В их распоряжении оказались только мины ОЗМ-72 и МОН-50. Осколочная заградительная мина ОЗМ-72 всем хороша. Выпрыгивающая, в ней большое количество поражающих элементов, но ставилась только на проволочные растяжки, которые легко было сдернуть кошкой или просто обезвредить, сняв взрыватель. Но зато с избытком дали мин МОН-50 с кучей проводов. Их можно устанавливать и с проволочными растяжками, и в управляемом варианте. Мина направленного действия. При срабатывании находящиеся внутри мины убойные элементы разлетаются сектором, поражая атаковую пехоту. Димка установил эти мины в управляемом варианте. Времени для того, чтобы растянуть кабеля управления и замаскировать их, было достаточно. Тем более лейтенант для выполнения этой безобидной работы выделил двух помощников.

К исходу третьих суток работа была закончена. Саперы установили на косогоре три пояса мин.

Первый, у самого основания косогора, из выпрыгивающих мин ОЗМ-72.

На середине в шахматном порядке поставили МОН-50 в управляемом варианте.

Третий пояс из этих же мин поставили непосредственно вокруг позиции. Правда, Новиков сначала запротестовал: "На фига нам тут мины? Самих себя что ли подрывать?" Димка разъяснил свою задумку. На случай, если боевики прорвутся и доберутся до позиции, можно будет отступить в кустарник позади площадки и оттуда подорвать мины. Лейтенант нехотя согласился. Было видно: всю эту "возню" саперов он всерьез не воспринимал.

Димка с Васей отрыли на глубину полутора метров два окопа (подрывные станции). Один на позиции, другой в кустах позади заставы, и затащили в эти окопы все кабели управления.

Мотострелки хоть и помогали им, но посмеивались над "пластмассовыми игрушками" саперов. У них, в отличие от этих "землепашцев", в руках было настоящее оружие: пушка, пулеметы, гранатомет и безотказные в бою Калашаи.

Застава успела подготовиться к встрече с противником, но никто из бойцов, кроме, пожалуй, Димки, всерьез не верил в то, что боевики здесь могут объявиться. Появление большого отряда Салмана Ходжаева оказалось для них неожиданным. И потому реальный бой пошел не так, как они его себе представляли.

*

Первым противника увидел наблюдатель Ваня Стародуб-

цев.

Близился вечер. Бойцы во главе с лейтенантом, усевшись в кружок, ужинали. Только Ваня, с тоской вдыхая запах разогретой тушенки, наблюдал, как было приказано, за окрестностями.

Он обратил внимание на взволновавшихся птиц и вдруг увидел перебегающих от куста к кусту людей. Ваня сполз в окопчик и с паническими нотками в голосе, но негромко, словно боясь, что его услышат внизу, прошипел:

– Товарищ лейтенант! Там внизу к нам подбираются боевики...

Новиков схватил бинокль, подбежал к Стародубцеву и залег рядом

– Где? Покажи!

– Там, – Ваня ткнул пальцем, – они прячутся в кустах и бегут перебежками...

Новиков навел бинокль к подножью склона.

– Ё...моё! Точно боевики...

Он перевел бинокль в даль, некоторое время осматривал практически безлесные подступы к перевалу и грубо ругнулся.

– Мать твою... Их там целый отряд...

Он повернулся к насторожившимся солдатам и негромко отдал распоряжение:

– Кончай жрать! Быстро все по своим местам и замерли. Без моей команды не стрелять! Звягинцев, включай рацию.

Все разбежались по позиции. Звягинцев, Бондаренко и Гвоздев залезли в БТР. Димка нырнул в свой окоп и почти шепотом спросил снова приникшего к биноклю лейтенанта.

– Что там, товарищ лейтенант?

– Что, что... боевики. Целый отряд. На каждого из нас человек по десять...

Из БТРа раздался голос сержанта Звягинцева.

– Товарищ лейтенант, главный на связи. Что доложить?

– Доложи, на нас идет отряд боевиков до сотни человек.

Принимаем бой..., просим нас поддержать.

Его слова услышали все. Бойцов охватило предбоевое возбуждение. Лейтенант лихорадочно соображал, что еще надо сделать и, в конце-концов, продублировал первую команду.

– Сидеть всем тихо. Без моей команды не стрелять!

Боевики наступать не спешили. Их авангард медленно накапливался у подножья склона. Наконец они подготовились к атаке и без выстрелов, короткими перебежками, устремились вверх по склону.

На смену возбуждению к бойцам пришла боевая злоба, без которой победу в бою одержать невозможно. Лейтенант скомандовал:

– Огонь!

Застава дружно открыла стрельбу. Огонь был плотным, наступавшие понесли первые потери и залегли. Однако пушка и станковый пулемет БТРа стреляли недолго. Со сторо-

ны правой и левой ям, незаметно подобравшиеся боевики почти одновременно ударили по БТРу из гранатометов. Основная ударная сила заставы перестала существовать. Звягинцев, Бондаренко и Гвоздев погибли в "броню". Остальные лежали, оглушенные взрывами.

Боевики, воодушевленные хорошей работе своих гранатометчиков, смело пошли на приступ.

– Огонь! – снова закричал лейтенант и первым принялся палить по наступающим короткими очередями. Еще не отошедшие после взрывов гранат бойцы нестройно поддержали его, но почти сразу же раздался крик.

– Ваньку убили!

Новиков подскочил к Стародубцеву. Прямое попадание пули в лицо.

– Не высовываться, снайперы лупят! – крикнул он и плюхнулся на землю, едва не поймав взвизгнувшую от рикошета о камень пулю.

В это время внизу грянул долгожданный для Димки взрыв. Взорвалась одна из выпрыгивающих мин. Боевики снова понесли потери. С их стороны слышались крики и стоны.

– Ага! Не понравился наш сюрприз! – крикнул в азарте боя Вася Азанов. – То ли еще будет! Он погрозил противнику кулаком и тут же свалился от пули снайпера.

– Я сказал не высовываться!!! – с истеричными нотками заорал лейтенант. Так они на хрен нас всех перещелкают!!!

Бойцы залегли в окопы. Наступило небольшое затишье, которое закончилось грохнувшими один за другим взрывами. Боевики, как и предполагал Димка, протралили фронт наступления кошками и мины взорвались, не причинив им вреда.

После этого боевики снова перебежками пошли в атаку. Застава открыла огонь. Теперь в сторону противника стреляли только четверо. Оставшиеся в живых стреляли более грамотно и заставили наступающих снова залечь. Но и земля матушка не всегда может спасти. Кто-то из атакующих выстрелил из подствольного гранатомета, в результате замолк автомат Мити Федорова и получил серьезное ранение лейтенант Новиков.

Боевики снова поднялись и, не встречая сопротивления, пошли смелее. Димка дал длинную очередь. У Феде Чернова сдали нервы. Он вскочил и с криком: "А-а-а... гады! Получайте!" – лупанул по нападавшим из гранатомета.

Взрыв противотанковой гранаты не остановил наступающих, а Федя схватил сразу несколько смертельных пуль.

Только Димка, стрелявший из своего отрытого в полный профиль окопа, оставался пока относительно невредимым. Относительно, потому что по его левому плечу все же чиркнула пуля.

– Кузнец, давай, твоя очередь! – крикнул ему лейтенант.

Димка и сам видел: боевики выбежали на линию управляемых мин и, не встречая ответного огня, бежали в полный

рост. Он еще до боя подсоединил кабеля управления к подрывной машинке и, преодолевая боль в плече, нажал кнопку.

По всей ширине косогора грохнули взрывы. Тысячи заложённых в мины поражающих элементов полетели вниз по косогору, превращая на своем пути все живое в трупы.

Вот этого "воины аллаха" никак не ожидали. Казалось бы, уже смятая застава русских нанесла такой удар, в результате которого авангард отряда перестал существовать. Раненых среди атакующих не было. Бой прекратился. Боевики оценивали произошедшее. К подножью склона подтягивались остатки отряда во главе с полевым командиром.

Пользуясь затишьем, Димка подхватил раненого лейтенанта и потащил его к окопу, замаскированному в кустах. Новиков был в сознании, но у него сильно кровоточила рана, и силы с каждой секундой покидали его. Он понимал, что долго не протянет, и отдал последнее распоряжение больше похожее на просьбу.

– Кузнецов, не спеши подрывать позицию... может, они не заметят... Если останешься жив, напиши маме... – еле слышно проговорил он и потерял сознание.

Димка сползал на позицию, нашел аптечку и, как мог, перевязал лейтенанта. Боевики между тем отошли от шока. Новые разведчики с опаской пошли к позиции мотострелков. Из укрытия в кустах Димка видел, как они вышли на площадку. Как обследовали его убитых товарищей. Видел, как внезапно застонал Митя Федоров, и бородатый детина

с яростной злобой всадил в раненого пять пуль. Видел, как на позицию пришли еще несколько боевиков и принялись собирать оружие и мародерствовать. Заметил, как один из мародеров увидел плохо замаскированную мину и провод, идущий от нее. Он что-то крикнул на своем языке и двинулся в сторону Димки. Димка всем существом своим осознал: в плен его брать не будут. Его ждет только смерть. Он нажал кнопку подрывной машинки.

Этот мощный одновременный взрыв всех оставшихся мин, так же как и первый, был беспощаден ко всему живому. Он похоронил вторую группу боевиков, но Димка этого уже не увидел. Один из осколков взрыв послал и своему создателю.

*

Салману Ходжаеву доложили: русские подорвали себя вместе с разведчиками отряда. Негодовать, осмысливать произошедшее, искать виновных было некогда. Смять сходу не умеющих воевать неверных не получилось.

Какой-то жалкий заслон из девяти русских мальчишек убавил его отряд наполовину. Погибли опытные, проверенные в боях бойцы. Те, что прошли с ним все круги ада. А у него нет даже возможности по-человечески их похоронить. Раненых и тех придется бросить. Конечно, раненые не пропадут. Русские, с их милосердием, окажут им помощь, вылечат. Но все равно, нехорошо оставлять друзей врагу.

Федералы не оставляют ему выбора. Внизу, со стороны

долины, движется колонна их войск. (Лицо Салмана исказила злобная усмешка). Это движется вызванная заставой русских помощь. На горизонте вот-вот замаячат вызванные для поддержки "вертушки".

Нужно срочно уходить с этого узкого и несчастливого для отряда места. Снова бежать, бросив убитых и раненых, чтобы не погубить оставшихся.

Но ничего... Придет время, он отомстит за все...

Салман подал команду, и его сильно поредевший отряд ускоренным шагом зашпешил через узкий проход к заветному лесу.

А о героизме не умевших воевать мальчишек, по сути повторивших подвиг шестой гвардейской десантной роты, страна не узнает. Узнают об этом только их родные во время торжественных, с приглашением духового оркестра, похорон. Их могилы да еще посмертно выданные медали будут напоминать родным о том, что эти ребята закончили свой жизненный путь на безымянном перевале, полностью и до конца выполнив долг солдата.

Для тех же, кто организовал им эту войну, они были и останутся всего лишь "пушечным мясом".

*

Николай Федорович в самый разгар лета затосковал. Ему удалось за короткий срок создать приличную пасеку, и работы было невпроворот. Пик сезона, который кормит и пчел, и пчеловода. Работа пасечника не терпит отлагательств, вы-

ходных и праздников. И он, не взирая на трудности, добросовестно ее выполнял. Благоприятствовала в этом деле и погода. Лето стояло теплое с кратковременными грибными дождиками. Пчелы хорошо развивались. Медоносы пышно цвели и выделяли нектар. Одним словом, сезон обещал быть удачным.

А в душе пчеловода – тоска и неопределенность. Причина, та же, что и у большинства родителей – дети.

Нет, за старших он был спокоен. Дочь живет хоть и небогато, но счастливо. Муж у нее – мужик стоящий. Видно, что любят друг друга. Светлана родила второго ребенка. Обещает, как немного подрастет младший, привезти внучат для знакомства с дедом и бабушкой.

У старшего сына тоже все в порядке. Хоть и служит на Дальнем востоке в порядочной дыре, но по службе продвигается. Уже получил капитана и назначен на майорскую должность. Единственное, что тревожит, до сих пор не женился. Нет там, в их медвежьем углу, невест. И потому есть опасение, как бы он в этом отдаленном гарнизоне не начал попивать. Но это всего лишь опасение, а вот с младшим дело плохо. Из части, где воевал Димка, пришло известие: пропал без вести. Эта новость ударила, как обухом по голове. Особенно сникла Катя. Мать есть мать. Он не раз пытался ей доказать: пропал без вести – еще не значит погиб. Погибшие боевикам не нужны. Их находят быстро. Скорее всего, Димка в плену. А в этом случае есть надежда. Она все это выслушивает, со-

глашается, а по ночам плачет.

Они никому, даже Ерохиным, не рассказали о своем горе. Боятся: друзья и знакомые начнут преждевременно хоронить сына. Гонят прочь горестные мысли и надеются на лучшее. Но жить в такой неопределенности тяжело.

Хотя, если судить по большому счету, в такой атмосфере живет не только их переживающая за сына семья. Вся страна, кроме верхнего эшелона, живет в тревоге и ожидании нехороших вестей.

Только те, кто "наверху", этого не видят, или, скорее всего, делают вид, что не видят. Идет война, а "верхи" с утра до вечера демонстрируют "улучшение жизни" в стране и "довольство" народа этой жизнью... На телевидении круглые сутки прокатывают разлагающие народ американские боевики да развлекательные шоу с участием лицедеев, по высочайшему недоразумению причисливших себя к элите общества.

Впрочем, эстафету создания мерзопакостных сериалов подхватили и доморощенные киношники. Они в погоне за деньгами кое в чем уже превзошли американских учителей. В каждом фильме герой либо бандит, уничтожающий людей, либо мент, борющийся с бандитами их же кровожадными методами.

А в реальной жизни от настоящих бандитов тысячами гибнут честные люди. Мораторий на смертную казнь привел к парадоксу. Человеку-хищнику позволительно уничтожать людей-созидателей, а самого хищника истреблять ан-

тигуманно. Его можно лишь изолировать и кормить за счет тех, кого он не успел истребить. Это тот самый пример искусственного нарушения равновесия в природе. И создали его те, кто правит сегодня обществом.

Потому так много расплодилось человеческих паразитов и хищников и так нагло и безнаказанно они действуют.

А все это ведет к одному. В обществе назревает огромное противоречие между довольными жизнью "верхами" и недовольными своим существованием "низами". И это противоречие подавляет прогрессивное движение нации. Нация деградирует по всем направлениям. Люди, стараясь приспособиться к искусственно искаженной действительности, лавируют, меняют истинные взгляды и ценности на ложные, подстраиваются под власть имущих, перенимая от них безнравственность и аморальность. Перестают анализировать прошлое и думать о будущем, живут одним днем. А какое, скажите, может быть будущее у общества, члены которого живут одним днем?

Потому так тревожно сегодня родителям и за детей, и за внуков. У каждого поколения своя программа. Так устроено в природе. У тех же пчел есть поколение, которое живет всего месяц. Этот месяц оно активно работает на воле и за это короткое время обеспечивает семью пропитанием на весь год. А есть зимнее поколение. Эти видят яркий земной мир только во время своего первого облета. Потом всю зиму выживают в улье (в дупле), чтобы поближе к весне вырастить

новое поколение и умереть.

Так и у людей. Есть поколения с относительно благополучной жизнью. Они создают, строят. Есть поколения, которые воюют с человеческими хищниками и паразитами, защищая созданное. А есть поколения, задача которых – выжить во время массивной атаки сил зла и вырастить смену. И только эта смена сделает очередной шаг по пути к прогрессу. Похоже, поколение их детей, прозванное "поколением пепси", будет вынуждено именно выживать. Выживут из них самые стойкие. Остальные погибнут во время войн, разврата и внутреннего разложения страны. За этих ребят страшно. У любого нормального человека за них болит душа. И уж совсем невоготу, если в эти жернова вымирания нации попадает твой родной ребенок.

Эх, Димка, Димка... Что же ты молчишь, сын? Отзовись... Дай знать о себе, если ты еще жив...

*

Маринка Серова тоже жила в тревоге. Она не получала от Димки вестей с самой весны. Из теленовостей она узнала о взятии Грозного. О том, что война переключалась в горы и боевиков-террористов там вот-вот "переловят". А Димка замолчал. Зимой он изредка присылал короткие письма или открытки. Последнюю получила в марте. Ни о какой размолвке не могло быть речи. Писал: все хорошо. Встретил земляка Костю Ясноглазова. Расстались друзьями. Костя пригласил его после войны на свадьбу. И вдруг весточки

приходить перестали. Марина пыталась что-нибудь узнать через Витьку. Витька сообщил: Димкины родители о сыне ничего не знают. Он не пишет и им.

Маринка гадала: что такое могло с ним произойти, о чем не знают даже родители? Гнала прочь мысль о его гибели. В этом случае родителей бы уж точно известили. Если ранен, сообщили бы из госпиталя. Выполняет секретное спецзадание? Глупость. Он же не чекист. Какое может быть у сапера спецзадание? Даже если пропал без вести или попал в плен, то и тогда родителей должны были поставить в известность.

Всю весну Маринка провела в ожидании. Огромный, равнодушный к чужому горю мегаполис стал совсем чужим. В этом заполненном миллионами людей муравейнике не было ни единого человека, с которым она могла бы поделиться своей тревогой, кто мог посочувствовать ей.

Даже с отцом и матерью не могла она на эту тему говорить. Они оба настроены против ее дружбы с Димкой. Поэтому сразу, как только сдала сессию, она уехала в село. Тут были понимающие ее дед и бабушка. Приехали на каникулы Витька со Светой. Тут она надеялась хоть что-то узнать.

Она не обманулась в ожиданиях. Бабушка с дедом встретили ее хорошо. Искренне рады были ей и Витька со Светой. У этой счастливой парочки все было по правилам, все по-людски. Они любили друг друга и не мыслили жизни один без другого. Ближе к осени собирались сыграть свадьбу. Получили на это полное одобрение родителей как с той, так и с

другой стороны. И совсем неважно, что закончили всего два курса академии. Вдвоем преодолеют любые трудности.

Маринка завидовала им белой завистью. Ну, почему не складывается у нее? Почему к счастью ей приходится идти через трудности и страдания? Сначала так сложно начиналось все с Димкой. Потом заерепенились родители: "жених не из нашего круга". Теперь вообще полная неизвестность. Хотя пожалеть себя, любимую, можно будет после. Сейчас главное, чтобы ее Димка остался жив. Костю Ясноглазова уже привезли в цинке. Ей очень жаль этого парня. Когда-то, почти три года назад, он был влюблен в нее. Костя тоже строил планы. Познакомился с хорошей девчонкой. Собирался после войны жениться. А вот сейчас лежит на сельском кладбище под гранитным памятником с красной звездой, и ему уже ничего не надо.

Нет, главное, чтобы ее Димка, ее Динозавр вернулся... Иначе жить в этом съехавшем с рельсов мире будет совсем нелегко.

*

Марина больше не могла оставаться в неведении. Она решила пойти к Екатерине Никифоровне, матери Димки, и откровенно поговорить с ней. Вдвоем со Светой они направились в сельскую больницу. Света зашла в здание, а Марина осталась в небольшом скверике перед зданием больницы. Екатерина Никифоровна оставила на время больных и вышла к Марине. Света, сославшись на дела, убежала, и Мари-

на первой начала разговор.

– Екатерина Никифоровна, Вы, наверное, меня не помните?.. Я одноклассница Димы, Марина Серова.

Екатерина Никифоровна изучающим взглядом посмотрела на девушку. Марина выдержала взгляд и успела заметить. Лицо этой сильной женщины выглядело спокойным, но в самой глубине глаз отчетливо просматривались боль и печаль.

– Я помню тебя, Марина. Два года назад была на вашем концерте и на ваш выпускной вечер ходила. Как поживаешь? Как учеба?

– Екатерина Никифоровна, о себе я потом... Скажите мне честно, вы что-нибудь знаете о Диме? Мы переписывались с ним. Последнее письмо я получила от него в марте. Я не знаю, почему он не пишет.

Екатерина Никифоровна печально улыбнулась.

– Я немного знаю о ваших отношениях. Год назад Димка был в отпуске и пооткровенничал со мной... Ты ему очень нравишься.

– Он мне тоже. Даже больше, чем нравится... Но Вы не ответили на вопрос. Вам что-нибудь известно о нем? Мне важно это знать. Иначе я буду думать, что он просто встретил другую...

Лицо матери снова обрело выражение показного спокойствия.

– На этот счет можешь не волноваться, он не пишет по другой причине.

– По какой?! Скажите! Екатерина Никифоровна, я люблю вашего сына!..

Эмоциональный порыв девушки тронул женщину. Она почувствовала в ее словах искренность и сдалась.

– Ладно, скажу. Все равно рано или поздно узнаешь... Пришло извещение: Димка пропал без вести... А это, в условиях Чечни, может обернуться чем угодно... – она безнадежно махнула рукой и отвернула лицо в сторону.

– Пропал без вести?! – глаза у Маринки расширились. – И вы никому об этом не говорите?

– Что толку об этом рассказывать. Если жив, значит, вернется... Если нет..., значит, такова судьба, – подбородок женщины матери задрожал. В глазах проступила влага. – Ты извини, Мариночка, меня ждут пациенты...

Екатерина Никифоровна снова нацепила на лицо маску спокойствия и твердой походкой пошла к больнице. Перед самым входом она обернулась.

– А Димка тебя тоже любит. Сказал: "Если когда-нибудь и женюсь, то только на Марине Серовой"...

*

Прошло два дня. Марина и Света шли на автобусную станцию. Свету вызвали в сельхозакадемию на какую-то конференцию. Маринке не хотелось оставаться одной, и она напросилась к подруге в попутчики. Пока Света будет заседать, намеревалась побродить по областному центру и хоть как-то развеяться.

После разговора с Екатериной Никифоровной она никак не могла успокоиться. Пересказала в общих чертах этот разговор Свете. Вчера они долго обсуждали возможные варианты Димкиной пропажи и дофантазировали до того, что в конце разревелись, как белуги.

Сегодня Марина приказала себе быть спокойной, но у нее ничего не получалось. Они шли по Большой Горе, и то одно, то другое наталкивало на воспоминания, и на сердце снова и снова накатывала тоска.

Вот школьный сквер, где они обсуждали написанную Димкой постановку. Площадка перед Домом культуры, где Димка сражался с Костей Ясноглазовым. Вот парк, где Дублер спас ее от двух городских отморозков.

Света пыталась отвлечь Маринку, разговорить ее, но разговор не клеился. На автостанции Маринка замолчала совсем. Здесь два года назад они распрощались с Димкой (Неужели навсегда?). В горле появился спазм. Ей не хватало маленького толчка, чтобы разрыдаться. Света поняла состояние подруги, взяла ее за руку и подвела к скамейке.

– Ты присядь, посиди. Я куплю билеты. Вон уже из города подошел автобус.

Маринка посмотрела на нее отстраненным взглядом и снова заговорила о своем.

– Мы поцеловались с ним всего один раз... Помнишь, отмечали восьмое марта? Я посмеялась над ним. Сказала, что не умеет целоваться...

Ее глаза наполнились слезами, губы задрожали. Света, в который уже раз принялась утешать подругу.

– Перестань. Пропал без вести – не значит погиб. Может быть, сидит в плену у боевиков. А может, он...он...он... – вдруг начала заикаться она, как испорченная пластинка. Ее глаза округлились и уставились куда-то мимо Маринки. Маринка обернулась. Прямо перед ними стоял с дорожной сумкой сержант Российской армии, как две капли воды похожий на того самого Димку, которого она только что оплакивала.

– Вы, случайно, не меня ждете, девушки? – с улыбкой спросил сержант Димкиным голосом. – Если меня, то почему встречаете дембеля без цветов и оркестра?

Девушки на его юмор реагировали по-разному. Света продолжала ловить ртом воздух. А Маринку вдруг оставили силы. Ее лицо побелело, ноги стали ватными. Она сделала шаг вперед, припала к Димке и заплакала. Димка обхватил девушку руками. Она прижала лицо к его груди, ее плечи содрогались, и попеременно с рыданиями все-таки сумела произнести:

– Ох, Димка..., ох Динозавр, ну никак не можешь ты без сюрпризов. Мы ведь тебя чуть не похоронили...

– Как похоронили?! Я же написал обо всем из госпиталя!..

– Не было никакого письма. Ни мне, ни родителям. Одно только извещение о том, что ты пропал без вести...

*

Несколькими часами позже, когда улеглись все страсти и

волнения от встречи, в доме Кузнецовых был накрыт праздничный стол. Искрящейся от счастья Екатерине Никифоровне помогли не менее счастливые Маринка и Света. После того, как собравшиеся выпили за возвращение солдата с войны и изрядно закусили, Димка принялся рассказывать о памятном бое в горах и последовавших за ним злоключениях.

Его слушали, затаив дыхание. Особенно внимательно, не спуская со своего любимого глаз, следили за рассказом мать и (теперь уже никто в этом не сомневался) его невеста. И умудренная жизнью женщина и молодая девушка думали почти об одном и том же. Как много пришлось пережить их парню в двадцать с небольшим лет. Какие испытания выпали на его долю в возрасте, когда многие из его сверстников еще не оторвались от материнской юбки и не видели в жизни ничего страшнее американского боевика по телевизору.

Глава 6

– Очнулся? – над Димкой наклонился седой усатый дед, по виду русский. – С возвращением на белый свет! – Дед улыбнулся, – на, выпей отвара... Ранение у тебя не очень серьезное, просто оглушило взрывом, да потерял много крови. Хорошо, что вовремя тебя подобрали.

– Кто вы? Где я?

– Лежи, лежи. Не беспокойся, ты у друзей. Меня зовут Петр Григорьевич, тебя, судя по военному билету, Дмитрий. Так что будем знакомы.

Димка огляделся. Он лежал на топчане в небольшой комнате. Ее убранство напоминало дома чеченцев, в которых ему удалось побывать. Как бы в подтверждение его оценки, в комнату вошел второй дед, явно чеченец. Вид у него был озабоченный и хмурый, но ненависти во взгляде не просматривалось.

– Ну, что, очухался? – по-русски с типичным акцентом задал он почти такой же вопрос. – Скоро должна подойти дочь. Она врач, осмотрит тебя и будет лечить... Нам с Петром самим тебя не поднять. Он добавил русскому деду несколько слов на чеченском и вышел.

– Это кто, хозяин? – вопросительно кивнул вслед ему Димка, – что он Вам сказал?

– Да, это хозяин дома. Мой фронтовой друг Ахмед Ротаев.

Велел тебя предупредить, чтобы ты ничего не болтал лишнего, даже его дочери. Лучше, если вообще будешь молчать.

– А он не сдаст меня боевикам?

– На этот счет не волнуйся. Он человек проверенный. Но ты должен знать: мы с тобой у него на положении работников. Ахмеда боевики не трогают. Его старший сын был влиятельным командиром. Погиб в первую войну. Младший где-то в России. Бизнесмен. Один из тех, кто зарабатывает деньги для Ичкерии. Дочь работала врачом в Грозном. Переехала сюда накануне боев в городе. Так что ты, если хочешь вернуться домой, веди себя смирно. Будем ждать, пока в аул не зайдут русские войска.

– А что это за аул?

– Совсем небольшой аул из нескольких домов, недалеко от того места, где вы вели бой. Селение в стороне от дороги, поэтому войска заглядывают сюда редко. А вот боевики навешиваются чаще.

– А как же Вы оказались в работниках у своего фронтového товарища?

– Не так все просто сейчас в Ичкерии. Я остался один и живу у Ахмеда потому, что мне некуда ехать. Но если всем говорить о нашей с Ахмедом дружбе, чеченцы не поймут его. Поэтому мы с ним уговорились поддерживать версию хозяина и работника.

– А как же Вы, русский человек, вообще оказались в этом чеченском ауле?

– Ну, если тебе это интересно, послушай. Я бывший учитель истории. Давно на пенсии...

Петр Григорьевич негромко, хорошо поставленным голосом опытного педагога принялся рассказывать свою биографию. Было видно: он соскучился по собеседникам. У старых учителей, всю жизнь общающихся с аудиторией учеников, возникает своего рода комплекс. Им тяжело переключаться на ритм жизни пенсионера, где редко удается говорить, а больше приходится молчать или слушать. Именно этим объяснил Димка словоохотливость Петра Григорьевича с совсем незнакомым ему человеком.

В голове у Димки шумело. Он был очень слаб. Болели раны, но слушал старика внимательно и главное сумел уловить.

*

Отец Петра Григорьевича был направлен учителем в чеченское селение (название Димка не запомнил) еще задолго до Великой Отечественной войны. Их семья состояла из трех человек. Мать, тоже учительница, и он, сын Петька, которому едва исполнилось десять лет.

Когда началась Великая Отечественная, отца забрали на фронт, но провоевал он всего полгода и в начале сорок второго вернулся домой без руки. Летом сорок второго пришел черед сына. Петр провоевал до конца войны. Судьба была благосклонна к нему. За все время боевых действий он получил только одно легкое ранение.

После войны окончил институт, приехал к отцу с матерью

и стал преподавать историю в родной для него школе. Здесь же женился на девушке из казачьей станицы. У них родились сын и дочь. Жили счастливо до середины восьмидесятых годов.

С приходом "перестройки" повалила одна беда за другой. Сначала умерли почти в один год старики. Потом погибла вместе со своим сыном в автокатастрофе дочь. Автобус, на котором они ехали, свалился с обрыва. Жена не могла перенести этого горя. У нее побаливало сердце, и во время одного из приступов она умерла.

С сыном получилось еще хуже. С приходом к власти Горбачева и компании в республике, как и во многих других национальных образованиях, началось хорошо спланированное разжигание национальной розни. Чем это закончилось, теперь известно каждому. Его сын Алексей был на партийной работе. В отличие от наводнивших в то время партию лицезмеров-перевертышей он был человеком честным, преданным идее социальной справедливости и дружбы между народами. Его противостояние с местными националистами закончилось тем, что его вместе с семьей сожгли в собственном доме.

Петр Григорьевич остался один. Пропаганда национализма сделала свое дело, разъедая души людей и сея недоверие и вражду между чеченцами и русскими. Чеченцы начали всеми способами выселять русскую диаспору из селения. Не остался в стороне и Петр Григорьевич. Его ученики, ранее

уважавшие его, смотрели на него теперь косо. Многие перестали даже здороваться. А перед первым военным конфликтом начался полнейший произвол. Русских людей все чаще стали убивать, и уже никто не нес за это ответственности.

Петра Григорьевича спас его однополчанин Ахмед Ротав. Он увез друга в свой маленький горный аул, и чтобы никто к ним не привязывался, объявил, что купил себе работника. Ахмед тоже остался один, управляться с хозяйством стало тяжело.

С тех пор и живут два старика вместе, изображая перед жителями аула хозяина и работника. На Димку они наткнулись случайно. Пошли в лес за хворостом, и вдруг неподалеку от них разгорелся бой. Когда стрельба и взрывы стихли, они вышли на ту самую площадку, где оборонялась застава, и нашли в кустах сержанта. Определили: парень жив, хотя и без сознания – и унесли его в дом.

Дом Ахмеда на краю селения, но жители моментально узнали о том, что он принес в дом раненого русского. Теперь об этом обязательно узнают боевики, но есть надежда: забрать силой "добычу" Ахмеда они не посмеют.

*

Через двое суток, ночью, в дом пришел командир одной из местных группировок, скрывающейся от федералов в лесу. Полевые командиры широко практиковали получение выкупа за пленных. Ахмед сумел отговориться: солдат тяжело ранен. Сначала его надо вылечить, потом решать, что с ним

делать. Авторитет сыновей Ахмеда был высок, кроме того, ночные визитеры решили: все равно солдат от них никуда не денется. (Не лечить же его самим). Они предупредили Ахмеда, чтобы спрятал пленного на случай прихода русских, ушли и больше не появлялись.

Не появлялись в ауле и войска. Один раз, правда, прошло небольшое мотострелковое подразделение, но подгоняемая приказом колонна даже не остановилась.

Дочь Ахмеда оказалась хорошим врачом. Она вынула застрявший в плече осколок, и рана начала потихоньку затягиваться. Димка медленно поправлялся и все чаще стал подумывать над тем, как выбраться к своим. Старики удерживали его от каких-либо действий. Во-первых, свежая рана могла в любой момент открыться. Во-вторых, в случае его побега гнев боевиков несомненно обрушится на стариков, допустивших это. Они убеждали сержанта подождать до той поры, пока в селение не зайдут войска. В этом случае старикам можно будет отговориться: как ни прятали пленника, федералы все равно его нашли.

Томительные дни ожидания скрашивали беседы с Петром Григорьевичем. Старый учитель оказался удивительно хорошим собеседником. Они говорили много и обо всем. Димка досадовал. Почему такой грамотный, много знающий человек должен был вдалбливать историю в головы людей, которых эти знания интересовали меньше всего. А в его русском селе Большая Гора историю преподавал бывший чиновник,

ныне обыкновенный пьяница, Семен Семенович, который путал восстание Разина с восстанием Пугачева и нес чушь о том, как адмирал Ушаков вместе с адмиралом Нахимовым по приказу Петра Великого разбили турецкий флот в Средиземном море.

Петр Григорьевич знал много такого, о чем не прочтешь в обычных книгах. Часто говорили они и о войне. И о той – Великой Отечественной, и об этой – контрпартизанской.

О далекой для Димкиного поколения войне историк говорил интересно и нестандартно. В его словах и доводах чувствовалась уверенность фронтовика-очевидца. Старик рассказывал об этой войне не только как историк, а как непосредственный ее участник. И эти знания очевидца меняли Димкины представления о войне, сформированные постсоветской пропагандой. Одна из таких бесед ему особенно хорошо запомнилась.

*

– Вот ты спрашиваешь, – отвечал на Димкин вопрос Петр Григорьевич, – чем отличается та война от этой? Отличается многим. Прежде всего, масштабами и, конечно, тем, что она была с нашей стороны справедливой, освободительной. Любая война, сынок (он все чаще стал так обращаться к Димке), скверная штука. Особенно мерзко, если эта война ведется против своего же народа. Но и на освободительной Отечественной было всякое.

Я попал на фронт примерно таким, как ты. Нас тогда не

спрашивали: готов ты или не готов. Нужно было спасти Родину, и учились воевать мы сразу на передовой. Кто выжил, тот и научился.

Было все: и стойкость, и героизм, и трусость, и предательство. Героизма, конечно, было больше. Иначе мы бы не победили в той страшной бойне. Героизм был не единичным, он был массовым.

– А вот по телевидению все время твердят: массового героизма не было. Люди воевали из чувства страха, под дулами автоматов заградотрядов. Это было на самом деле?

– Ну, о пропаганде разговор особый. Пропаганда всегда искажает действительность в пользу той или иной власти. В советское время много говорили о героизме и забывали о предательстве и просчетах. Сейчас у власти пришел другой класс, и пропаганда перевернула все наоборот.

– Но ведь в таком же духе пишет и снимает фильмы о войне творческая интеллигенция. Это же грамотные люди. Кто их заставляет быть необъективными и писать в угоду власти?

– У меня есть этому объяснение. Я не согласен с тем, что вся творческая интеллигенция подстраивается под власть. В этой среде много самостоятельных, честных людей, способных объективно оценивать и историю, и современную действительность. Другое дело, что этим людям искусственно перекрывается доступ к массовому читателю и зрителю. Скажу об этой проблеме немного образно. Видишь ли, и телевидение, и искусство сейчас в руках детей и внуков тех, кто во-

евал на "ташкентском фронте". И они подают историю войны так, как им вдолбили в голову их отцы.

– А разве Ташкентский фронт был? Вроде бы немцы дошли только до Сталинграда.

– Да нет. "Воевал на ташкентском фронте" говорили о тех, кто уклонился от фронта и был эвакуирован в тыл. Среди тех, кто имел "броню", было много порядочных людей, нужных стране и народу, а были и такие, что прикрывались "броней", чтобы спасти свою шкуру. Особенно много такого народца было в среде околотворческой интеллигенции. Вот они и стали мишенью для едкой иронии фронтовиков. Фронтовики недолюбливали их так же, как вы сейчас не любите "закосивших" от армии.

Когда закончилась война, праздновал победу весь народ. Фронтовики с гордостью носили боевые награды и рассказывали своим детям о боях и битвах, в которых участвовали. А что своим детям мог рассказать о войне "ветеран ташкентского фронта"? Им приходилось оправдываться и выкручиваться перед потомством, чтобы прикрыть комплекс своей неполноценности. Они "видели" войну по-своему и "освещали" по-своему, принижая героизм фронтовиков и оправдывая свою трусость. От них и пошло все это: и на войну людей гнали под страхом расстрела (будто бы и не было миллионов добровольцев); и "бездарные" полководцы зазря положили слишком много народа; и в плен сдавались целыми армиями; и не было героизма, а люди сражались из чувства страха;

и немцы бежали обратно в Берлин, испугавшись не нашего солдата, а русских морозов.

Их дети и внуки хорошо усвоили эту науку и, когда до-рвались до власти, начали показывать воинский и трудовой подвиг народа в искаженном виде. Тем более по этим же са-мым направлениям принижала и принижает нашу Победу западная пропаганда. Эти потомки ищут правду о войне в мусорном баке. При этом постоянно настраивают людей: де-скать, еще не открыты "секретные архивы", где и сосредото-чена "вся правда" о войне. А тех, кто воевал на этой войне и действительно знает правду, они игнорируют. Вот как не станет совсем нас, фронтовиков, свидетелей той войны, так "откроют" ... Откроют такое, чего на самом деле и не было... Опровергнуть их и плюнуть им в глаза будет уже некому.

– Ну, почему некому? Ведь честных людей на свете боль-ше. Да и свидетельств о войне осталось много.

– Нет, в условиях современного информационного про-гресса поставить все с ног на голову легче, чем раньше. Лег-че переписать историю, легче вдолбить ее "новый" вариант тем самым честным людям, о которых ты говоришь. Тут все зависит от степени контроля над информационным полем. А контроль этот со стороны власти сейчас почти тотальный.

– Но как можно вдолбить то, чего не было? Если наши взяли Берлин, разве это опровергнешь?

– Опровергнуть этот очевидный факт, конечно, нельзя. Но принизить и свести все к "случайности" и "везению" мож-

но. Можно и убедить в этом весь мир. И повернуть дело так, что народ, победивший в войне, потеряет (фактически уже потерял) веру в себя и свои силы. А таким народом управлять легко.

– Петр Григорьевич, а почему разрушился Советский союз? Ведь он победил в такой кровопролитной войне и вдруг сам оказался побежденным?

– Ну, однозначно на этот вопрос не ответишь. На этот счет сколько людей, столько и мнений. Но я бы не стал все сводить к "застою" и предательству верхов. Попробую объяснить тебе свою точку зрения.

СССР был носителем нового строя – социализма. Страна первой пошла на смену старых приоритетов на новые, где во главе не материальные, а духовные ценности. А новое всегда пробивает себе дорогу с большим трудом. Старое дерево сильнее молодой поросли. Вот сейчас некоторые любят повторять величайшую глупость: дескать, социализм не выдержал проверки историей и ушел в прошлое. Социализм – это явление новое и предъявлять к его самой ранней стадии требования со старых позиций по меньшей мере неразумно. Представь себе, если бы человеку во времена Кромвеля сказали, что Англия после буржуазной революции – это и есть истинный капитализм. Вряд ли бы кто-то был в восторге от такого капитализма. Людей вела мечта и идея довести этот строй до расцвета. Он и дошел... И теперь начал тормозить развитие человеческого общества.

При капитализме основное направление – достижение материальных ценностей. Этот строй хотя и расплодил великое множество паразитов, но одел и накормил человека. Теперь, чтобы не поползти назад, человечество просто вынуждено сместить вектор развития в духовную сферу. А строй, основанный на торговом обмене, этого сделать не дает.

Да, в природе каждый индивидуум наполняет свое брюхо, поедая того или другого представителя флоры и фауны. И если он сыт, значит жизнью доволен. Капитализм и человека сводит до этой формулы. Но тогда зачем Господь Бог дал ему разум? Может, как раз для того, чтобы мыслить, созидать и осознавать то, что можно прожить счастливую жизнь "не поедая", "не угнетая" и "не эксплуатируя" сородичей?

Но при старом строе это сделать невозможно. Этот строй превозносит материальное над духовным и раскручивает небывалую в истории гонку абсолютно нерационального и неразумного потребления. Потому он и превратился в тормоз цивилизации.

На смену капитализму идет новый строй. Он пробивает себе дорогу в борьбе. Запомни: легко просто отрицать новое. Не так уж сложно критиковать его со старых базовых ценностей и традиций. Даже для того чтобы разрушать новое ума много не надо. А вот утверждать новое – наивысшая сложность и для Человека, и для страны. Торить дорогу всегда труднее, чем двигаться по накатанной колее. Для этого нужно всегда больше сил, чем плестись в основном пелетоне

цивилизации.

Наша страна уверенно торила эту дорогу, пока Европа не направила на нас свою главную ударную силу – европейский фашизм. Ценой невероятных усилий и потерь страна разбила авангард коричневой чумы, но сильно подорвала свои силы. Она не смогла больше торить дорогу и теперь вынуждена идти в пелетоне и накапливать силы. Роль лидера взял на себя Китай.

– Да, Вы объясняете образно, но очень понятно. Я спрошу еще раз о войне. Петр Григорьевич, а скажите честно, заградотряды действительно были? И свои стреляли по своим?

– На той войне всякое было. Иногда и свои стреляли по паникерам и предателям. От них ведь вреда порой было больше, чем от немца. Были и заградотряды на отдельных важных участках, где отступить было уже нельзя. Ну, например, в степях под Сталинградом в сорок втором. Но это были отдельные случаи. В таких масштабах, как сейчас преподносится, заградотряды не создавались. Лично я за всю войну их не видел ни разу. Вообще-то ими больше пугали тех, кто способен был бежать с позиции. Говорят, у страха глаза велики. Вот эти трусы и раздули миф о заградотрядах. В реальности у командования не было столько войск НКВД, чтобы прикрывать ими действующий фронт. Эти отряды ловили шпионов и диверсантов, и только иногда, если припечет, их использовали как резерв для закрытия брешей в обороне.

Должен тебе сказать, армия училась воевать в ходе боев,

потому и был этот негатив. И сдача в плен, и бегство с позиций. После сорок второго солдат понял главную истину: плен или бегство с поля боя гораздо хуже, чем стойкая оборона. При грамотной обороне больше шансов уцелеть и выжить. Поэтому заградотряды были уже в принципе не нужны. Хотя отрицать не буду, командиры иногда пугали ими малодушных бойцов. Особенно штрафников.

– Штрафников? Их же сейчас преподносят, как главных героев войны!

– И это полуправда. Тут тоже все не однозначно. В штрафных батальонах было много людей, угодивших туда за различные провинности с передовой. Эти воевали, как надо. Иногда даже геройски. Они стремились кровью искупить свою вину. Но еще больше в штрафных батальонах было уголовников. Тех, кого заставили воевать силой. Вот от них героизма ждать не приходилось.

Ты вот сильно переживаешь, что остался жив, а твои товарищи погибли. Я тоже побывал в такой ситуации. Как раз тогда, когда выполнял задачу совместно со штрафной ротой. Расскажу тебе эту историю, и ты поймешь: в штрафбатах был разный народец. И воевал этот народец по-разному.

*

Я воевал в саперной роте и по возрасту был таким, как ты, когда меня назначили помощником командира взвода. Фактически мне пришлось командовать взводом. Старый командир взвода был ранен, а пришедший вместо него младший

лейтенант командовал всего неделю и погиб от пули снайпера. Немецкие снайперы специально охотились за офицерами, и необстрелянные командиры часто становились их добычей.

Со дня на день мы готовились к переходу в наступление, но когда меня, помкомвзвода, вызвал сам командир полка, я сильно струхнул. Подполковник Сафронов слыл крутым мужиком. Мы уважали его, но боялись, как огня. Меня вызвали на КП вместе с командиром штрафной роты капитаном Сорокиным. Мой саперный взвод придавался этой роте для проделывания проходов в минных полях. Командир полка лично поставил нам задачу.

Перед правым флангом обороны полка возвышалась господствующая над местностью высотка, занятая немцами. Почти такая же высота, но чуть в глубине немецкой обороны, была и перед левым флангом. Эти высотки мешали нашей дивизии, как кость, застрявшая в горле. При любой фронтальной атаке наступающие оказывались в низине, которая простреливалась с этих высоток. Поэтому, прежде чем переходить в наступление, нужно было овладеть ими. Такая задача и была поставлена полку: провести разведку боем и захватить господствующие высоты. Там, где наметится успех, развивать наступление.

Уже позднее я узнал, силы, которые должны были атаковать правую и левую высоту, были неравными. Левофланговую высоту поручалось взять лучшему в полку батальону,

усиленному полковой артиллерией. Правифланговую высоту должна была взять штрафная рота, в интересах которой должен был действовать только один саперный взвод. Задача саперам была определена конкретно: проделать проходы в минных полях, пропустить по этим ходам роту и содержать проходы на случай развития наступления.

Ты спросишь, почему такое неравенство при выполнении вроде бы равноценных задач? Мне тогда тоже было это непонятно, но приказ обсуждать было не принято. Его нужно было выполнять. Зато любой из наших современников, сильный задним умом, почти наверняка объяснит это тем, что штрафников на войне не жалели и бросали на самые опасные участки.

На самом деле все было не так. Никакой опытный, уважающий себя командир не пошлет штрафников на направление главного удара. Сделать так, означало: поставить выполнение полученного приказа под угрозу срыва. На главное направление командир пошлет тех, на кого он может полностью положиться.

Подполковник Сафронов уже выбрал главное направление для атаки, и атака штрафной роты была лишь отвлекающим маневром. Я, как и капитан Сорокин, конечно, этого не знал. Мы считали: именно от нас зависит успех полка. Но об этом чуть позже, а сначала о том, как протекал сам бой.

За ночь саперы моего взвода успешно проделали проходы и в своих и в немецких минных полях. Как ни странно,

противник нас почти не беспокоил. С началом артподготовки я доложил капитану Сорокину о выполнении задания и показал ему проходы на местности. Светало, но видимость была плохая и, чтобы атакующие не сбились, саперы подсвечивали проходы фонариками. Я думал, что основную задачу взвод выполнил успешно, и в душе даже рассчитывал на похвалу. Но капитан повел себя странно. Он не доверял молоденькому сержанту и потребовал, чтобы саперы атаквали противника вместе с его ротой, причем впереди. Доводы у него были железные: "Людей у меня не хватает, а вы, если плохо разминировали, сами и подорветесь!"

Я попытался возразить: "Мне был приказ лишь проделать проходы и содержать их!"

В ответ на это Сорокин загнул трехэтажным матом, выхватил пистолет и пригрозил сей же час пристрелить меня, если я откажусь выполнить его приказ.

И вот тут я смалодушничал: "и вправду пристрелит, а разбираться потом будут без меня". Я дал команду своим саперам подготовиться к атаке. Сам, чтобы не выглядеть трусом, настраивал себя выскочить из траншеи первым.

Как только начала стихать канонада артподготовки, взлетела ракета, и мы поднялись в атаку. Сорокин бежал впереди. Чуть в стороне бежал здоровенный детина, которого все звали Гога. Гога был правой рукой Сорокина и пользовался непререкаемым авторитетом у той части роты, которая состояла из уголовников. Я и еще несколько моих саперов бе-

жали следом, стараясь не отстать. Сорокин был боевым офицером. Я не знал, за что его определили в штрафбат, но мужик он был опытный и смелый. Мы пробежали треть пути, когда с высоты ударил пулемет. Сорокин упал на землю и перекатился чуть в сторону. Плюхнулся следом за ним и я. Как только пулеметчик перенес огонь на других и над нами перестали посвистывать пули, мы поднялись и побежали снова. Так за несколько перебежек достигли вершины. Я оглянулся. Вместе с нашей троицей до верха добежали лишь четверо моих саперов и два штрафника. Немцев на позиции не было. В траншее, испуганно озираясь, с поднятыми руками стоял молоденький немецкий солдат.

"Сталин гут! Гитлер капут!.. Сталин гут! Гитлер капут!.. – непрерывно повторял пулеметчик, вымаливая себе пощаду.

– Ах ты, фашистская сука!!! – звериным рыком закричал на него Сорокин, – положил всю роту а теперь в плен собрался?! Мне пули для тебя жалко! – он стал доставать висящий на поясе нож, но Гога с полуслова понял командира, подскочил к немцу, сдернул с того каску и ударом пехотной лопаты раскроил пулеметчику череп.

Я впервые видел подобную жестокость. Она меня потрясла, но на этом мои потрясения не кончились. Штрафная рота, которую "положил один пулеметчик", вдруг начала оживать. Вот тут до меня и дошло. В атаке добросовестно участвовали только пятеро опытных штрафников да мои саперы. Уголовники после первой же очереди попадали на землю и

лежали, пока пулемет не замолк. Потерь среди них не было, за исключением двух раненых в руку. Ранение давало шанс на снятие судимости. (Искупил вину кровью).

В моем взводе было два человека убито, еще четверо получили ранения. Из пятерых штрафников, участвовавших в атаке, убит был один.

Стала понятна и причина пассивного поведения немцев на этой высоте. На соседней высотке, где наступал пехотный батальон, гремел настоящий бой. А нам фрицы дали зеленый свет. Я тогда был еще не силен в тактике, но понял: немцы хотели обхитрить нас и заманить в ловушку. Мы быстро взяли высоту, и, если бы полк нанес главный удар на нашем направлении, в глубине немецкой обороны наши подразделения неминуемо попали бы в огневой мешок. Тогда как на левом фланге, сразу за высотой, начинался удобный для наступающих пологий склон.

Наши командиры разгадали замысел немцев, но мне от этого было не легче. Мой и без того куцый взвод в самом начале наступления потерял шестерых бойцов. И за "самовольное" участие в атаке я вместо награды чуть не угодил под военный трибунал. Спасибо Сорокину. Капитан честно доложил командиру полка, что заставил меня идти в атаку угрозой. Сафронов, конечно, взбеленился на капитана, но меня простил.

Я стоял возле КП и, размазывая по лицу слезы, слушал, как командир полка "разносил" командира штрафной роты.

– Под суд надо отдать тебя капитан, а не этого сержанта! Сейчас у меня нет на это времени, но я тебя предупреждаю: еще одно такое самовольство и я сделаю с тобой то, чем ты грозил этому юнцу! Пристрелю тебя лично!.. Стрелков, не умеющих толком стрелять у меня много, а саперов – кот наплакал... Без них в наступление не пойдешь! А ты знаешь, сколько нужно времени, чтобы подготовить опытного сапера?!

Так моя молодость и последовавшее за этим боем наступление спасли меня от позора. Но я еще долго корил себя за то, что из-за моей робости погибли мои товарищи. Только потом, когда побывал в более сложных передрягах, пришло осознание: на войне бывает всякое и распускать нюни по каждому поводу не резон. На войне каждую секунду нужно воевать!

*

Через несколько дней в селение зашло подразделение внутренних войск. Они прибыли, чтобы произвести так называемую "зачистку" с целью поиска боевиков, участвовавших в боях против федеральных войск. В селении таковых обнаружено не было. В природе торжествовала весна. Горы покрылись зеленкой, и все, у кого рыльце было в пушку, убрались подальше от аула в горы.

Когда солдаты пришли к дому Ахмеда, старики предъявили командиру группы раненого сержанта. Димка вышел из комнаты радостный (наконец-то!), но солдаты встретили его

холодно. Мало того, командир группы вызвал по рации командира подразделения:

– Товарищ майор, мы тут дезертира поймали!..

Димка обиделся, за то, что его обозвали дезертиром. Его радость угасла, и он буркнул Петру Григорьевичу.

–Зря вы меня спасали. Эти сделают из меня преступника, сдадут в прокуратуру и орден получат!

Петр Григорьевич успокоил его.

– Не паникуй. Сейчас придет офицер, все расскажем ему, как было.

Когда в дом прибыл майор, Димка подробно рассказал ему о бое, о том, как старики вынесли его с перевала и лечили. Хмурый майор (не удалось поймать ни одного боевика) выслушал сержанта, буркнул: "разберемся" – и приказал надеть на Димку наручники.

Петр Григорьевич попытался вступить за своего подопечного.

– Товарищ майор, этот парень герой! Мы подобрали его среди убитых. Я свидетель того, что вся застава погибла, но не сдалась.

Майор смерил Петра Григорьевича нехорошим взглядом и отрезал

– Нам в свидетели чеченские прихвостни не нужны! Сами разберемся!

– Да... – печально произнес Петр Григорьевич, – все меняется, только офицеры внутренних войск все те же!

– Что ты имеешь ввиду, старик?

– А то... Видно общение с бандитами сбивает вам мозги. Вас поставили защищать свой народ, а вы в каждом честном человеке видите преступника.

– Ты я вижу сильно грамотный. Лучше сиди тут в работах у чеченцев и помалкивай. А то прихвачу, как сообщника.

– Не хаами, майор, я фронтовик! Не таких хамов видел! Если потребуется, поеду к вашему командующему, чтобы защитить этого паренька!..

– Я сказал, замолкни, дед! – перешел на крик майор. – А то пристрелю, на хрен, как чеченского пособника!

Димку вывели под охраной. В пункте дислокации части внутренних войск его поместили в лазарет при гауптвахте, где он пробыл несколько дней, в течение которых его не столько лечили, сколько допрашивали. В его часть сделали запрос и неизвестно, сколько бы его еще мурыжили, если бы об этом разбирательстве не стало известно генералу Красину. Личное вмешательство начальника инженерных войск округа сняло все вопросы.

Димку отправили долечиваться в госпиталь, после чего он, наконец, прибыл в родную часть. Там его встретили как героя, вручили полученный за операцию под Грозным орден и торжественно уволили в запас.

Еще в госпитале он написал (чтоб не волновались) письма родителям и Маринке. Чтобы показать, что жив-здоров,

вложил в письма свои фотографии. Именно благодаря фотографиям его письма не дошли. Где-то по пути следования письма вскрыли и, убедившись, что в них нет денег, просто выбросили. Случаи, когда солдаты пытались пересылать в письмах родителям "денежку", были нередки. И "чистка" писем, так же как и прямой рэкет по отношению к уволенным дембелям, процветали. Особенно усердствовали в этом плане на блокпостах.

Вот так и получилось, что долгие четыре месяца о Димке ничего не знали ни родители, ни любимая девушка.

*

После возвращения Димки последующие два дня прошли в суете и встречах с друзьями. В разгар лета одноклассников и знакомых понаехало много. Кто-то вернулся из армии, кто-то приехал на каникулы. Нашлись и такие, кто вообще никуда из села не уезжал. Всех нужно было повидать, со всеми встретиться.

На третий день сговорились сходить с самого утра на сельское кладбище. Компания молодежи подобралась приличная. Почти у каждого здесь были похоронены родственники. Появились и новые могилки тех, с кем они еще совсем недавно вместе учились. Обошли и помянули всех. Дольше всего задержались у двух свежих могил.

Их одноклассник, весельчак и балагур Митька Оглоблин закончил свой жизненный путь так, как заканчивают его многие наркоманы. Обкурившись зелья, сел за руль автомо-

бия своего приятеля и на большой скорости врезался во встречную машину. В результате насмерть разбился сам и погубил еще трех ни в чем не повинных людей.

Его смерть была трагичной, глупой и принесла людям вред и горе. Оплакивать его, кроме родных, было некому. А вот проклятия родственников погибших, наверное, доставали его и на том свете.

Рядом могила Героя России Кости Ясноглазова. На ней установленная на средства, выделенные военкоматом, гранитная плита.

Костя смотрел с фотографии на гранитном памятнике открытым, живым взглядом. Было невозможно представить, что в этом мире его уже нет. Фотограф хорошо поймал кураж русского парня. На фотографии он был таким, как в жизни. Легкая бесшабашная усмешка, залихватски сдвинутый берет, открытый, бесхитростный взгляд. Этот взгляд лучше всякой характеристики подчеркивал: перед вами эмоциональный, иногда импульсивный и не сдержанный, но по большому счету порядочный, без двойного дна человек. Человек, в котором заложен крепкий духовный и материальный потенциал. Жизнь которого, по вине устроителей войн, оборвалась намного раньше, чем спланировала природа.

Таким молодым, полным сил и любви к жизни он и останется в памяти родных, друзей, сослуживцев и односельчан.

Эти две разные смерти подчеркивали резкий контраст между жизнью молодых людей этого поколения. С одной

стороны – пустая, бессмысленная, принесшая горе себе и людям жизнь Митьки. С другой – тоже короткая, но яркая, прославившая русский дух и русского человека жизнь Кости.

Оба они не успели обзавестись семьями. Не оставили после себя потомков и не стали основателями нового генеалогического древа. И все-таки итог у их непродолжительной жизни разный.

После одного из них останется лишь кучка праха.

Другой останется в народной памяти героем. И если придерживаться на эту тему взглядов религии (не только православной), то именно это и нужно душе человека после его физической смерти. Чтобы его постоянно помнили!

*

Димка с Маринкой впервые за последние дни уединились. Они сидели на берегу озера вдвоем и наконец-то решились поговорить о планах на будущее.

Сегодня не отходившие от них ни на шаг Витька со Светой занялись своими делами, и они направились на Мраморное. Озеро привлекало их не только своей красотой, но и воспоминаниями о той беспечной, поэтически устремленной в будущее жизни, которая в настоящее время потихоньку перетекла в прозу под названием "взрослая жизнь".

Тем не менее, все последние дни они были беззаботно счастливы. Счастливы от встречи друг с другом, от встречи с родителями и друзьями, от встречи с местом, где познакомились и полюбили, где прожили самые удивительные годы

своей юности.

Они уже признались друг другу в любви, но серьезный разговор о своем будущем все откладывали. Каждый боялся начинать этот разговор, опасаясь, что планы другого разрушат счастливый миг, и за ним вновь последует разлука.

Но время пришло, и Маринка начала разговор первой.

– Что будем делать дальше, Дима? Какие у тебя планы?

Димка ждал этого вопроса, ответ на него продумал заранее и потому ответил сразу.

– Я решил поступать в военное училище. В Тюмени есть военно-инженерное училище, поеду туда.

– А почему в инженерное, ведь есть более престижные? Тебя с орденом теперь в любое примут.

– Нет, я пойду по стопам отца и брата. Буду продолжать династию. Да и в армии я в этой профессии кое-чему научился. Это очень нужные войска. Как говорил генерал Красин: "Без военных инженеров воевать на земле так же сложно, как воевать в воздухе без летчиков... В принципе возможно, но победы не достигнешь".

– Ну и фамилия у твоего генерала... Чем-то похожа на Краснова.

– Дело не в фамилии. Это наш генерал, боевой... Не блюдолиз, не тыловая крыса. Я хотел бы быть таким офицером, как он. Но для этого кроме училища нужно будет в будущем окончить Московскую Военно-инженерную академию, а затем Академию Генерального штаба.

– Раз решил – будешь. Ты всегда добиваешься своего, – Маринка улыбнулась. – Меня вот "с пути истинного сбил"... Как подумаю о родителях... ох, что будет?..

– А ты сама что решила? – осторожно задал вопрос Димка. – Тебе ведь еще два года учиться... Будем два года ждать?

– Нет, Димочка, – хитро скосила глазки Маринка, – ждать мы не будем. Я теперь тебя одного никуда не отпущу! Как жена декабриста, поеду с тобой в Сибирь!

Они сидели еще долго. Обсуждали планы совместной жизни. В перерывах с большим удовольствием целовались. Поцелуй по-настоящему любящих друг друга людей ни в какое сравнение не идет с поцелуем "ради секса". Если влюбленных влекут друг к другу не только физиология тела, а и их души, ощущение от поцелуя на порядок выше. Тогда даже простое общение с любимым или прикосновение к нему вызывает бурю эмоций. И если это обоюдно, значит можно надеяться – это настоящая, большая любовь.

Настоящая любовь такая же редкость, как большой, истинный талант в искусстве. А, может быть, редкость даже большая. Для обоюдного счастья "талантливыми" в любви должны быть оба. И найти свою половинку удастся единицам из миллионов. Именно поэтому на этой почве так много искалечено судеб. Так много разуверившихся в жизни циников, не верящих ни в большую, ни в светлую, ни в настоящую любовь. Именно поэтому большинство обывателей посматривают на счастливую пожилую пару любящих друг друга

супругов с недоумением и недоверием. Как можно прожить такую долгую совместную жизнь и не надоесть друг другу?

Димке с Маринкой повезло. Они нашли друг друга. Они подошли один другому. Они оба любили по-настоящему.

*

Будущей жене будущего офицера тоже пришлось выдерживать бой. Бой с родителями.

Марина приехала из села и этим же вечером, как только с работы пришел отец, объявила о своем решении:

– Мама, папа, я выхожу замуж и уезжаю с мужем в Тюмень.

Родители ожидали от дочери подобной выходки и сначала попытались спокойно и аргументированно переубедить ее. Отец нацепил на лицо насмешливое выражение и с ехидством поинтересовался:

– Ну, и позвольте нам, сирым, поинтересоваться, кто жених, когда свадьба?

Дочь не стала отвечать в предложенной отцом манере. Ответила серьезно, без всяких дипломатических закавок.

– Мы с Димкой решили пожениться. Он поступает в Тюменское высшее военно-инженерное училище. Я еду с ним. Распишемся, снимем квартиру, а свадьба немного подождет.

– Все решили! – ахнула мать. – А как же учеба? Тебе еще два года учиться!

– Учебу не брошу. Только поменяю профессию. Переведусь в какой-нибудь Тюменский вуз.

Мать с отцом удивленно уставились на дочь. Все их аргументы летели прахом.

– Ты с ума сошла, – первым пришел в себя отец, – поменять самый престижный в стране вуз на институт в Тмутаракани? Перед тобой карьера дипломата. Ты можешь стать известной, как Коллонтай или Матвиенко. Вместо этого ты собралась всю жизнь мотаться за офицером по гарнизонам, – на его лице появилось презрительное выражение, – да еще за офицером инженерных войск. Это же саперы! Люди, которые у самой земли, ниже не куда!..

– Да эти люди, папа, больше делают для страны, чем ты со своими напыщенными индюками!

– Не смей так говорить о дипломатах! – одернула дочь мать. – Эти люди – цвет нации!

– Да... и этот "цвет" пустил НАТО под Питер. Военные хотя бы с бандитами воюют, а вы сдаете страну по частям и превращаете ее в сырьевую колонию.

– Ты хоть понимаешь, что нас с матерью оскорбляешь?

– Нет, я отвечаю вам в вашем же духе. Для вас люди, находящиеся по социальному положению ниже – это люди второго сорта. Правильно дед тебе сказал: вы оторвались от земли и переродились в чинодралов!

– Дочь, что ты городишь?! – по-настоящему возмутился отец. – Мы с тобой полностью откровенны... Ты у нас единственная, и нам не безразлично твое будущее! Поверь нашему опыту... Времена романтиков, когда с милым был рай и

в шалаше, давно миновали! Мир стал прагматичным. В нем господствует рационализм и романтики, как динозавры, вымирают! Ты очень скоро это поймешь и сбежишь от своего солдата. Чем тебя не устраивает Эдик? Это человек нашего круга, нашей профессии.

– Папа, я с вами тоже предельно откровенна. Позвольте мне свою жизнь устроить самой. Я хочу прожить жизнь с настоящим мужчиной, а не со столичным прыщем!

– Это вчерашнего солдата без образования ты называешь мужчиной?

– Да, Димка мужчина. Он настоящий парень. Он из числа романтиков. Я люблю его и, если он даже самый последний из динозавров, хочу быть с ним. А времена романтиков обязательно вернутся. Они не могут не вернуться. Мы будем иначе воспитывать своих детей. Мы не будем зацикливать их только на добывании денег. Жить в мире, где правит лицемерие, мы не станем. Мы будем менять ваш мир.

– Марина, да тебе через год со своим солдатом не о чем будет разговаривать, – запела старую песню мать, – в военных училищах воспитывают только солдафонов.

– Молчи, мама! В смысле общей грамотности Димка даст сто очков всем вашим Эдикам. А образование военным дают хорошее. Все зависит от конкретного человека. Солдафоны и чинодралы получаются как раз из таких, как Эдик.

– А ты матери рот не затыкай! – перенял эстафету отец. – От ее юбки еще не оторвалась, а уже побежала в постель к

первому встречному!

– А вот это, папа, ты сказал напрасно. Нет у вас права мораль мне читать!

Отец удивленно поднял брови.

– Ну-ка обоснуй! Это что-то новенькое... Что, уже выросла?

– И это тоже. А вы, прежде чем меня оскорблять, разберитесь между собой. Москва хоть и мегаполис, но городок тесноватый, и мне надоело слышать от знакомых о ваших с мамой любовниках и любовницах.

– Докатились! – взвизгнул отец. – Дочь собирает о родителях сплетни!

– Из ничего сплетни не вырастают! Сами погрязли в разврате, а меня учите, как надо блюсти мораль.

– Ах, так! Тогда поезжай на все четыре! Посмотрим, как будете жить на одну стипендию.

– Не бойся, денег у вас просить не буду! Будем жить на стипендию и подрабатывать, как это делают другие. Да и Димкины родители обещали на первых порах помочь.

Все доводы были исчерпаны. Говорить больше было не о чем. Отец схватил сигареты и выскочил на балкон. Мать опустила в кресло и заплакала. Она не хотела разрыва. Что бы они ни наговорили в запале спора, Марина была их единственной дочерью, единственным человеком, который духовно еще связывал семью.

А "декабристка", подавляя в себе волну жалости к роди-

телям, принялась активно паковать вещи.

Впереди у них с Димкой новая, полная бытовых трудностей жизнь. Новые друзья, новый город. Впереди ждала романтика серьезной, трудной и опасной "взрослой жизни".

*

Россия с трудом преодолела чеченский порог и уползла из опасной зоны распада и дробления на карликовые государства. Она вступила в первое десятилетие нового века и будет еще долго пребывать в состоянии "ни жива, ни мертва".

Такая стратегия российской власти полностью устраивает сросшийся с ней крупный капитал. Тем, кто приватизировал национальные богатства, нужно именно такое государство – в меру сильное, чтобы Запад не мог вмешаться в "их бизнес". И в меру слабое, чтобы само государство не смогло национализировать эти богатства.

Политика, "где надо усилить, где надо ослабить", принесет свои плоды. Миллиардеры и миллионеры будут расти, как на дрожжах. В то же время будет стремительно деградировать и вымирать коренной народ России, а сама страна постепенно превратится в сырьевую колонию.

Генеральной линией российской власти станет политика умиротворения западных партнеров, чтобы те не помышляли больше о дроблении страны и захвате ее территории. Зачем тратить на войны и цветочные революции, если богатства страны и так работают на тебя? Российский капитал будет утекать за рубеж больше прежнего. Мало того, в тех же

западных банках разместит свои стратегические резервы и само государство Российское. Туда же, во все возрастающих масштабах, будет перекачиваться добытое в недрах страны сырье.

Одновременно будет проводиться политика подрыва основ российской империи, чтобы ее народ никогда больше не помышлял о самостоятельном и самодостаточном пути развития.

Чтобы в сырьевой бизнес не вмешались патриотические силы, будут предприняты шаги "по укреплению вертикали власти".

На фоне сокращения армии будет постоянно расти численность милиции и внутренних войск.

Не успевшие укрепить институты демократии будут свернуты почти до тоталитарной схемы.

Будет доведена "до совершенства" система выборов, при которой демократическая смена руководства страны и регионов станет невозможной.

Будет усовершенствована передача власти "от преемника к преемнику". И с приходом нового все повторится: и небольшая победоносная война, и горные лыжи, и катание на истребителе.

Чтобы в управление страной не встрял народ, будет доведен до абсурда закон о проведении референдума.

На одно из последних мест в мире скатится страна по показателю демократии, именуемому "свобода слова". Без по-

следствий, открыто и свободно можно будет выражать свое мнение лишь тем, кто поддерживает власть.

Будет нанесен удар и по "главному союзнику государства" – армии. Все нежелательные для власти последствия чеченской войны будут ликвидированы. Не будет показательного суда над чеченскими главарями. Их попросту уничтожат как ненужных свидетелей.

Получившим боевой опыт генералам дорога в министерство обороны будет закрыта. Из армии их отправят в "политическую ссылку". Думающие, авторитетные генералы-герои для любой власти опасны. Чтобы погасить их недовольство, в США будет отправлен так называемый "список Чубайса". Около четырех десятков фамилий "военных преступников" из числа тех, кто руководил боевыми действиями в Чечне. Цель этой акции прозрачна: припугнуть героев войны международным трибуналом, чтобы они "не высывались" и "молчали в тряпочку".

Реформу в армии будет проводить народ гражданский. Чтобы "рулить" без помех, вместо боевых генералов они поставят на руководящие должности тех, кто удобен. "Генералов" полностью оторвавшихся от народа, послушных, легко управляемых и по-лакейски угодливых. Реформы будут сведены к формуле: "сокращать и ликвидировать".

Одной из первых попадет под сокращение московская Военно-инженерная академия, в которую мечтал поступить герой этой книги. В слишком старинном и красивом здании

располагалась она.

Созданная по указу Александра первого в 1819 году академия была главной школой не только для военных инженеров. В ней учились знаменитые на весь мир: физиолог И.М. Сеченов, изобретатель электрического освещения П.И. Яблочков, писатель Ф.М. Достоевский и многие другие.

Воевать без военных инженеров невозможно. Это понимали цари, это понимали генсеки. Это хорошо "поняли" (с обратным знаком) и те, кто нанес удар по инженерным кадрам, чтобы превратить русскую армию в бутафорскую, марширующую на парадах роту.

Чуть позже участь этой академии постигнет и другие вузы, институты и многие объекты военно-промышленного комплекса. Цель этих "реформ" станет понятна даже непосвященным. В случае любого военного конфликта страна всегда сможет быстро "наковать" оружие и кадры, если есть кузница. Если кузница уничтожена, в нужный момент не будет ни оружия, ни кадров. На восстановление уйдет много сил и времени, которого во время войны попросту нет.

На ослабление страны, как самостоятельного государства, будут направлены и экономические реформы. Россия, которая веками была самодостаточной страной, будет накрепко пристегнута к торговой цивилизации Запада. Она потеряет самостоятельность, и первый же крупный кризис капитализма в конце десятилетия больно ударит по ее народу.

Все это будет. А пока, после провозглашения "победы над

чеченскими сепаратистами", народ с любовью и обожанием смотрел на молодого энергичного президента, который "сам ходит, сам говорит". И лишь немногие понимали: стране, как воздух, нужен лидер, который ко всему еще и "сам думает"!

Россия с трудом преодолела чеченский порог. Максимально выложившись во время мощного ускорения в двадцатом веке, она ушла в хвост пелетона. Затаилась, отдыхала и копила силы для очередного исторического рывка. Скопившиеся на ее теле паразиты чувствовали это и стремились максимально ослабить ее, отравить, разложить ее тело, чтобы продолжить свой сатанинский пир на ее останках. Человекообразные кровососы испытывали страх от сознания того, что страна окрепнет, стряхнет с себя ненужных ей насекомых и вновь рванет вперед за ушедшими в отрыв лидерами.

Вот в этой обстановке предстояло устраивать свою жизнь поколению, чье детство и юность пришлись на времена крушения империи под названием СССР. Страна преодолела чеченский порог, но еще не облетавшийся молодняк понес в эти годы наибольшие потери. Кто-то погиб на войне. Кто-то спился, а кто-то попробовал наркотики. Кто-то ушел от реальной жизни в виртуальную, а кто-то не захотел жить и решил на самоубийство. Некоторые ушли в уголовную среду, из которой возврата к нормальной жизни тоже нет.

И все-таки много было и тех, кто смог выкарабкаться. Именно этим ребятам предстоит не просто выстоять и вы-

жить, но и вырастить следующее поколение. Поколение, которое будет созидать. И от того, справится ли с этой задачей "поколение пепси", будет во многом зависеть судьба страны. Сумеет ли Россия вырваться из хвоста пелетона цивилизации, или ей предстоит уныло тащиться в обозе, обеспечивая пропитанием и сырьём мировых лидеров.